

Юрий Баулин

**Тропой
ПОДЗЕМНОЙ НОЧИ...**

(Записки спелеолога)

**Горный Крым - Москва
1962-2012**

Баулин Ю. И.

Тропой подземной ночи...

(Записки спелеолога)

-М.: ООО «Сам Полиграфист», 2012. — 260 с.

ISBN 978-5-904636-77-7

ISBN 978-5-904636-77-7

© Баулин Ю. И.

© Onebook.ru, 2012

Великое есть дело постигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку достичь возбраняется натурою; странствовать размышлениями в преисподней, проникать рассуждением сквозь тесные расселины, и вечной ночью помраченные вещи и деяния выводить на солнечную ясность.

М. В. Ломоносов

1. ДОРОГИ, КОТОРЫЕ ВЫБИРАЮТ НАС.

*Важны не те дороги,
которые выбираем мы,
а те, которые выбирают нас...*

О. Генри

Начало пути. (Вместо предисловия).

У каждой дороги, у каждой тропы обязательно есть свое начало, которое и побуждает нас сделать по ней первый шаг...

Моя жизненная «тропа подземной ночи» началась внезапно, без каких-либо прелюдий, а главное, без какой-то внутренней потребности и серьёзных внешних причин.

Никакого «зова бездны» я не ощущал ни в раннем детстве, ни в достаточно зрелом возрасте, вступая в должность старшего техника-геофизика кафедры геофизических исследований геологического факультета МГУ весной 1962 года.

В мои обязанности входила подготовка и обеспечение студенческой практики на Крымском учебном полигоне, расположенном недалеко от Бахчисарая. Надо сказать, что это была первая геофизическая практика в Крыму, которую проводила наша кафедра. До этого геофизики проводили практику на полигоне под Загорском (ныне – Сергиев Посад).

В Крым меня влекло Чёрное море, прельщая возможностью осуществить свою новую, весьма экзотическую мечту – заняться подводным плаванием с маской и ластами под влиянием рассказа Джеймса Олдриджа «Последний дюйм».

В предвкушении подводных приключений я вместе со всеми преподавателями и студентами-геофизиками 3-го курса погрузился в поезд Москва – Симферополь и ринулся навстречу новой жизни...

О пещерах я тогда не помышлял, а слова «спелеология» в моём словаре не значилось. И так было до того момента, пока доцент нашей же кафедры Анатолий Дмитриевич Фролов не предложил мне после окончания учебного процесса остаться вместе с ним в Крыму и посвятить несколько дней изучению распространения радиоволн в крымских пещерах. Тут только до меня дошло, что в Крыму, кроме моря есть ещё и карстовые пещеры, и что занятие это может оказаться ничуть не менее увлекательным, чем подводное плавание, которое к тому же никуда не денется. Отпуск ведь можно немного передвинуть, а пещерами будем заниматься официально за счёт научной тематики кафедры.

Получив благословение руководителя лаборатории, я дал согласие, не подозревая, что обрекаю себя в течение нескольких ближайших десятилетий на такие необычные и захватывающе приключения, о которых не смел даже мечтать.

Но главное – моё внезапное увлечение спелеологией в первый же сезон сблизило меня с интереснейшими людьми, которые на много лет стали моими соратниками и единомышленниками.

Почти 25 лет я старался быть активным спелеологом, то есть практически ежегодно проводил полевые исследования и научные эксперименты в пещерах Крыма, Кавказа, Урала и Средней Азии, участвовал в совещаниях и семинарах по спелеологии и карсту, занимался пещерной фотографией и опубликовал более 30 статей о подземных геофизических исследованиях в различных научных и популярных изданиях. Однако, спелеология так и не стала для меня всепоглощающим занятием, хотя я постоянно уделял ей какую-то часть своего времени.

Все эти годы меня не покидало желание написать книгу пещерах и пещерниках, которые буквально ворвались в мою жизнь и доставили мне неизъяснимое чувство сопричастности и радости открытия новых горизонтов, хотя и подземных, новых людей, таких обыкновенных в повседневной жизни, и в то же время не совсем обычных, когда они попадали в фантастический мир пещер, где они были одновременно и хозяева, и гости, и исследователи, и восхищённые наблюдатели.

Написать книгу о подземных приключениях вполне возможно, если, конечно, постараться преодолеть свойственную человеку инертность и лень.

Как говорят немцы:

Morgen! Morgen! Nur nicht Heute!
Sagen alle faulen Leute...

Сейчас даже появилось новое словечко – «прокрастинация». В переводе procrastination означает откладывание со дня на день, промедление.

Написать эту книгу так, чтобы её с интересом прочли не только люди, никогда в жизни не видавшие пещер, но и те, кто многие годы отдал их изучению, много трудней.

Но написать так, чтобы мои друзья-спелеологи, теперь уже люди преклонного возраста, вспомнили и пережили свои личные впечатления и наблюдения, свои большие и маленькие открытия, вновь испытали чувства, созвучные тем, что хотел выразить автор, задача почти невыполнимая. Для этого требуется не только профессиональное знание предмета, но и владение неким магическим «сезам!», который про-

буждает воспоминания и наполняет описание живыми подробностями и красками, делает их родными и узнаваемыми всеми участниками событий.

Особенно сложно это сделать после того, как вышли в свет замечательные книги французского спелеолога Норбера Кастере, который рассказал о подземном мире так живо и увлекательно, что добавить что-то новое чрезвычайно затруднительно. Кажется, нет ни одной темы, связанной с пещерами и их исследователями, которой бы он не просто не коснулся, а не развил бы её с тщательностью исследователя и блеском литератора.

Должен сказать, что моё первое (конечно, не личное!) знакомство с Норбером Кастере не вызвало во мне никаких положительных эмоций, скорее равнодушие, даже некую жалость к человеку, который мог так, на полном серьёзе рассказывать о «пресмыкании» в тёмных и грязных подземельях, где герой рискует не только испачкать одежду и набить шишку на голове, но наглухо застрять в каком-нибудь печном колене или элементарно заплутаться в замысловатом хаосе пещерного лабиринта.

Позднее, читая и перечитывая Кастере я каждый раз как бы по-новому переживал и осмысливал то немногое, что было отпущено и на мою долю на тропе созерцания и удивления. Это он пробудил во мне неутолимую жажду познания, которая движет самыми неожиданными человеческими поступками и никогда не приносит чувства полного довольства и насыщения. Но остаётся, обязательно остаётся главное – след сопричастности к открытию новой страницы, ибо каждая подземная экспедиция – это открытие, если не в материальном мире, то в познании самого себя, как частицы этого мира. И тогда то, что раньше воспринималось лишь как эпизод или отдельный факт, оказывалось ступенькой на лестнице познания закономерностей подземного мира, уводящего всё дальше и дальше, пока не иссякло желание и есть силы продолжать движение. А главное – открывая что-то новое на земле, мы открываем новое и в нас самих.

Со временем стираются в памяти отдельные эпизоды, забываются имена товарищей, тускнеют краски, исчезает та объёмность восприятия действительности, которая придаёт достоверность и убедительность пережитым когда-то событиям, но никогда не покидает присущее всем вкусившим от древа познания, начиная от прародителя Адама, всем без исключения натуралистам-исследователям чувство смутного, подсознательного беспокойства, которое то затихает, то накатывается с новой силой, как боль от старой раны перед непогодой.

Расставаясь с пещерами до следующего полевого сезона, я всегда испытывал эту щемящую неудовлетворенность и тоску по той, ещё не открытой, необыкновенной пещере, которую я так явственно создавал в своём воображении, которая грезилась мне во снах! И я ждал озарения, но озарение не приходило...

Блуждая в подземных лабиринтах, я не раз ловил себя на мысли, что нахожусь в двух шагах от чего-то очень важного и значительного, ради чего и стоило жить. Мне казалось, что вот сейчас за поворотом вспыхнет яркий свет, и всё станет простым и понятным! В эти минуты общения с природой я был как бы запрограммирован на тот высочайший уровень, который в системе Станиславского получил название «сверхзадача». И это ощущение новизны, близости и реальности чуда, буквально распирало мою грудь, будоражило чувства и я более ярко воспринимал всё, что со мной происходило или должно было произойти.

Похоже, что в эти минуты я преображался в первобытного охотника с его обострёнными инстинктами и развитым подсознанием. Но одновременно я чувствовал себя таким деревянным мальчишкой – Бурагино, стоящим на пороге волшебной страны несбыточного счастья...

*День догорал на фоне той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли,
Мена там нет... Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый ад глядит в пустые очи...*

Эти строки Александр Блок написал более ста лет тому назад. И хотя он не был спелеологом (тогда, наверное, и слова такого не еще придумали), но ощущение «сошествия во ад», знакомое всем причастным к изучению подземного мира, передано им очень точно. Мы все, рано или поздно, вступаем на Тропу Подземной Ночи. Поэтому для названия своей книги я выбрал именно эту строку из стихотворения Блока.

Затянувшийся на многие годы процесс написания этой книги в какой-то степени аналогичен процессу формирования карстовых пещер. Есть предпосылки, есть условия, есть обилие разрозненных фактов, но формирование книги-пещеры идет почти геологическими темпами. Растворение впечатлений в моей голове, преобразование в литературный материал, осаждение тончайшей пленки этого материала на стенках-главах книги пропорционально объему и скорости потока мыслей и их насыщенности (степени минерализации) полезной информацией.

Ялтинский гидротоннель.

Перед этим был Ялтинский гидротоннель. Его изучение с помощью геофизических методов входило в программу учебной практики, поэтому все студенты и преподаватели, рано или поздно, оказывались причастными к проблеме водоснабжения Ялты, которая каждый сезон буквально задыхалась от безводья, хотя целое Черное море плескалось рядышком, прямо у ног.

Когда наступила моя очередь, я с интересом стал осваивать новую для меня аппаратуру и методику наблюдений за изменением параметров распространения радиоволн под влиянием геологических неоднородностей.

Метод назывался «РадиоКИП», что означало «радиокомпорация и пеленгация», а прибор ПИНП – приёмник-измеритель напряженности поля – представлял собой обычный широкополосный радиоприемник, только более чувствительный, снабженный остронаправленной ферритовой антенной, положение которой можно было изменять в горизонтальной и вертикальной плоскостях и фиксировать в градусах, относительно горизонта и стран света. Амплитуда сигнала измерялась высокочувствительным микроамперметром. Таким образом прибор позволял точно измерять направление и максимальный уровень электрической составляющей сигнала любой широкополосной радиостанции, работающей в исследуемом регионе. А дальше начиналось «колдовство на уровне шаманства», когда надо было расшифровать, какие геологические неоднородности вызвали аномальное изменение регистрируемых параметров.

Надо сказать, что во всей моей дальнейшей работе непосредственно в пещерах обладание такой замысловатой техникой неизмеримо повышало мой, как сейчас выражаются, рейтинг в спелеоокружении, даже не столько благодаря научным результатам, но и просто возможности быть всегда в курсе событий и свежих новостей в стране и в мире.

Ведь это было начало шестидесятых, не только «докомпьютерная», но и «дотранзисторная» эпоха человечества, и владеть источником информации в полевых условиях (и даже под землей!) стоило многого.

Но это было потом, а пока я под руководством доцента Анатолия Дмитриевича Фролова стажировался на Ялтинском гидротоннеле и заодно готовился к предстоящей мне карьере спелеолога, благо, что в моём распоряжении (кроме самого тоннеля) оказалось несколько доступных для неопита спелеообъектов, которыми я с удовольствием воспользовался.

Биюк-Узен-Баш

Непосредственным наставником моим оказался сотрудник экспедиции Института минеральных ресурсов Юрий Иванович Шутов – старший гидрогеолог Северного портала Ялтинского гидротоннеля, где мне предстояло осваивать со студентами премудрости метода «РадиоКИП».

С Юрой Шутовым с первой же встречи мы почувствовали взаимную симпатию, которая очень быстро переросла в крепкую многолетнюю дружбу, хотя встречались мы не так часто: он – крымчанин, я – москвич.

Во-первых, мы оба – Юрии Ивановичи.

Во-вторых, одногодки – образца 1933 года.

В-третьих, мы оба незадолго до нашей встречи вернулись из Туркмении, где довольно успешно занимались, хотя и в разных организациях, проблемами гидрогеологии юго-восточных Кара-Кумов и были очарованы природой пустыни, дальними колодцами с очень своеобразным бытом и дружелюбным населением, ночной охотой на джейранов из-под фар и обильной рыбалкой на водохранилищах Мургаба.

Наконец, мы оба были почитателями Александра Вертинского. Кроме того, нам были созвучны недавно завоевавшие признание молодежи бардовские песни, особенно Булата Окуджавы и Александра Городницкого. Ведь на дворе стояла хрущевская оттепель...

А теперь нам пришлось настраиваться на совместную работу не только в гидротоннеле, но и в Красных пещерах, так как Юра – сотрудник ККЭ и опытный спелеолог – был прикомандирован к нашей группе в качестве инструктора, проводника и ангела-хранителя на время геофизических исследований.

Строительство Ялтинского гидротоннеля было прочно связано с кафедрой геофизики МГУ, которая совместно с Симферопольским институтом минеральных ресурсов осуществляла научно-методическое руководство инженерно-геологическими изысканиями. Ведь в стране (да и в мире!) ещё не было опыта проходки столь протяженных тоннелей глубокого заложения в сложных гидрогеологических и инженерно-геологических условиях. Проходка велась силами строителей Московского метрополитена, однако, в целях экономии средств проект предусматривал нестандартное сечение тоннеля, что исключало применение мощной проходческой техники. В процессе реализации проекта возникли непредвиденные трудности, надолго затянувшие сроки строительства.

Сама же история спасения от жажды курортной зоны ЮБК такова.

Северные склоны Главной гряды богаты реками и там есть долины, где запасы воды можно аккумулировать.

Бельбек – наиболее многоводная река Крыма. Она образуется от слияния двух рек – Биюк-Узенбаш и Манаготра. Ниже в Бельбек впадают слева притоки Кучук-Узенбаш и Коккозка. Так родился проект по переброске вод с северных склонов Главной гряды на южные. В верховьях Бельбека в 60-х годах было начато строительство крупного гидротехнического комплекса – Ялтинского водоводного тоннеля, а на притоке Манаготра сооружено Счастливинское водохранилище. Для этого течение Манаготры над селом Счастливое (Биюк-Узенбаш) было перекрыто плотиной и буквально за один сезон заполнилось водой. Высота зеркала воды водохранилища – около 395 метров над уровнем моря. А в толще Главной гряды был пробит тоннель длиной 7460 метров, и по этому тоннелю вода самотеком поступала в Ялтинский гидроузел, находящийся на высоте 360 метров над уровнем моря. Максимальная отметка горного массива, в котором пробит водовод, составляет 1270 метров над уровнем моря.

Строительство комплекса было закончено в 1964 году. Пока не был построен тоннель под Ла-Маншем, крымский считался одним из самых длинных в Европе. Водой снабжалась не только Ялта, но и все населенные пункты и санатории – от Гурзуфа до Фороса. Рассчитан тоннель изначально был на 50 лет эксплуатации. Сейчас гарантийный срок приближается к концу.

А тогда...

На северном портале тоннеля Юра занимал скромную комнатуюшку-пенал в бараке гидростроителей, где помимо экспедиционного скарба, дежурного комплекта спецодежды и неперемного атрибута – геологического молотка был установлен громоздкий магнитофон МАГ-1 на котором велось прослушивание естественных шумов в призабойной зоне тоннеля. Помимо этой ответственной функции МАГ использовался и по прямому назначению. В нашем распоряжении были две катушки с записями романсов Вергинского и песен Окуджавы, подаренные Юре геофизиком Алексеем Либерманом, которые мы с удовольствием прокручивали по вечерам, забравшись с ногами на лабораторный стол, дабы спастись от неисчислимого полчища крыс, хозяйничающих под полом.

Местное кислое вино и не менее кислые незрелые яблоки из одичавшего сада скрашивали наши ежевечерние музыкальные посиделки. Здесь же Юра приобщал меня к истории изучения крымских пещер, здесь же мы строили наши совместные планы на ближайшее будущее,

которое приобретало всё более реальные и привлекательные очертания. Впервые увидел я и фотографии, сделанные во время последнего посещения Красных пещер известным крымским кинооператором и спелеологом Юрием Зелениным, впервые услышал таинственные слова «Иель» и «Харанлых» – названия частей Кизил-Кобы – которые звучали для меня так же волнующе, как гриновские «Лисс» и «Зурбаган». С Юрой Зелениным я вскоре познакомился и подружился. В одной из книг он рассказал о своих впечатлениях от наших пещерных радиосеансов.

А пока мы мечтали, строили планы. Под полом шли крысиные разборки, выпитое вино регулярно требовало прогулок на свежем воздухе, а магнитофон напевал нам про недосыгаемо далёкий Сингапур и про очарованного московского муравья и про плачущую девочку, у которой улетел голубой шарик...

Нашим повседневным занятием было прослушивание радиостанций внутри тоннеля и попытка увязать наблюдаемые аномальные изменения уровня и направления подхода радиосигналов с закартированными тектоническими нарушениями и трещиноватыми зонами в толще горных пород. Ведь именно эти ослабленные участки горного массива представляли реальную опасность при проходке и дальнейшей эксплуатации гидросооружения.

К этому времени к нам присоединилась студентка Таня, которая после окончания практики также должна была работать в Красных пещерах.

Конечно, необходимость постоянно находиться в обстановке строящегося «метрополитена», как мы окрестили наш объект, очень раздражала постоянным грохотом вагонеток, шумом вентиляционных установок и периодическими взрывами на забое тоннеля, поэтому нам поскорее хотелось вырваться в настоящие «живые» подземелья, и такая возможность скоро представилась.

Юра Шутов – прирожденный геолог. Его физические данные и внутренний темперамент не оставляли для него иной стези, нежели геологической. Длинный, худой, сутуловатый с растрепанной копной русых волос и острым, внимательным взглядом, он был неутомимый ходок, отличный скалолаз и дотошный наблюдатель – облазил окрестности тоннеля и раскопал несколько перспективных карстовых пещерок, которые мы могли бы использовать в качестве тренировочной базы, а заодно и опробовать нашу аппаратуру в боевой обстановке.

В одну из таких пещерок он и повел нас с Таней, обещая букет необычных ощущений.

Вход в пещеру представлял длинную и узкую горизонтальную щель в известняковом массиве, расположенную в правом борту долины реки Биюк-Узен-Баш. С помощью кувалды и аммонита Юре удалось расширить тесный лаз, до размеров, позволяющих человеку средней комплекции преодолеть на выдохе первые десятки сантиметров и протиснуться в узкий проход, за которым просматривалось заросшее натечными образованиями низкое пространство, в дальней части которого шумел подземный поток, вырывающийся из-под известняковой плиты и через несколько метров снова ныряющий под нависающий непроходимый свод.

Свои первые подземные фотографии я сделал именно в пещере Биюк-Узен-Баш и они получились вполне прилично, передав и выражения лиц мох спутников – Юры и Тани и обстановку «шкуродера», в которой пришлось вести съемку.

Надо ли говорить, что эти первые тренировочные походы только раззадорили наше желание поскорее попасть в «настоящие» пещеры!

Остановленные мгновения

Впервые я приобщился к фотосъемке в пещерах летом 1962 года, когда в составе геофизического отряда кафедры геофизики геологического факультета МГУ принял участие в исследовании Красной пещеры.

Надо сказать, что желание сфотографировать то, что ты увидел под землей, возникает практически у каждого неопита, оказавшегося в подземной обстановке впервые, независимо от его фотографического опыта, стажа и целенаправленности его творческих интересов в повседневной жизни. Это естественное желание запечатлеть на пленку и унести с собой столь необычные впечатления от кратковременного прикосновения к красоте подземного мира. Подобное желание испытывал и я, но оно было подогрето только что попавшей мне в руки книжкой «Как раскрываются тайны», иллюстрированной великолепными фотографиями известного крымского спелеолога – оператора Ялтинской киностудии Юрия Зеленина. В то время его работы явились для меня и откровением и недостижимым эталоном, и, одновременно, учебным «наглядным пособием» подземного фотоискусства.

Период конца 50-х – начала 60-х годов ознаменовался не только становлением советской спелеологии, но и развитием многих направлений науки и искусства, в том числе, изобразительного. Это же в полной мере можно отнести и к фотографии. Появились новые отечественные фотоаппараты и фотопринадлежности, импортная фотопленка, реактивы для черно-белого и цветного процесса. Одна за другой вышли

в свет книги по искусству и технике фотографии. Это был поистине благословенный период, когда мы получили возможность реализовать себя в самых неожиданных видах деятельности, не связанных с повседневной идеологической «накачкой». Правда, тематика выставок и вернисажей тогда строго направлялась и контролировалась. Тем не менее, серия фотографий «Под каменным небом», сделанных Юрием Зелениным в Красных пещерах на очередной фотовыставке в Манеже была удостоена бронзовой медали, что свидетельствовало о некоторой либерализации отношения к тематике творчества. Какая уж идеология у троглодитов XX века!

Для своего дебюта в качестве пещерного летописца (точнее, светописца) я был неплохо подготовлен и технически и теоретически. Дело в том, что под влиянием вышедшего на экраны кинофильма «Последний дюйм», поставленного по одноименному рассказу Джеймса Олдриджа, я воспылил желанием немедленно испытать себя в жанре подводного фотографа после окончания студенческой практики. Поэтому я тщательно подготовился к своему дебюту, оснастившись минимальным набором пловца-ныряльщика (маска, ласты, дыхательная трубка) и соорудив герметичный бокс собственной конструкции для фотоаппарата «Зоркий С». (О пещерах я еще и не помышлял!).

Мои первые опыты показали, что подземная съемка существенно отличается от привычного фотографирования на поверхности. Съемку приходится вести в самых немислимых положениях: лежа на спине, скорчившись на узенькой полочке над бурлящим потоком, пристегнувшись карабином к тросовой лестнице, а то и пристроившись посреди лужи... И все это при остром недостатке такого естественного и такого привычного света, без которого трудно, иногда просто невозможно выбрать сюжет, оценить хотя бы примерные границы кадра и произвести точную наводку на резкость, не говоря уже о приблизительной оценке результата съемки. Весьма ограниченный набор источников освещения – батарейный фонарик, свеча, в лучшем случае – карбидная лампа или экзотический «Петромакс» оставляет пещерному фотографу мало шансов на успех. Казалось бы, проблему может решить использование импульсной лампы-вспышки, однако этот капризный и несовершенный агрегат середины XX века также является источником специфических трудностей, поскольку направленный световой импульс большой мощности создает такие неожиданные эффекты, которые невозможно прогнозировать заранее, а их последствия скорректировать при печати фотоснимка.

Пересвеченный передний план, неожиданное и нежелательное распределение теней в кадре, жесткие контурные тени, которыми объект как-бы приклеивается к фоновой поверхности, плоское, невыразительное освещение фигур и лиц, лишаящее кадр объемности – вот основные негативные результаты применения импульсных источников.

Кроме того, промышленные образцы импульсных ламп этого периода были совершенно не рассчитаны на эксплуатацию в условиях постоянной повышенной влажности подземелья. Моим первым импульсным источником была конденсаторная модель «Молния-1» образца начала 50-годов. Она представляла собой отражатель без защитного стекла, размером с десертную тарелку, в рукоятке которого помещался мощный электролитический конденсатор, соединенный с источником питания – 300-вольтовой батареей – обыкновенным проводом. Батарея помещалась в специальной сумочке, которую надо было носить через плечо, что в условиях пещер было большим неудобством. Ни о какой повышенной гидроизоляции не было и намека. Поэтому с первых же минут пребывания под землей этот электронный агрегат становился источником повышенной опасности, так как батарея и конденсатор могли разрядиться на самого оператора. Синхронизатор предусматривался только при расположении вспышки непосредственно на фотоаппарате. При необходимости использования источника, как выносного, приходилось синхронизировать импульс на «раз-два-три», то есть, при открытом затворе по команде оператора помощник нажимал кнопку на корпусе вспышки. При этом все влажные контакты искрились и разряд сопровождался оглушительным грохотом, усиленным пещерной акустикой.

И все-таки, даже с такой примитивной техникой уже в первом поле-вом сезоне 1962 года мне удалось получить качественные снимки, которые не только иллюстрировали процесс проведения геофизических исследований Красных пещер, но и запечатлели своеобразную обстановку, в которой он происходил.

Первые успехи и полученные навыки были закреплены и преумножены на следующий год, во время экспедиции на Караби. Улучшилось снаряжение. Электрошоковую «Молнию» заменил вполне современный (относительно) «Луч», хотя и громоздкий, но более надежный. Были сделаны также выводы методического и технического плана.

Результат не замедлил сказаться: моя статья «Фотосъемка в пещерах», сопровождаемая фотографиями и схемами съемки, была опубликована в журнале «Советское фото» (август, 1964 год). А это – несомненный успех.

Какие же выразительные средства использовались при фотографировании пещер? Их три: свет, тени и цвет. Точно так, как и на поверхности земли, только в ином сочетании и в других пропорциях.

Прежде всего, надо не забывать, что 60-е годы – это период преимущественно черно-белой фотографии. Так что основными действующими факторами оставались свет и тени, что позволяло оперировать только в плоскости снимка, добиваясь, по возможности эффекта объемности с помощью светотональных переходов.

Однако, еще Михайло Ломоносов предрекал неминуемое появление «цветовидения», ибо: « Много утех и прохлад в жизни нашей от цвета зависит».

В середине 60-х годов уже появились высококачественные немецкие фотопленки Агфаколор и Орвохром и соответствующие реактивы для проявления и печати, но, если сам процесс съемки на черно-белую и цветную пленки принципиально не различался, то цветная печать по своей сложности, трудоемкости и стоимости долгое время оставалась для фотографа-любителя практически недоступной. О слайдах тогда еще и не помышляли. Благо, что с цветной негативной пленки можно было печатать черно-белые изображения, отложив цветной процесс до лучших времен.

Лучшие времена наступили. Черно-белый период сменился цветным, он стал доступен всем, а появление электронной фотографии быстро вытеснило архаичную, но такую привычную нам схему «съемка-проявление-печать», на основе которой были сделаны первые шаги пещерной фотографии и получены такие снимки, которые позволяют без тени преувеличения считать их произведениями искусства.

А в начале 60-х годов энтузиастов-фотографов, серьезно работающих в жанре пещерной фотографии, можно было перечесать по пальцам одной руки: кинооператор Юрий Зеленин (Крым), натуралист-энтомолог Виталий Танасийчук (Ленинград), карстовед Евгений Дорофеев (Кунгур) и, в какой-то степени, автор этих строк. Из зарубежных – Антон Дроппа (Чехословакия). (Простите, кого не упомянул!).

Позднее этот список заслуженно возглавил автор великолепных цветных и черно-белых снимков Владимир Мальцев, работающий творчески, на высоком профессиональном уровне. Его многочисленные персональные фотовыставки в России и за рубежом говорят сами за себя.

Техническая революция, затронувшая и спелеологию и фотографию, способствовала массовому увлечению фотографией вообще, и спелеофотографией, в частности. Количество энтузиастов освоения

подземного пространства неизмеримо возросло, так что количество авторов отличных фоторабот сейчас насчитывает десятки, если не сотни.

Период бурного развития советской спелеологии, как одного из направлений массового туризма (не науки о пещерах!) совпал по времени с такими проявлениями общественной активности, к которым можно отнести поощряемое сверху противостояние «физиков» и «лириков», дискуссии о форме и содержании изобразительного искусства и другие отдушины, созданные для понижения градуса общественного сознания, взвинченного неутешительными реалиями повседневной жизни. Прием известный и безотказно действующий во все времена и народы: как в лабиринте – замкнул вход на выход, и циркулируй, пока не загнешься в каком-нибудь темном закоулке.

К числу популярных дискуссионных тем относилась и такая: принадлежит ли художественная фотография к числу технических процессов, выполняющих прикладные функции в комплексе средств массовой информации, или она является самостоятельным, творческим видом изобразительного искусства, наряду с живописью и графикой, но опирающаяся на техническую основу.

Короче – фотография – это техника, или творчество, ремесло, или искусство?

Интересные рассуждения о сущности творчества и творения содержатся в книге Владимира Мальцева «Пещера мечты. Пещера судьбы», которая давно уже стала библиографической редкостью:

«Творение и Творчество – вещи слегка разные. И если Творчество есть категория, человеку понятная полностью, то Творение – уже (точнее, еще) нет. И на настоящем этапе эволюции Человека (не как биологического вида, а как Творца) Творение имеет несколько проекций на мысль человеческую. То есть – существует ряд процессов в занятии, присущих человеку, которые подсознание интерпретирует как Творение».

Ну как здесь не вспомнить стихи Германа Гессе, в которых процесс Творения предстает не как одномоментный акт «Да будет!», а как результат всепобеждающего творческого спора Творца с устоявшейся картиной прабытия:

*Вначале тишина, смешенье туч...
Но вот пронизывает бездну луч –
И строит в хаосе свои пространства,
Высветливает тверди легкий свод,
Играет радугой, просторы вьет,*

*Сгущает землю, скал чернит убранство,
Прабытия глухое естество
Разорвано для творческого спора,
Гудя раскатывается порыв,
Все затопив, залив, преобразив.-
И голосами громового хора
Творенье воздвигает торжество...*

Далее Мальцев отмечает, что создав Фотографию как альтернативу Живописи – Творец позаботился о сюжетах, перед которыми Живопись бессильна, а Фотография становится высоким искусством.

Итак, опустившись в глубины земли, художественная фотография неожиданно обрела качества высокого искусства, соизмеримого с процессом ТВОРЕНИЯ.

На столь высокий пьедестал она еще никогда не поднималась за все время своего существования.

А как же сейчас, когда весь процесс фотографирования, начиная от спуска затвора и кончая выдачей изображения предоставлен электронным программам, которые непрерывно совершенствуются, когда Фотошоп мгновенно преодолевает проблемы, которые еще 15-20 лет тому назад казались неразрешимыми?

На этот вопрос у Владимира Мальцева также есть ответ:

«Никакой фотоаппарат не вытеснит кисть художника, и, что даже более важно – никакой «умный» фотоаппарат не обойдется без фотографа».

И все же есть опасение, что арсенал технических средств, имеющийся в руках у современного фотохудожника, может лишить пещерные фотографии того неповторимого момента уникальности «остановленного мгновения», присущего раннему черно-белому периоду, когда на фотографии, как и в жизни, «как вышло, так и будет», и изменить, подправить, переписать заново ничего нельзя...

Несмотря на обилие пещерных фотографий на страницах Интернета (в процессе работы над книгой я просмотрел только по Кизил-Кобе более тысячи работ!), большинство из них годится только для семейного альбома. Художественные фотографии и по сей день крайне редки и тем более драгоценны.

Пусть не заподозрит читатель, что я ностальгирую по безвозвратно ушедшим черно-белым временам. Отнюдь нет! Ведь термин «любительская фотография» (в смысле ее низкого качества) возник именно в черно-белый период. Просто фотографы тех времен, лишённые мно-

гих технических средств и изобразительных возможностей, доступных каждому новичку сегодня, более строго подходили и к выбору сюжетов, и к установке освещения, и (что самое главное!) к моменту спуска затвора, стараясь останавливать мгновения так, чтобы производить как можно меньше технического брака, исправить который, увы, не представлялось возможным...

А переход на цветное электронное изображение – процесс естественный и необратимый со всеми преимуществами и недостатками в руках (и в голове) фотохудожника, фотомастера, если хотите – фотопоэта, ибо фотография, как и поэзия – это образ существования художника – в цвете и в свете.

Эту тему прекрасно раскрывает современный поэт Борис Прахов в своем стихотворении «Рассуждения о цвете», которое случайно попало мне на страницах Интернета:

*Свет белый разложил на спектр Гений...
Но это – лишь условности печать.
Ведь есть оттенки души и настроений
И чувства, их способные понять.*

*Есть в звуке цвет. В мажоре и миноре.
И чёрный цвет на белом свете есть...
Он для того, чтоб обозначить горе,
Для траура и праздничных торжеств.*

*Есть Ночь. Она на чёрных мягких лапах.
И есть Молва, способная чернить...
Стихи имеют цвет и вкус, и запах,
Но жаль – не всем дано их уловить!*

*Цвет сотворить возможно и «пробелом»...
Но объяснить не сможет сам поэт:
Как эти строчки, ЧЁРНЫЕ на БЕЛОМ,
Передают Души волшебный ЦВЕТ?*

2. ЭТИ ДЛИННЫЕ, ДЛИННЫЕ КИЛОМЕТРЫ...

*Пляшут тени по стене,
Ничего не страшно мне.
Всё равно подземный путь
Приведет куда-нибудь...*

А.Толстой. Приключения Буратино

Как раскрываются тайны? (Немного истории)

«Как раскрываются тайны?» – это название научно-популярной книжки об истории изучения Красной пещеры, выпущенной Крымским книжным издательством в 1962 году.

Авторы книжки – сотрудники Комплексной карстовой экспедиции Института минеральных ресурсов АН УССР – Борис Николаевич Иванов, Виктор Николаевич Дублянский и Олег Иванович Домбровский.

Увлекательная, немного наивная, иллюстрированная нарочито шаржированными рисунками Олега Домбровского и высокохудожественными фотографиями Юрия Зеленина история освоения Красных пещер открыла полувековую летопись советской и российской спелеологии.

Итак, в мае 1958 года небольшой отряд сотрудников Комплексной карстовой экспедиции (ККЭ) ИМП АН УССР посетил Кизил-Кобинское ущелье, расположенное на юго-западном склоне Долгоруковского массива. Едва ли кто-нибудь из участников первой научной экспедиции мог предполагать, к каким неожиданным последствиям приведет это посещение. Тем не менее, планировавшийся изначально как рекогносцировочный маршрут в малоизвестную и, на первый взгляд, не очень интересную пещеру не только положил начало многолетнему планомерному исследованию Красных пещер в научный целях, но и сделал этот пещерный комплекс местом паломничества спелеологов Советского Союза на многие десятилетия.

Работы 1958 года положили начало нового направления деятельности ККЭ – изучению глубинного карста Крыма. Позднее этот срок стал считаться официальным началом советской научной спелеологии.

Сейчас, когда число исследованных пещер в Крыму давно перевалило за тысячу, Краснопещерный карстовый полигон по праву остаётся наиболее интересным и значительным спелеообъектом не только в Крыму, но и на всей территории бывшего СССР.

Вот основные этапы освоения Красных пещер: Осень 1957 года. Виктор Шаманский и ещё трое крымских туристов открыли узкий лаз

за старой речкой и вышли в предсифонную галерею (Горло Шаманского и Первый сифон).

Май 1958 года. Начало планомерных работ ККЭ совместно с энтузиастами Симферопольского клуба туристов. Обследованы и закартированы привходовые части пещеры – Иель, Харанлых и Археологическое кольцо.

Октябрь 1958 года. Турист Михаил Ефимов впервые вплавь преодолел 1-й сифон. За ним следом этот маршрут повторил руководитель экспедиции ККЭ Виктор Дублянский, который достиг Южной гавани и прошёл в засифонную галерею. 15 октября было совершено первое коллективное преодоление 1-го сифона (Дублянский, Аверкиев, Федоренко, Прибыловский).

7 ноября 1958 года. Осуществлен гидротехнический проект А. С. Прибыловского: пробит водоотводный канал, позволивший понизить уровень воды в 1-м сифоне и сделать его проходимым для резиновой лодки. Участники экспедиции проходят обвальные залы, открывают Ход трёх капитанов, впервые осуществляют геологическую и топографическую съёмку засифонных ходов.

Октябрь 1959 года. Первый подземный лагерь в засифонной части (Дублянский, Геннадий Пантюхин, Гончаров). Прохождение 2-го сифона.

1961-62 годы. Ряд экспедиций, позволивший расширить исследованную часть карстовой системы Кизил-Кобы до 5-го сифона. В 1960 году в предсифонной части пещеры впервые были выполнены опытные геофизические исследования распространения радиоволн методом «РадиоКИП» (Анатолий Фролов).

27 октября 1961 года. Историческое решение Крымского облисполкома о создании научно-просветительного заповедника-музея на базе Красных пещер (сколько подобных решений было принято и не выполнено позже!).

Лето 1962 года. Первый всероссийский слет спелеотуристов. Выпущен памятный значок «Спелеолог. Крым. 1962». После окончания слета геофизический отряд геологического факультета МГУ вновь провёл в предсифонной и засифонной частях пещеры измерения методом «РадиоКИП» (Анатолий Фролов, Юрий Баулин, Юрий Шутов, Татьяна Демидова), которые дополнили и уточнили данные 1960 года.

К настоящему времени исследованная часть Кизил-Кобы превышает 21 км. С 1989 года в пещере оборудован туристско-экскурсионный маршрут протяженностью целых 600 метров!

Куда уходят радиоволны?

Можно ли слушать радио под землей? Тот, кто ответит – нет, – ведь радиоволны в земле не распространяются – будет неправ. При определенных условиях радиоволны способны проникать в толщу горных пород, правда, пути их распространения намного короче, чем в свободном пространстве.

Так что же будет, если включить радиоприемник в пещере?

Наиболее полный и квалифицированный ответ на этот вопрос мог бы дать Анатолий Дмитриевич Фролов (1931 – 2006), профессор кафедры геофизики, один из разработчиков портативного прибора для изучения распространения радиоволн в различных средах, энтузиаст подземных геофизических наблюдений, организатор и неперемный участник экспедиций в Ялтинском гидротоннеле, Красных пещерах, Кунгурской ледяной пещере и других

карстовых объектах, позднее полностью посвятивший себя разработке теории распространения радиоволн в вечномерзлых горных породах и льдах.

Анатолий Дмитриевич обладал способностью увлекательно рассказывать о предмете в самой, казалось бы неподходящей обстановке, а на самом деле – именно в естественных условиях пещер (как говорят лингвисты, в процессе полного погружения в среду-носитель информации). Один из таких моментов импровизированной лекции для студентов-третьекурсников мне удалось зафиксировать в Кунгурской ледяной пещере.

Опыт проведения работ методом радиопросвечивания в рудниках и шахтах показал возможности его применения и в карстовых пещерах. Для этих объектов наиболее подходящим оказался метод «РадиоКИП».

«РадиоКИП» является самым экспрессным методом высокочастотной электроразведки: аппаратура портативная, работа ведется

одним оператором; метод решает практически все задачи электропрофилирования в наземном варианте и радиопросвечивания – в подземном. Им прекрасно выделяются обводненные зоны, выходы коренных пород к поверхности, вечная мерзлота и тектонические нарушения. Аппаратура не требует заземления, поэтому метод может использоваться в любой сезон и на любой местности. К некоторым недостаткам относятся: нестабильность приема радиостанций, особенно в удаленных районах и влияние рельефа окружающей местности в горных условиях).

В повседневной жизни нам всем приходится иметь дело с радиоволнами, излучаемыми ширококвещательными станциями, работающими в широком частотном диапазоне.

В зависимости от диапазона радиоволны имеют свои особенности и законы распространения:

Сверхдлинные и длинные волны сильно поглощаются ионосферой, основное значение имеют приземные волны, которые распространяются, огибая землю. Их интенсивность по мере удаления от передатчика уменьшается сравнительно быстро.

Средние волны сильно поглощаются ионосферой днём, и район действия определяется приземной волной, вечером хорошо отражаются от ионосферы и район действия определяется отражённой волной.

Короткие волны распространяются исключительно посредством отражения ионосферой, поэтому вокруг передатчика существует так называемая зона радиомолчания. Короткие волны могут распространяться на большие расстояния при малой мощности передатчика.

Для разведочных целей наиболее подходящими являются сверхдлинные и длинные диапазоны. Менее благоприятен средневолновый диапазон.

Здесь нет необходимости вдаваться в теоретические подробности распространения радиоволн в различных геологических средах в зависимости от частотного диапазона излучателя, электромагнитных характеристик среды и условий приема радиосигнала, проходящего сквозь физическую преграду (массив горной породы) или отраженный от ее поверхности. Эти процессы базируются на сложнейших математических положениях теории электромагнитного поля, уравнениях Максвелла, способных завести читателя в такие лабиринты импедансов, лапласианов, функций Бесселя и других премудростей, после которых самые затейливые пещерные конструкции могут показаться детской игрушкой. Коснусь лишь основных предпосылок

использования радиоволновых методов для изучения подземных полостей.

Теория показывает, что в толще горных пород существует некоторый приповерхностный переходной слой, в котором радиоволны могут распространяться, снижая интенсивность, вплоть до полного затухания. Мощность этого слоя определяется электромагнитными свойствами среды и частотным диапазоном передающей станции и может колебаться от нескольких метров до десятков и даже сотен метров, а этого вполне достаточно для изучения большинства подземных объектов естественного или искусственного происхождения.

Наибольшей проницаемостью обладают волны СДВ и ДВ диапазонов, причем с возрастанием частоты передающего сигнала уменьшается глубина проникновения радиоволн.

Таким образом, появляется реальная возможность осуществлять своеобразное «радиопросвечивание» толщи горных пород, используя в качестве передатчика – ширококвещательные радиостанции, а в качестве индикатора – высокочувствительный радиоприемник. При этом отпадает необходимость в использовании собственного автономного передатчика, что не только упрощает процесс производства измерений и значительно снижает стоимость работ.

В условиях крымских пещер метод был успешно применён трижды в Кизил-Кобе (в 1960, 1962 и 1966 годах), в ряде пещер на Карабийле (в 1963 году), в частности, в шахте Монастырь-Чокрак, где одна из пустотных аномалий была успешно вскрыта и привела в новую часть пещеры, и на Чатыр-Даге (в 1965 году).

По результатам этих работ было опубликовано несколько научных статей, однако, до практической реализации большинства содержащихся там рекомендаций дело дошло лишь полвека спустя!

Идея поискать продолжения в ближней части Кизил-Кобы по материалам геофизических исследований 1960-62 г.г. осуществилась зимой 2010-2011 года.

Автор идеи – известный симферопольский спелеолог – Хорхе Мигель Корнысь, который был участником экспедиции 1966 года. Работы проводились спелеологами Симферополя и Севастополя под руководством автора идеи и при активной поддержке предприятия «Кизил-Коба».

Очень коротко о результатах геофизических работ. При работах 1960 года измерялись сигналы трех ширококвещательных радиостанций: Киев – 209 кГц (1435 м), мощностью 150 квт, расстояние – 700 км; Бухарест – 155 кГц (1985 м), мощностью 150 квт, расстояние

600 км и Анкара – 182 кГц (1648 м), мощностью 120 квт, расстояние 600 км. В качестве регистратора использовался разработанный в конце 50-х годов на кафедре геофизики геологического факультета МГУ портативный прибор «ПИНП» – прибор измерения напряженности поля.

Измерения проводились на дневной поверхности и на всех 6 этажах предсифонной части пещеры. Точки наблюдения были вынесены на поэтажный план пещеры. Работы 1962 года позволили уточнить параметры некоторых аномалий, полученных ранее.

Наибольший интерес представляют результаты наблюдений в Иель-Кобе – 4 и 5 этажи пещеры. Результаты интерпретации, несмотря на качественный характер, позволяют предположить наличие линейно вытянутой карстовой полости, заполненной глинистым материалом (проводник, в котором индуцируется линейный ток). Резкое снижение интенсивности поля и азимута радиопеленга станции вызвано наличием вторичного поля, индуцируемого неоднородностью. Аномальный эффект, полученный в наиболее удаленном участке пещеры свидетельствует о наличии с западной стороны линейно вытянутого продолжения, заполненного электропроводящим глинистым материалом. Местоположение выявленных аномалий соответствует предположениям геологов о наличии здесь перспективных продолжений пещеры.

Ранее неоднократно предпринимались попытки раскопок на 4 и 5 этажах пещеры с целью проникновения в неизвестную часть. Недавно открытый Университетский приток вселял надежду на продолжение его верхних сухих этажей, которые по всей видимости имеются. Приток этот до конца так до сих пор не пройден – прохождение затрудняют многочисленные и протяжённые сифоны, требующие специальной подготовки и подводного снаряжения.

Открытие продолжений верхних этажей может дать доступ в новую ветвь пещеры, которая тянется до источника Дружное, расположенного в северной части Долгоруковского массива, а также соединяется с другими пещерами района.

Весьма перспективным направлением является обход Первого сифона Кизил-Кобы посуху, что позволило бы проложить новые интересные экскурсионные маршруты.

Итак, радио под землей слушать не только можно, но и нужно. Привычные радиоволны, пройдя через толщу горных пород, могут обогатиться весьма интересной и важной информацией о внутреннем строении карстового массива.

Кизил-Коба – 62 (Контрольный срок)

Контрольный срок – заранее устанавливаемое предельное время прохождения того или иного пункта маршрута или его отдельного этапа.

Отсутствие информации от группы, находящейся в маршруте, по истечению КС является основанием для немедленной организации поисково-спасательных работ.

Выход остальной части группы на помощь по истечению КС является обязательным и подготавливается уже при приближении назначенного времени.

КС назначается с учётом времени суток и погодных условий, влияющих на безопасность как контролируемой группы (части группы), так и тех, кому предстоит поиск и оказание помощи.

(Выписка из Инструкции по Т.Б.)

Наша студентка Таня потерялась. А виною тому – пресловутый контрольный срок.

О контрольном сроке мы были наслышаны еще задолго до начала наших работ в Кизил-Кобе. О нем увлекательно было написано в книжке «Как раскрываются тайны», только что выпущенной Крымским книжным издательством, о нем постоянно напоминали наши Симферопольские друзья – сотрудники ККЭ. Наконец, мы и сами – геологи со стажем, были на практике хорошо знакомы с требованиями по безопасности при проведении полевых работ в горных районах. Но особенности поведения в подземных маршрутах были для нас ещё «terra incognita», поэтому контрольный срок приобретал здесь чуть ли не мистический характер, преследовал нас даже во сне, и о нарушении его просто не могло быть и речи.

Первые выходы в предсифонную часть Кизил-Кобы мы совершали в полном составе, так что контролировать нас кроме нас самих было некому. Поэтому вопрос о контрольном сроке до поры до времени не возникал. Но когда дело дошло до изучения засифонной части пещеры, стало ясно, что вчетвером совершать этот маршрут будет весьма затруднительно. Во-первых, наша резиновая лодочка вмещала только двоих, так что переправа через Первый сифон могла занять много времени. Во-вторых, прохождение обвальных залов требовало физических сил и определенной подготовки. В-третьих, кто-то должен был «сидеть на вариациях», то есть наблюдать за дрейфом прохождения радиоволн для внесения соответствующих поправок в результаты подземных измерений. Да и за хозяйством тоже должен быть присмотр.

Вывод был однозначным: Таня остается в лагере, как ни печально. Тут же был определен и контрольный срок: 10 часов с момента входа в пещеру плюс один час.

О том, как летит время в подземных маршрутах, говорить не приходится. Все предварительные расчеты времени преодоления естественных преград, проведения замеров, описание маршрута, фотосъемка, да и просто ритм прохождения маршрута, диктуемый характером объекта – обводненной полости, осложненной глыбовыми завалами, требовали умножения на поправочный коэффициент 3. Какой уж тут десятичасовой контрольный срок!

На обратном пути мне пришлось испытать прелести одиночества и полной темноты при возвращении из засифонной части. Нас было трое, не считая ПИНПа и одной резиновой надувашки, в которой могли с трудом поместиться только двое. Классическая задача о волке, козе и капусте. Я добровольно согласился на второй рейс, и как только стихли голоса и исчезли отсветы фонарей моих уплывших товарищей, потушил налобный фонарь и отдался «созерцанию» той необычной обстановки, в которую сам себя поставил.

Надо сказать, что ожидаемого эффекта «полного мрака» не получилось: в глазах назойливо кружились световые точки-мушки, которые никак не хотели исчезать из поля зрения, и волевым усилием невозможно было заставить их убраться. Для этого, наверное, должно было пройти какое-то значительное время, когда утихнут рефлекторные реакции зрительного центра. Подобное состояние точно передано в рассказе Горького «Челкаш»: «Глаза ломило от напряженного рассматривания тьмы...».

Не получилось и полной тишины. Во-первых, вода никак не хотела затихать. Мелодия капель то приближалась торопливо и нервно, то замедляла ритм и почти замолкала, то превращалась во взволнованный монолог с массой эмоций, но полностью непонятным содержанием, то раздваивалась, и мне отчетливо слышались попеременно то женские, то мужские интонации, как будто дикторы радио вели передачу последних известий, вот только слов не разобрать.

Наверное, именно о воде в пещерах писала Элизабет Манн-Боргезе в своей книге «Драма океана»: «Сначала была только вода, только вода в беззвездной ночи – этом безжизненном промежутке между растворением и творением».

Несколько раз я отчетливо ощущал (не слышал, а именно ощущал) по движению воздуха отдаленные вздохи пещеры. И всё-таки, тишина, мрак и одиночество обволакивали и волновали меня. Невольно приходили мысли о том, что с водой и ветром были связаны пещеры в вооб-

ражении людей ещё в глубокой древности. Так у Гомера владыка ветра – Эол – изображался восседающим со скипетром в руке на вершине горы над пещерой, в которой были заключены ветры. Одна из частей Красной пещеры по-татарски так и называется «Иель» – что означает «ветровая». Часто воздушные потоки являются причиной слуховых галлюцинаций. Отсюда берут начало легенды о «стонущих» пещерах. Достаточно вспомнить вой ветра в Горле Шаманского, что служит верным признаком проходимости Первого сифона.

Но скоро моё испытание пещерной триадой окончилось, из сифона слышались звуки титанической борьбы, мелькнул лучик фонаря – возвращался мой Харон – Юра Шутов.

Четыре года спустя я повторил этот же маршрут, но уже в составе немногочисленной научно-исследовательской группы, так что эффект тишины и одиночества не повторился.

*Я хотел бы слушать тишину,
Но при людях это невозможно...*

Ю. Друнина

А в этот раз мы с большим трудом завершили намеченный план исследований и, дойдя лишь до Второго сифона, с опозданием выбрались на поверхность, нарушив контрольный срок более, чем на три часа.

Тани в лагере не было... Литровая банка парного молока, заботливо укутанная одеялом кастрюля с кашей, чистота и порядок в палатке, но ни самой Тани, ни записки не было. Пока мои партнеры по нарушению святая святых – Толя Фролов и Юра Шутов – приходили в себя после многочасового поединка с засифонной частью Кизил-Кобы, я, терзаемый чувством нашей коллективной вины за грубейшее нарушение правил пещерного распорядка, и обуреваемый беспокойством по поводу отсутствия Тани, решил осмотреть окрестности Кизил-Кобы, пока не совсем стемнело, и порасспросить отдыхающий народ, может кто видел ее и что-нибудь знает о местонахождении.

Был субботний вечер, отдыхающих на Туфовой площадке было довольно много, жгли костры, шумели, играла музыка. Почти все видели похожую по описанию девушку у входа в пещеру часа три тому назад, но куда она направилась далее, никто не знал.

Уютно расположившийся в Ночлежном гроте бородатый отшельник, коротавший вечер за книгой при свете допотопного железнодорожного фонаря со свечой, которыми снабжались общие вагоны в начале века, немедленно изъявил желание присоединиться к нашей поисковой группе (к этому времени ко мне примкнули слегка отдохнувшие кол-

леги). Несмотря на все нараставшее беспокойство, мы решили пока не поднимать тревогу и, поблагодарив добровольца, самостоятельно продолжили поиски.

Быстро темнело, усилился дождик. Наши изрядно подсевшие в пещере фонари почти не давали света. Надо сказать, что параллельно с нами в окрестностях Кизил-Кобы вели работу геофизики института «ВСЕГИНГЕО». Их отряд, оснащенный прямо-передаточной аппаратурой для радиопросвечивания горных пород, смонтированной на автомашине повышенной проходимости, должен был базироваться где-то поблизости на Долгоруковской яйле. Неужели Таня отправилась за помощью к ним? Так или иначе, это было единственное наиболее вероятное направление поиска. Для этого надо было форсировать речку Краснопещерную, подняться по залесенному левому борту долины и, выйдя на Долгоруковский массив, попытаться отыскать геофизическую машину. Причем надо было торопиться, ибо блуждать ночью практически без света по закарстованной местности – занятие не просто рискованное...

Я обратился с просьбой к туристам, расположившимся на Туфовой площадке, некоторое время не шуметь, и мы продолжили поиски, время от времени окликавая Таню и прислушиваясь, не раздастся ли ответный призыв?

И ответ прозвучал... После двух десятков тщетных призывов, уже отчаявшись, на одном из крутых поворотов тропинки, открывающихся в сторону Долгоруковки, я скорее не услышал, а почувствовал слабое – У-а-а-а!

Дальнейший диалог опирался, в основном, на гласные звуки:

– Таня, ты меня слышишь?

– А-а-а!

– Отвечай «да» или «нет». Поняла?

– А-а-а!

– Руки-ноги целы?

– А-а-а!

– Свет есть?

– е-е-е!

– Стой на месте и подавай голос!

– А-а-а!

Забыв об осторожности и не обращая внимания на отчаянные попытки держи-дерева умерить мой порыв, я рванул на этот голосок, время от времени сверяя направление по ответным крикам, которые становились все явственнее. Чуть сзади ломился сквозь колючий кустарник

грузный Анатолий Дмитриевич Фролов, а где-то ниже слышалось тяжелое дыхание Юры Шутова.

Вот перебрались через речку, пересекли тропу, ведущую к нашему лагерю, ползем по склону. Дальше – огромная глыба известняка, а на ней, свесив ножки – наша Таня... Промокшая, усталая, но такая счастливая...

Хватаю ее в охапку, и, теперь уже осторожно, боясь оступиться, возвращаюсь на еще хорошо различимую тропу, ведущую к нашей палатке. Там промокшую и озябшую путешественницу отогрели аварийным запасом спирта, не забыв причаститься сами и стали реконструировать события прошедшего дня.

Сценарий был примерно такой, как мы и предполагали, за исключением одной существенной детали, о которой мы просто не могли знать. Когда приблизился контрольный срок, Таня поднялась на Туфовую площадку и стала дожидаться нашего выхода. В это время подъехал на машине руководитель секции карста и селей ИМРа Борис Николаевич Иванов. Он искал геофизиков «ВСЕГИНГЕО», чтобы сообщить им неблагоприятный прогноз погоды на ближайшие дни: усиление облачности, ветер, проливные дожди. Заодно он высказал предположение, что велика вероятность подъема воды в подземной реке, которая может перекрыть Первый сифон и посоветовал отложить исследование засифонной части пещеры.

Заронив семена тревоги в сердце хранильницы домашнего очага, Борис Николаевич отправился разыскивать наших коллег – геофизиков, чтобы предупредить их о надвигающейся непогоде. А Таня осталась наедине с тревожными мыслями. Погода ухудшалась, стал накрапывать дождик. Мы не появлялись, тревога усиливалась. Под впечатлением красочного описания подземного наводнения в книжке «Как раскрываются тайны», Таня представляла, что сифон уже закрылся, а мы захлебываемся в лабиринтах Кизил-Кобы. Поэтому, выждав еще некоторое время, она не придумала ничего лучшего, как идти за помощью к геофизикам на Долгоруковку. И она совершила это героическое восхождение, на ночь глядя, почти без света, не представляя даже приблизительно, где искать подмогу. Она вышла на Долгоруковскую яйлу, но там все накрыл такой плотный туман, что единственно правильное решение было возвращаться, и как можно скорее!

Сумерки настигли ее где-то на середине спуска. Фонарик полностью отказал. Она ориентировалась на звук камешков. Бросала камень и прислушивалась: упал рядышком – можно идти, нет звука – надо обходить это место.

Именно в этот момент она услышала наши призывы и так обрадовалась, что, потеряв осторожность, стала спускаться без предварительного опробования маршрута камешками. И уже готова была прыгнуть с каменной глыбы, на которой я ее обнаружил... От беды ее спас только мой строгий приказ стоять на месте и не делать ни одного шага, пока мы не подойдем.

Утром я ходил на это место. Там было метров 6 – 7 свободного падения...

С тех пор строжайшая дисциплина в подземных маршрутах и неукоснительное соблюдение контрольного срока стало для меня незыблемым законом. Следующий серьезный выход в Кизил-Кобу состоялся четыре года спустя.

Кизил-Коба – 66 (Ночи без звезд)

Виктор Николаевич Дублянский – живая легенда советской и российской спелеологии – родился в 1930 году в г. Одессе.

Окончил Одесский госуниверситет в 1954 г. по специальности «геология». В 1957-1997 гг. работал в Симферополе, в Институте Минеральных ресурсов АН СССР (АН УССР), а с 1997-2008 гг. в Пермском госуниверситете (профессор, зав. кафедрой инженерной геологии и охраны недр).

За годы своей деятельности им открыто, обследовано и описано более тысячи пещер. Дублянский – автор более 600 научных трудов, в том числе, капитальных монографий и научно популярных книг. Среди них «Как раскрываются тайны», «Вслед за каплей воды», «Путешествия под землей», «Занимательная спелеология» и многие другие.

Начальник экспедиции КК-66 Виктор Николаевич Дублянский объявляет состав штурмовых и вспомогательных групп и обязанности участников.

Первая штурмовая пятерка (Дублянский, Шутов, Давыдов, Лапин, Павлова) выходит после открытия сифона. Виктор Дублянский и Юрий

Шутов занимаются геологической съёмкой и отбором проб воды и газа на химанализ. Наташа Павлова проводит измерения pH с помощью специального прибора. Коля Лапин – штатный психрометрист. Он идёт первым, пока естественные параметры пещеры не нарушены. На долю Володи Давыдова выпала в прямом смысле тяжкая обязанность – транспортировка стеклотары для отбора проб и запаса дистиллированной воды для химанализов. В те времена о пластиковой посуде и не мечтали.

Через 3-4 часа должна выйти вторая штурмовая группа (Коган, Баулин, Лукьянов, Лихачёв, Вознесенская). Старший группы – руководитель севастопольской секции спелеотуризма Борис Коган. Обязанности в нашей группе распределены так. Мы с Борисом занимаемся изучением распространения радиоволн, пока позволяет аппаратура, а затем переключаемся на фотосъёмку. Наши спортсмены-спелеологи Валерий Лихачёв и Виктор Лукьянов транспортируют полевую химическую лабораторию. И все мы обязаны доставить в целостности и сохранности аспирантку-химика Инну Вознесенскую. Ей предстоит самая тонкая и ответственная работа – анализ отобранных проб воды. Для успешного выполнения этой работы необходимо, чтобы у нее не дрожали руки.

Кроме этого между всеми участниками группы распределены продукты, запас батарей, спальные принадлежности, резиновая лодка, тросовая лестница, а также гордость Виктора Дублянского – волшебная лампа Аладина – осветительный прибор «Петромакс», при свете которого будет химичить Инна.

Мы должны соединиться с группой Дублянского за залом Сказок. Там запланирована первая длительная остановка с проведением химанализов и приёмом горячей пищи.

Как всегда, самая тяжёлая часть работы достаётся на долю шерпов – участников вспомогательной группы, руководство которой поручено легендарному Геннадию Пантюхину. Вспомогатели должны доставить на место базового лагеря (стоянка экспедиции 1961 года на Развилке) основную часть экспедиционного снаряжения и продовольствия (по возможности сухим). Но сначала им предстоит вскрыть и обследовать Первый сифон и обеспечить его нормальную проходимость для всех участников штурма, а также проложить телефонный провод до базового лагеря.

По предварительным расчётам этот этап, включая научную программу, должен занять около двух суток

18 июля 1966 года. На обширной поляне у входа Кизил-Кобинского ущелья, где расположился лагерь спелеологов комплексной карстовой

экспедиции ИМР АН УССР тишина. Сейчас лагерь отдыхает после напряженного рабочего дня. У догорающего костра дремлет дежурный. А в полутора километрах отсюда в глубине Долгоруковского массива идёт напряженная работа. Утром в Кизил-Кобу направилась часть вспомогательной группы, которая должна вскрыть Первый сифон.

Со времени последнего штурма Красных пещер прошло четыре года. Четыре года напряженного ожидания, и наконец, волнующий момент, когда под ударами кирки рухнет бетонная плотина, и в конце предсифонной галереи между нависающим потолком и зеркальной гладью подземного озера приоткроется узкая щель, ведущая в засифонную часть пещеры. Приоткроется ли, вот вопрос, который волнует и тех, кто находится в пещере, и тех, кому скоро предстоит участвовать в штурме. Как встретит нас Кизил-Коба после долго разлуки? Ведь лето 1966 года выдалось дождливым, да и мало ли что может измениться за это время в капризном режиме подземной реки за последние годы. Ведь было же совсем недавно довольно сильное землетрясения в Анапе, отголоски которого докатились до Крыма. Очень медленно уходит вода из подземного озера. Неохотно Кизил-Коба приоткрывает дорогу к своим тайникам. Десять, пятнадцать, девятнадцать сантиметров. Можно рискнуть!

22-00. Возле штабной палатки надрывается телефон. Сонный дежурный поднимет трубку. Через минуту на весь лагерь разносится весть, о том, что Пантюхин на лодке благополучно форсировал Первый сифон и вышел в Засифонную галерею. Итак, экспедиция КК-66 началась.

19 июля 1966 года. 9-00. Уходит первая штурмовая группа. Через три часа – наш выход. Скоро для нас на несколько земных суток исчезнут такие понятия, как «день» и «ночь». Ведь в пещере всегда ночь, там свои законы, свои ритмы, работа – еда – отдых, опять работа – еда – отдых. И постоянный вопрос непосвященных: – Там, наверное, темно? – Практически все, кто не бывал в пещерах, задают этот сакраментальный вопрос. Это отмечал Норбер Кастере – понятие «вечный мрак» не укладывается в голове человека, не испытавшего его.

19 июля 1966 года. 12-00. Наша штурмовая пятерка выходит из лагеря по расписанию. Душный июльский полдень. По крутой тропинке медленно взбираемся на Туфовую площадку. Парит...обливаемся потом... хорошо, что мы накануне догадались забросить основной груз к Первому сифону. Над Чатыр-Дагом собираются грозные тучи. За несколько дней перед штурмом установилась отличная, сухая погода, но в Крыму возможны всякие метеосюрпризы...

Обычно в будние дни здесь тишина, но сегодня на тропе, на Туфовой площадке и у входа в Харанлых-Кобу живописно одетые стайки юношей и девушек с геологическими молотками. Лица многих молодых людей украшены бородами примерно месячной давности – верный признак студентов-геологов младших курсов. Сегодня здесь присутственный день геологического факультета МГУ. В роли экскурсовода выступает наш начспас – преподаватель географии – Владимир Душевский.

Мрачный зев Харанлых-Кобы дышит на нас приятной прохладой. Быстро облачаемся в выдавшие виды комбинезоны, прилаживаем налобные фонари. Короткие минуты прощания, последний взгляд на залитое солнцем ущелье и мы вступаем в полутёмный вестибюль. Зажигаем фонари и по наклонной галерее медленно продвигаемся вперёд. Короткая остановка у лестницы, ведущей на второй этаж, глаза должны адаптироваться к скудному освещению. Сверху доносятся голоса и топот ног. Заканчивает осмотр пещеры очередная группа студентов. Перепачканные глиной и копотью, они, тем не менее, возбуждены и веселы, а глина – это не грязь, как утверждает спелеологическая мудрость. Все уже знают, что в пещере ведутся научно-исследовательские работы, и нас провожают добрыми пожеланиями.

Горло Шаманского. На полу – две поверженные человеческие фигуры, с неестественно вздутыми животами. Это Ваня и Маня, мантикены-гидрокостюмы, набитые экспедиционным снаряжением. Вспомогатели перестарались. Перегруженные, неуклюжие болваны плохо поддавались транспортировке, а при попытке протащить Ваню сквозь игольное ушко Горла Шаманского, созревшая резиновая оболочка не выдержала и все содержимое его чрева оказалось на полу пещеры. Хорошо, что авария случилась не в озере. Сейчас мантикен, бесславно закончив свою миссию, бессильно раскинул рубчатые бахилы, загораживая и без того узкий проход.

Первый сифон... Подходя к нему всегда испытываешь невольный трепет. Прозрачная гладь озера теряется в темноте под низко опускающимся сводом. На берегу в ожидании пассажиров дремлют две пузатые резиновые лодки, отсвечивая глянцевитыми боками под лучами фонарей. Журчит в обводном канале вода, устремляясь с мелодичным звоном, напоминающим звучание арфы, в нижнюю галерею пещеры. Под ногами хрустит хорошо окатанная галька и гравий. На стенах видны уровни воды, устанавливавшиеся в пещере в разное время. Во время паводка вода полностью затопляет эту часть пещеры. Здесь значительно холоднее, чем в верхних этажах пещеры.

Температура воды в озере около +9 °С. Высокая относительная влажность воздуха. Над водой всё время висит туман. Фонари и свечи окружены радужным ореолом. Из рта вырывается пар. Натягиваем на себя гидрокостюмы, проверяем надежность гидроизоляции аппаратуры.

Под землёй человеческие чувства обостряются настолько, что малейшее изменение обстановки немедленно фиксируется где-то в подкорке, ещё до того момента, когда ты осознал, что именно изменилось, а сигнал уже воспринят и реакция наступила. Изменился поток воздуха, нарушился ритм капли – все тут же фиксируется нашими анализаторами и сигналият – внимание! Тревога!

Возможно, на помощь привычным человеческим чувствам приходят дремлющие до поры до времени в человеке животные инстинкты, и прежде всего – инстинкт опасности. Они пробуждаются в нас в экстремальных условиях и вся обстановка пещер способствует их пробуждению.

Здесь, в предсифонной галерее, спелеолог находится как бы на границе двух миров и должен преодолеть своеобразный психологический барьер. Северная гавань, перед сифоном, связана с внешним миром хотя и довольно сложной системой открытых ходов, откуда при необходимости можно без особых трудностей выйти на поверхность. В Южной гавани перед лицом спелеолога только каскады неисследованной до конца пещеры, а за спиной обратный путь через подземное озеро, которое в случае внезапного паводка может оказаться перекрытым надёжной водяной пробкой – сифоном. Преодолеть сифон без специального снаряжения и хотя бы минимальной тренировки – задача не из лёгких. Поэтому человек, оставшийся за сифоном, чувствует себя далеко не так уютно, как в Северной гавани.

Зал Молчания преодолеваем с большими предосторожностями. Узенький карниз над провалом, заполненным глыбами известняка – единственный возможный путь продвижения в этом неустойчивом хаосе.

Распластав руки, вжимаясь в шершавую поверхность камня, необходимо сделать несколько осторожных шажков, а затем, энергично, но плавно, отталкиваясь от глыбы, перескочить на широкую и ровную площадку. Причем проделать эту эквилибристику надо с тяжелым рюкзаком за спиной, который все время меняет центр тяжести. Шаг, другой, третий – толчок – потеря равновесия, рюкзак уводит меня в сторону. Ощущение – как в скоростном лифте МГУ в первое мгновение спуска. Но в этот миг меня подхватывают крепкие руки

страхующего. Рывок, и я уже на другой стороне провала, испытываю прочность своей каски, пытаюсь протаранить головой стену пещеры.

Первую пятёрку мы догнали около 16-30 за залом Сказок, на месте стоянки лагеря экспедиции 1958 года, отмеченной солидной грудой мусора в районе Снежной Королевы.

В 19-00 выходим на съёмку хода, начиная от Королевы до Второго сифона в гидрокостюмах, на лодке, со снаряжением (Коган, Шутов, Баулин, Давыдов)

У Королевы – груды ржавых консервных банок – следы прошлых посещений.

Благополучно проходим Второй сифон, поднимаемся на каскад под холодным душем. Вскоре нас догоняют нагруженные вспомогатели. Вместе идём до развилки.

Тоннель, ведущий в Зал Голубой Капели. Слева, прямо из стены вырывается источник. Здесь берутся пробы воды.

Зал грандиозный. Он полностью оправдывает свое название. Даже соединенными усилиями нескольких фонарей мы не можем просветить его до потолка. Луч света упирается в непроницаемую гоубоватую пелену, откуда на нас устремляются сверкающие трассы капели. Печатляет...

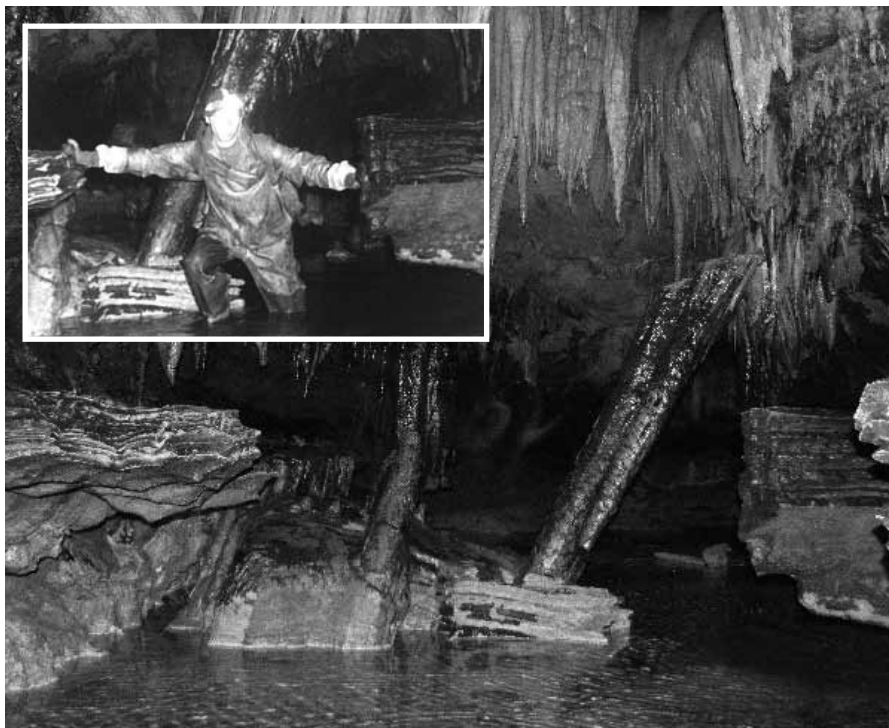
Галерея Гидрокостюмов. Шлёп, шлёп, шлёп... Давит рюкзак... Шатаюсь, гляжу под ноги... лишь бы не провалиться в промоину, не порвать гидрокостюм, не сломать ногу... Шлёп, шлёп, шлёп... По горло погружаюсь в воду. Всплываю. Какое блаженство! Спасибо Архимеду за его благословенный закон! Какая потеря в весе, почти состояние невесомости! Гидрокостюм цел, всплываю сам, всплывает рюкзак, надёжно упакованный в гидроизоляционную плёнку (полиэтилен тогда ещё не изобрели). Плыву, барахтаюсь, упираюсь в дно, стараюсь не уподобиться пресловутому Веверлею и не перевернуться вверх ногами. Моя Доротея вряд ли отыщет меня здесь... Вода плотно обжимает тело, приятно освежает. Какое счастье, что гидрокостюм пока цел!

Эта часть маршрута очень живописна. Здесь Красная пещера предстает перед наблюдателем именно красной, с преобладанием желтых тонов, в которые окрашено большинство натеков. Зеленые гидрокостюмы хорошо контрастируют с общей красновато-желтой гаммой галереи.

Делаем несколько фотографий на память. Жаль только, что пленка – черно-белая! Размытая водой скальная полтина будет хорошо смотреться на снимке. Упираюсь руками в остатки плотины, как бы

раздвигая их в стороны. Снимок так и называется «Раздвигающий скалы». Спустя 45 лет в Интернете, просматривая один из альбомов, посвященный Кизил-Кобе, неожиданно нахожу цветной снимок, сделанный точно с той же самой точки.

Помещаю оба снимка рядом,
сопроводив стихотворным комментарием:

*Потратить сил пришлось немало,
Чтобы раздвинуть эти скалы.
Прошли года, и скалы эти
Я обнаружил... в Интернете!*

На привале вижу, как молодые, физически крепкие парни из команды шерпов, вымотанные непосильной ношей, мгновенно засыпают, едва прислонив рюкзаки к жесткому камню.

Горячий ужин. Самое калорийное питье, хорошо согревающее и восстанавливающее силы – горячий клюквенный кисель, подогретый на «Петромаксе»!

Под каменным небом

20 июля. 3-00. Развилка. Стоянка лагеря 1961 года. Готовим еду. Спим... Спать приходится по трое в специально сшитых из двух со-стёгивающихся половинок спальных мешков. Наше трио – Давыдов, Наташа и я. Толстую Наташу предусмотрительно положили в середину (там шов, и больше дует!).

Подъём 20 июля в 10-00 утра. Как ни странно, но спали спокойно и даже выпались. Завтрак. Уходим обследовать правый ход. Целый день проводим в правом ходу. Дошли до галереи Гидрокостюмов. ПИИП отказал. Ведём фотосъёмку. Без чудес не прославишься. Галерея обвод-ненная, работать приходится в неудобных гидрокостюмах с надувной лодкой, обладающей скверным, непредсказуемым характером. Борис Коган, спасая фотоаппаратуру во время одного из рискованных манев-ров с лодкой, искупался в озере, которое окрестили «Озеро Неудач» с раскрытым клапаном гидрокостюма. Результат – подземный стриптиз с демонстрацией промокшего егерского белья. Незадачливый гидрокос-тюм распяли кверху ногами на ближайшем натёке. Но рюкзак с фото-аппаратурой был спасён!

Пятый сифон

21 июля, 12-00. Наша группа продолжает маршрут до Пятого сифо-на, остальные – работают в Клоаке.

Первые попытки отыскать дорогу к Пятому сифону заканчиваются неудачей. Проход тщательно замаскирован натечными образова-ниями и совершенно незаметен. Несколько раз осматриваем зал. Проход – как сквозь землю провалился! (Неожиданно звучит это привычное словосочетание в подземной обстановке!). Снова и снова сверяемся с планом. Нет как нет! Непроницаемая натечная стена без каких-либо признаков продолжения хода. Но вот – едва различимые следы грязи на одном из каскадных натечков. Строим двухэтажную акробатическую пирамиду из Коли Лапина и Володи Давыдова, отменного скалолаза. Вот он вскарабкался по стенке до уровня второго этажа. Действитель-но, продолжение есть! Вот тут-то и вспоминается одна из азбучных истин лабиринтоведения: как трудно бывает обнаружить едва заметный проход из огромной полости.

Галерея Пятого сифона. Строгая и величественная. Лаконизм убран-ства и завершенность форм (уместно ли здесь применить термин «ла-пидарность» по отношению к каменному убранству?). Полукруглая, словно очерченная по циркулю, туфовая плотина, подпирающая озеро, блокирует дальнейший путь. Огромная, неустойчивая плита под нога-

ми издает глухие колокольные звуки. Этот колокол звонит сегодня по нашей несостоявшейся миссии...

Обстановка предсифонной галереи напоминает уютный камерный зрительный зал, сцену, ограниченную полукруглой рампой, расставленные декорации, вот только представления сегодня не состоится. Немногочисленные зрители могут возвращаться не солоно хлебавши...

На этот раз – осечка...

Сифон непроходим. Все попытки его обхода по верхним этажам не принесли успеха. Пробить мощную туфовую плотину без инструментов мы не смогли. Поднырнуть без снаряжения – слишком рискованно. Это означает – конец нашей экспедиции.

Вернулись в лагерь 22 июля в 13-00. После унылого обсуждения было принято решение «возвращаться на родную Землю».

Собрались быстро, возвращались налегке. Сворачивать лагерь и завершать работы будут вспомогатели. В 15-30 мы у Первого сифона, в 17-00 вышли на поверхность.

Через несколько дней здесь работала другая группа спелеологов – москвичей под руководством Владимира Илюхина. Но и они не смогли форсировать Пятый сифон.

Возвращение на родную Землю

Меня часто спрашивают, какие моменты в жизни исследователя пещер наиболее волнующие и наиболее запоминающиеся. И я неизменно отвечаю – возвращение на поверхность.

Спелеологу чаще всего приходится переживать радость открытий и разочарование неудач, волнение за судьбу товарищей и восхищение красотами подземного мира, но, пожалуй, больше всего волнуют минуты возвращения из подземного маршрута. Подобные чувства знакомы всем, кто более или менее длительное время проводит в замкнутом пространстве при отсутствии естественного освещения.

Нормальный человек, а спелеологи, в основном, люди вполне нормальные, не может длительное время существовать без солнечного тепла и света. Тем не менее, он добровольно уходит под землю, где его ожидает напряженная работа, где каждый шаг даётся ценой больших усилий, где привычные жизненные ритмы меняются и организм перестраивает свою работу сообразуясь с непривычной обстановкой.

Но вот, поставленная цель достигнута, и человек, который несколько часов тому назад с ожесточением стремился вглубь земли, так же ожесточенно начинает стремиться к солнцу.

Возвращение. Гулко разносятся тяжелые шаги под сводами пещеры. Воспаленные глаза впиваются в темноту. Последний поворот. Наваливается одурманивающий запах нагретой солнцем земли. И вот, наконец, первый долгожданный лучик дневного света, острый, как шпага, нестерпимо яркий, живой... Синий, ослепительно синий мир!.. Синие скалы, синие деревья, синяя трава. Яркое до боли, синее-синее небо! В спектре возвращающихся к нам земных ощущений преобладает только синий цвет. Странная и неожиданная спектральная метаморфоза нашего зрения затронула всех «возвращенцев» на родную землю.

Мы стоим у края Туфовой площадки зажмурившись, боимся ослепнуть, жадно вдыхаем аромат нагретой земли, ловим губами прикосновение ветерка... Постепенно восстанавливается привычная цветовая гамма. Полная адаптация зрения продолжалась около часа.

Лето 1966 года. 77 часов тому назад участники научно-исследовательской группы вошли под мрачные своды Кизил-Кобы, чтобы открыть новую страничку в истории освоения Красных пещер. И первые незабываемые минуты возвращения на землю. Но это происходило ярким летним днём. Отсюда такие неожиданные сюрпризы восприятия действительности.

А вот осенью 1962 года наш маленький геофизический отряд выходил из Красной пещеры пасмурным, дождливым вечером. Кустарник шумел под порывами осеннего ветра, как шумит вода в подземной речке. Под ногами мокрое месиво опавших листьев, вперемешку с грязью, над головой – низкое серое небо, похожее на свод пещеры, освещаемый слабеющими лучами фонариков, а черные стволы деревьев напоминали тени на стенах бесконечного подземного коридора. Вся эта обстановка создавала полную иллюзию пребывания под землей, так что мы даже не сразу сообразили, что уже вышли на поверхность. И весь путь до базового лагеря мы не могли отделаться от ощущения, что продолжаем подземный маршрут. Единственным признаком перемены состояния были характерные запахи сырой земли и прелых листьев.

Звуковые и световые ориентиры в такой обстановке не срабатывают. Преобладают довольно обычные слуховые иллюзии – шум бегущей воды в пещере воспринимается как шум леса под ветром. Этот феномен отмечался многими спелеологами. Вообще, почти все акустические и световые ассоциации в пещерах связаны с какими-нибудь привычными нам образами наземного мира.

Многие описания пещер изобилуют параллельными сравнениями, более или менее удачными, зачастую штампованными, особенно когда

это касается описания натечных форм. Но это уже другая страница нашей повести.

Так что эмоциональная и органолептическая сторона возвращения на поверхность во многом зависит и от времени года и от времени суток и ещё много от чего, но всегда связана с положительными эмоциями.

А вот как описывает ночное возвращение из пещеры известный фотхудожник и эссеист Юрий Рост:

– Они поднялись на поверхность глубокой ночью, и свет звезд ослепил их...

Какого цвета Красные пещеры?

Снежная зима 1980 года. Смоленская область. Дом отдыха «Красный бор».

Сегодня во время лыжной прогулки я неожиданно проследил параллель между двумя понятиями «Красный бор» и «Красные пещеры».

В этих двух названиях общим является определение «красный». Обычно под этим подразумевают либо цвет (красный), либо понятие (красивый). К самому дому отдыха трудно применить понятие красивый. Красным (точнее, малиновым) здесь является именно цвет, цвет сосен. Сегодня впервые выглянуло солнце и сразу стало ясно, что именно красные сосны дали название этому месту.

Тут же приходят на память строки Булата Окуджавы:

*Синяя крона, малиновый ствол,
Звяканье шишек зеленых...*

Это он о новогодней елке, но, все равно, похоже.

Красные пещеры красны не только по цвету розоватых известняков, но и сказочно красивы своим внутренним убранством. Поэтому определение «красные» для них должно быть возведено в квадрат. Заложенная в массивных известняках, пещера пропитана красно-бурыми, желтовато-коричневыми и розоватыми оттенками. Встречаются в ней и чисто белые образования.

Смоленские сосны под ветром теряют чешуйки красноватой коры. Я поднял одну из них и посмотрел сквозь неё на солнце. И вдруг перед моими глазами, как на палитре художника, отчётливо засветились краски Кизил-Кобы – Красной пещеры!

Я узнал бурые глины Горла Шаманского, красноватые сталактиты Второго сифона, коричневатые и охритые натёчные корки предсифонной части, белоснежные и медовые драпировки Зала Сказок!

Прозрачный кусочек сосновой коры, как волшебный лепесток Цветика-Семицветика из детской сказки в мгновение ока перенёс меня из Красного бора на Смоленщине в Красные пещеры Крыма. Я был настолько поражён этой метаморфозой, что потерял равновесие и очутился в сугробе. Падение вернуло меня к действительности, но странное ощущение того, что здесь, в сосновом бору, присутствует какая-то неуловимая связь с Кизил-Кобой, не покидало меня. Более того, лёжа в сугробе вниз головой, с задранными вверх лыжами, я увидел в новом ракурсе перевёрнутое небо, сосны, тоже вниз головой и весь окружающий меня ландшафт в новой системе координат. Для подтверждения аналогий, должен сказать, что в Красных пещерах я тоже пережил подобное неожиданное падение, которое, к счастью, не имело каких-либо неприятных последствий (я застрял между двумя глыбами известняка, моя аппаратура, висевшая на шее на ремне, попала в расщелину между глыбами и не пострадала, а сам я оказался довольно плотно зажат боковыми стенками моей ловушки и невольной спасительницы, из которой удалось освободиться ценой значительных усилий).

Итак, резкая перемена точек зрения, в буквальном смысле, послужила разгадкой пережитого мною ощущения неустойчивости во времени и пространстве. Просто я вдруг обратил внимание на то, как окрашены стволы сосен. Совершенно чёткая цветовая зональность: вершина (крона) зелёная, но очень тёмного, до черноты в глубине цвета; середина ствола – красноватая до медово-жёлтого оттенка с густо смолистым блеском; наконец, нижняя часть ствола, до комля, темная, коричнево-бурая, с зеленовато-мшистым оттенком и потёками янтарной смолы. Да ведь это именно то сочетание красок, которое я впервые увидел в засифонной части пещеры, но не при тусклом свете налобного электрического фонарика, а при мощном и ярком свете осветительной системы «Петромакс», подаренной Виктору Дублянскому венгерскими спелеологами. Система представляет собой спиртовой или бензиновый агрегат с накачкой, наподобие примуса, а сгорание паров происходит на специальной торий-цезиевой сетке. Спектр этого осветительного чуда близок к спектру дневного света.

Через много лет, просматривая в Интернете цветные фотоальбомы Красных пещер, я поразился, насколько ярки и точны были мои воспоминания о цветовой гамме Кизил-Кобы.

Пещеры – образования весьма чувствительные к малейшим изменениям внутреннего или внешнего режима – могут быть отнесены к категории «диссипативных структур», отличающихся летучим, неста-

бильным характером, существующим в каких-то предельных состояниях. По определению бельгийского учёного русского происхождения, лауреата Нобелевской премии И. Пригожина диссипативные структуры возникают в открытых сложных системах в условиях далёких от термодинамического равновесия.

Сравнивая свои снимки с нынешними, Интернетовскими, никаких видимых изменений я не обнаружил. Должно быть, для диссипативных структур полвека – не срок.

Должен признаться, что даже несмотря на довольно большой опыт общения с пещерами в самых разнообразных ситуациях, я не растерял того восторженно-идиллического отношения к ним, присущего еще поэтам древности и переданного нам в виде замечательных переводов великих российских поэтов:

*Есть в стороне киммерийской пустая гора
С каменистой и мрачной пещерой.
Издавна там сон обитает ленивый,
Феб не сияет; лишь тонкий туман
От земли поднимаясь, влажною стелется мглой,
И сумрак сомнительный светит.
Медленной струйкой Летийский ручей, по хрящу пробираясь,
Слабым, чуть слышимым журчаньем наводит дремоту...*

*Овидий Назон, «Метаморфозы»,
перевод В.А. Жуковского*

А вот как этот отрывок звучит в переводе А.С. Пушкина:

*В роце карийской, любезной ловцам, таится пещера,
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонен на воле бродящим в извилах
Плющом, любовником скал и расселин.
С камня на камень звонкой струится дугой,
Пещерное дно затопляет резвый ручей.
Он, пробив глубокое русло, вьется
Вдоль по роце густой, веселя ее сладким журчаньем.*

3. ВЕРТИКАЛИ-ВЕРТИКАЛИ

*Да, бездна есть во всем: в деяниях, в словах...
И темной пропастью была душа Паскаля.
Из бездны смерть глядит, злорадно зубы скаля,
И леденит мне кровь непобедимый страх,
Томят безмолвные пугающие дали,
Ужасна глубина, сокрытая в вещах,
Кошмары Божий перст рисует мне впотьмах,
Они зияют тайною на некоей скрижали.
Боюсь уснуть: ведь сон – зияющий провал –
В неведомое путь не раз мне открывал,
И мысль моя давно над пропастью повисла.
Безмерность не вместив в сознание свое
Я жажду стать никем, уйти в небытие...
Ах! Знать бы только вас, о, Сущности и Числа!*

Шарль Бодлер, «Бездна»

Не ВНИЗ, а ВГЛУБЬ!

К началу 70-х годов количество поклонников подземных путешествий резко возросло, произошел качественный скачок, и лавина интереса к этому новому виду экстремального увлечения человечества выплеснулась на страницы средств массовой информации.

Спелеология не успела еще завоевать право гражданства, как самостоятельная область спортивного туризма или нового направления науки о земле, а для нее уже нашлось вполне подходящее название, немедленно ставшее газетным штампом – «альпинизм – наоборот» или «альпинизм в темноте». Таким образом, спелеология, едва успев вылупиться на свет (простите за такое несовместимое смешение понятий!), сразу же обрела преимущество, хотя бы только по названию, от своей общепризнанной предшественницы и соперницы.

Так в чем же заключается сходство и различие между альпинизмом и спелеологией (я пользуюсь этими устоявшимися и общепринятыми понятиями, чтобы не создавать ненужной здесь терминологической путаницы)?

Коренное различие между двумя столь притягательными проявлениями человеческой природы точно и ёмко выразил красноярский спелеолог Виталий Михеев: если альпинист идет ВВЕРХ, то спелеолог – не ВНИЗ, а ВГЛУБЬ. Этим сказано все.

История освоения подземных пространств на много тысячелетий древнее, чем история покорения горных вершин, такого романтическо-

го, в какой-то степени даже аристократического вида спорта, общепризнанного во всем мире.

Взять хотя бы легендарное, сохранившееся до наших дней имя первого покорителя лабиринта Тезея, установившего первый официальный мировой рекорд (если верить легенде), позволивший человеку, с применением технического средства (нить Ариадны) не только войти, но и выйти из запутанного подземного лабиринта. Правда, современные эксперты весьма скептически относятся к практической пригодности подобных путеводных средств, не без основания полагая, что если вы можете нести с собой такое количество шпагата, чтобы от него был толк, то пещера недостаточно велика, чтобы в ней заблудиться. (Уильям Холидей, «Приключения под землей»).

Бесспорно лишь то, что спелеология, которую с легкой руки газетчиков окрестили «обратным альпинизмом», так же как и обычный альпинизм, обязательно требует профессиональной подготовки.

Однако, имеются существенные различия спортивной стратегии и тактики работы альпиниста, одолевающего ледники и отвесные стены под открытым небом, и спелеолога, работающего под каменным небом, в полной темноте, часто под струёй ледящего душа.

У альпиниста всегда есть возможность выбора маршрута, спелеолог такой возможности лишен. Единственной альтернативой в пещерах является либо продвижение вперед, по пути, проложенному водным потоком, либо возвращение назад не солоно хлебавши. Существует, правда, и ещё один путь, крайне нежелательный – наглухо застрять в какой-нибудь теснотине и дожидаться, пока тебя не извлекут из нее целиком или по частям, или со временем сыграют в увлекательную спелеоигру, известную под названием «скелетолазание», когда последующий участник игры пролезает вперёд сквозь грудную клетку предыдущего...

Первый путь самый верный (вода не ошибается никогда), но не всегда проходимый для человека.

Альпинист действует так, как поётся в песне Владимира Высоцкого из кинофильма «Вертикаль»:

*И можно свернуть, обрыв обогнуть
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа...*

Альпинизмом можно заниматься, оставаясь сравнительно чистым, по крайней мере, внешне. Альпинист, даже после преодоления невероятных трудностей, сохраняет то, что принято называть физическим достоинством человека. Усталые, обессиленные, они всё же напоены

горным духом, полны впечатлений от увиденного и пережитого. Альпинист рискует жизнью, но ожесточённая борьба со скалами, льдом и ветром не мешает ему любоваться величием, чистотой и красотой горных пейзажей. Альпинист похож на пилота: всегда готов сменить парадный костюм на летный комбинезон и отправиться, рискуя жизнью в полёт.

Исследователь пещер – рядовой пехотинец. С большим трудом ползёт он по липкой грязи, ввинчивается в тесные лазы, оставляя на память клочья одежды и фрагменты собственной шкуры, готовый отвоевать у природы клочок за клочком новый плацдарм, новые неизведанные территории. Вот опять проскакивают агрессивные мотивы. Отвоевать, завоевать, покорить – как будто природа враждебна человеку и с ней надо обязательно бороться?

В этом отношении показательна эволюция известного высказывания знаменитого преобразователя природы И.В. Мичурина, который в 30-е годы призывал: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – вот наша задача!».

В 50-е годы это звучало так: «Мы не можем ждать милостей от природы, но и природе нечего ждать милостей от нас!».

А к концу XX века это высказывание трансформировалось в удручающую констатацию: «Мы не можем ждать милостей от природы, после всего того, что мы с ней сотворили...».

Здесь уместно привести высказывание крымчанина, геолога и спелеолога Геннадия Пантюхина, в интервью, данном известному журналисту и фотографу Юрию Росту несколько лет тому назад:

– «Мы не побеждаем пещеры, мы постигаем их... У нас есть цель, достигнуть дна и мы постараемся его достигнуть, но достижение дна – это достижение, а не победа. Просто достижение, и ничего больше. Победа предполагает борьбу с чем-то враждебным (пусть условно, как в боксе). А можно ли природу считать враждебной только по тому, что мы не знаем, не умеем или не готовы с ней сотрудничать?».

Но победа любой ценой приводит к опустошенности, после которой уже не имеет значения, победил ты или побежден. (А. Крон, «Бессонница»).

Приведу ещё одно высказывание на эту тему. Оно принадлежит известному венгерскому спелеологу Ласло Якучу (В подземном царстве, М., 1963):

– «С головы до ног перепачканный глиной, окоченевший и насквозь промокший, отважный исследователь пещер редко возвращается из похода с гордым видом победителя, но потом всё начинает-

ся сначала... грязный, мокрый и подслеповато моргающий человек идёт, спотыкаясь, как жалкий нищий в сказочном царстве чудес...».

Я привёл это высказывание известного спелеолога для того, чтобы показать, до чего может довести серьёзного человека желание «красиво» выразиться! Далеко не всякий альпинист, хлебнувший вволю горного духа, выглядит этаким гибридом д'Артаньяна и Антуана Де Сент-Экзюпери. А уж сравнивать спелеолога с жалким нищим просто бестактно! Я видел, какое неподдельное восхищение светилось в глазах у геофизика Александра Алёшина в гроте «Рог изобилия» в Кунгурской пещере в 1964 году, после того, как мы открыли там скопление огромных кристаллов прозрачного разноцветного гипса.

Человек и пещеры – неразрывно связаны с самого начала истории человечества (а может быть, даже значительно раньше).

И горы, и пещеры, как потенциальные объекты альпинистских восхождений и спелеологических маршрутов существовали еще в те отдаленные времена, когда о создании человека природа еще и не помышляла. Они появлялись и исчезали, так и не ощутив на себе прикосновения рук человеческих.

Но уже едва обосновавшись на свете, пра-человек должен был искать себе надежное убежище, которое он и находил именно в пещерах, в борьбе отвоевывая право владения у четвероногих предшественников (и здесь без борьбы не обошлось!).

Потребность обозреть землю с высоты птичьего полета возникла, очевидно, гораздо позднее, после того, как была решена проблема жилища, ибо жить на горном склоне, среди снегов, долгое время человек просто не мог. Существует, правда, одно обстоятельство, которое не позволяет возводить данное утверждение в абсолют.

Это существование легендарного «снежного человека», который, быть может, представляет неизученную наукой разновидность древнего альпиниста, который приспособился к существованию в условиях высокогорья.

Итак, на заре существования, человечество связало свою судьбу с пещерами в силу жизненной необходимости. Со временем эта связь в значительной степени ослабела, хотя и не прервалась вовсе. Время от времени интерес к пещерам вновь проявляется, но каждый человек находит свою, индивидуальную и единственную дорогу в пещеры.

Я писал эти строки днем, а вечером по телевидению демонстрировали новый французский фильм «Смерть проводника».

Один из лучших художественных фильмов об альпинизме – «Смерть проводника» – «Mort d'un guide», был снят в 1975 году и впервые показан в 80-е годы. Этот фильм привел в горы не один десяток людей. На самом востоке страны, в ущелье массива Монблан расположен маленький городок Шамони. Все его жители, так или иначе связаны с горами. Но есть и такие, для кого горы единственный смысл жизни. Мишель Сервоз опытный проводник, зарабатывает на жизнь тем, что водит в горы группы альпинистов. Однако, быть одним из многих, не для него. Вместе с напарником, неопытным альпинистом, он предпринимает очень сложное восхождение, во время которого его друг гибнет при неясных обстоятельствах (непонятная горная болезнь). Вины Сервоза в этом нет, но жизнь уже изменилась. И вот, другой напарник и новое восхождение...

И горная и пещерная болезни, очевидно, имеют близкую природу. Возбудителем является какой-то неизвестный науке вирус, имеющих массу разновидностей. Выявлены лишь самые общие симптомы заболевания, сходные для всех ее разновидностей. В конечном итоге, весь характер течения болезни определяется соотношением трех основных компонентов человеческого характера – страх, любовь, чувство долга (ответственности).

Специалисты выделяют три стадии заболевания:

– острая форма, бурно протекающая, быстро заканчивающаяся полным выздоровлением (вначале – острое любопытство, подавляющее не менее острое чувство страха);

– длительная стадия рецидивов, чередующихся с более-менее продолжительными периодами затухания (борьба страха и любопытства) с постепенным охлаждением к предмету;

– хроническая, устойчивая стадия (характерна для однолюбов с высоко развитым чувством долга).

Что-то подобное приходится переживать каждому, кто посвятил себя экстремальным видам общения с природой...

Старели и разрушались горы, старели и разрушались пещеры, совершенствовались и развивались человечество, любопытство – оставалось, страх – оставался, чувство долга – возрастало.

И все предпосылки заболевания не только сохранились, но и преумножились...

Но оставим изучение симптомов пещерной болезни специалистам по спелеомедицине.

Ведь нас ожидает Караби...

Караби – 63

«Караби»... В звучании этого слова я слышу звонкий щелчок альпинистского карабина. При этом призывном звуке предо мною оживает не только одна из наиболее значительных страниц становления отечественной спелеологии.

Караби – это экзамен на прочность и моих физических сил, первое настоящее испытание человеческих качеств в экстремальных условиях. Правда, к тому времени я уже имел солидный опыт топографических работ в горах Кавказа, побывал во многих действующих и заброшенных шахтах и штольнях, успел три года отслужить в армии авиационным механиком, но спелеология оказалась значительно более серьёзным пробным камнем, чем всё изведенное ранее.

Странное, скребущее сочетание звуков К-А-Р-А-Б-И... В нём смешались и скрип снастей корабля Одиссея – легендарного Арго, проплывающего в Колхиду мимо берегов Таврии, и священное имя египетского жука-скарабея с его неразгаданными тайнами, и скорбь по безвозвратно ушедшим временам молодости, и скрежет ступеней тросовой лестницы о каменный карниз.

Это своеобразный звуковой коктейль дорогих моему сердцу воспоминаний...

Километры поисковых маршрутов под беспощадным таврическим солнцем, сотни метров головокружительных вертикалей, манящих неизвестностью при спуске, и изнуряющих при возвращении на поверхность.

Караби – это радость первых в жизни открытий, это поиск и надежда, это недели спрессованных событий, растянувшиеся потом на годы осмысления и десятилетия воспоминаний.

Караби – это мерцание кристаллов в неярком свете налобного фонаря, это бархатный покров южного неба, усеянного дырочками звёзд, сквозь которые проглядывает ВЕЧНОСТЬ...

*Когда стоим под темным краем
Глубокой ночи в звездный час,
Не мы природу созерцаем,
Природа созерцает нас.*

Лев Озеров

Караби – это бесконечность, разверстая под ногами, которую физически ощущаешь внезапно, вдруг, когда прямо под тобой в непроглядно чёрной глубине вспыхивает трепещущая звёздочка на каске твоего товарища.

Караби – это оглушительные удары сердца, подталкивающие тебя наверх, к выходу – скорее, скорее! – когда затекшие руки отказываются повиноваться тебе. Это острые гребни известняка, раздражающие одежду и впивающиеся в тело, когда ты добровольно просачиваешься в узкие лазы, рискуя остаться там навсегда. Это снарядный свист падающих камней, от которого тебе хочется сжаться, сократиться, исчезнуть, стать бесконечно малой величиной. Это невиданное ранее убранство подземелий. Это упоительный запах нагретой солнцем земли и трав, когда ты возвращаешься наверх...

И если Красные пещеры – это почти горизонтальная плоскость, то Караби – это трёхмерное, объёмное пространство.

Это вертикали, вертикали...

Монастырский источник

*Белеет истина на черном дне провала.
Зажмурьтесь, робкие, а вы, слепые, прочь!
Меня безумная любовь околдовала,
Я к ней хочу туда, туда в немую ночь!
Как долго эту цепь разматывать паденьем...
Вот наконец и цель... И ничего... Круги...
Я руки вытянул... Напрасно... Напряженьем
Кружат мучительно... Ни точки и ни зги...
А истины меж тем я чувствую дыханье:
Вот мерным сделалось и цепи колыханье,
Но только пустоту пронзает мой размах –
И цепи, знаю я, на пядь не удлинятся.
Сиянье где-то там, а здесь вокруг – темница,
Я – только маятник, а в сердце – только страх.*

Сюлли-Прюдом, «Сомнение».

Перевод Иннокентия Анненского

Научную задачу экспедиции Караби – 63 можно выразить формулой: «поиск закономерностей среди первозданного хаоса».

Прикладная цель – проведение первого (и, по-моему, единственного!) Всесоюзного семинара-школы по подготовке инструкторов спелеотуризма. По окончании курса слушатели получали соответствующую квалификацию, что удостоверялось выпиской из протокола Секции спелеотуризма при ЦК ВЦСПС и памятный значок «Спелеолог». Такой значок получил и я, правда, без квалификационного сертификата. Что-то не сварилось в бюрократических недрах ВЦСПС. А значок (первая генерация – крепился не булавкой, а вин-

товой нарезкой!) я бережно храню без малого полвека, как память об удивительных временах, когда не было ожесточенных терминологических баталий, разделения на «спелеологов в законе» и «незаконнорожденных», разграничения подземного пространства на «природное» и «антропогенное».

А пока нас ждала Караби.

Какая ты внутри, Караби? Может быть, ты похожа на каменный слоёный пирог, начинённый различными формами пустоты?

Туман над Караби. Плотный, почти осязаемый, душный. Казалось, туман этот не опускается сверху, а поднимается снизу, что это не результат атмосферных процессов, а продукт, рождённый в глубине горного массива, и через отдушину в породе, высачивающийся на поверхность яйлы. Вечный мрак, переполняющий подземелья, разбавленный утренним светом и порождает этот мутный полумрак. Сначала он заполняет отдельные, самые глубокие воронки, затем сливается, затопляет кустарники, постепенно добирается до вершин деревьев, потом объединяется в сплошное покрывало, затягивает всё плато и начинает сползать по склонам к морю. Со стороны это напоминает перламутровые волны любимого лакомства голодного военного детства – молочного киселя, вытекающего из переполненной кастрюли.

После бессонной штормовой ночи наш комплексный отряд, возвращаясь в лагерь, растворился в этом молочно-кисельном тумане. Очень трудно пробираться по Караби в режиме слепого полёта!

Несколько лет спустя мне в руки попал томик стихов Инноктия Анненского. И тут я с удивлением обнаружил, что мое экспериментальное познание шахты Монастыр-Чокрак происходило в полном соответствии со сценарием, описанным в стихотворении «Сомнения», которое я целиком использовал в качестве эпиграфа к этому разделу. Можно подумать, что поэт задолго до нашего посещения уже побывал здесь и оставил сжатое и поразительно точное поэтическое описание не только технических подробностей спуска, но и тех переживаний, которые испытывает человек, рискнувший подвергнуть себя столь необычному испытанию.

Мои дальнейшие изыски показали, что это стихотворение, удивительно созвучное внутреннему настрою каждого искренне влюбленного в подземный мир человека – только блестящий перевод философского стихотворного цикла французского поэта и эссеиста, который в 1901 году стал первым лауреатом Нобелевской премии по литературе – Рене Франсуа Армана Прюдона (1839 – 1907), известного под псевдонимом Сюлли-Прюдон (и опять – француз!).

Но имел ли Сюлли-Прюдом прямое отношение к пещерам? Безусловно – да. Об этом свидетельствует его стихотворение «Сталактиты», в котором поэт показал поразительное проникновение в святая святых подземного мира, доступное только посвященным:

Сталактиты

*Люблю я глубокие, темные гроты,
Кровавый блеск факела ночью глухой,
И звонкое эхо средь чуткой дремоты,
Где в вопль разрастается шорох пустой.
С угрюмого свода вокруг нависают
К земле сталактиты холодные там,
И, капля за каплей, с них слезы стекают,
И падают медленно, гулко, к ногам.
Как будто в потемках печально суровых
Царит затаенный и грустный покой.
От слез этих звучных, все новых и новых,
Мне веет знакомой и внятной тоской,
И так вспоминается сердце всегда мне,
Где вечно таится бывлая любовь,
Где слезы остыли, сгустились как камни,
И кто-то все плачет, роняя их вновь...*

Сюлли-Прюдом. Перевод Тхоржевского

А пока я спотыкаясь бреду по туманной Караби, изо всех сил стараясь не потерять из виду спину впереди идущего товарища. В голове мелькают кадры только что завершившегося штурма.

«Монастыр-Чокрак» в переводе с тюркского означает «Монастырский источник». Но никаких следов монастыря и ни одного действующего источника в окрестностях этой исполинской шахты не просматривалось.

Была очень крутая воронка, глубиной метров 15, вся заросшая густым, колючим кустарником, на дне которой зияли два отверстия, разделенные довольно широкой каменной перемычкой.

Несколько засохших деревьев призывно изогнули над провалом свои корявые руки-сучья. Поисковый признак наличия крупной полости.

У края воронки расположился штурмовой отряд. Повсюду – бухты веревок, связки лестниц, скальные крючья, карабины, оттяжки – обязательные принадлежности прохождения вертикальной шахты.

В тогдашнем официальном лексиконе одним из самых популярных обозначений коллективного действия, направленного на достиже-

ние поставленной цели, вне зависимости от предмета, было понятие «штурм». Штурм неприступной вершины, штурм непроходимого сифона, штурм неподдающегося рекорда...

Штурм – это всегда коллективное напряжение, концентрация усилий, направленных на быстрое и эффективное достижение цели. Штурм – это почти всегда высокая и не всегда оправданная плата за выигрыш во времени. Штурм – это не всегда победа...

Штурм не может происходить в одиночку. Штурм не может быть затяжным. Тогда это не штурм, а осада, а для осады требуется другая тактика, другие средства. Штурм – сродни шторму, урагану. Далеко не каждый выход под землю можно считать штурмом.

Но Монастырь-Чокрак решено было именно штурмовать. Уж слишком внушительным и труднодоступным казался этот перспективный двойной колодец.

Уж очень много надежд возлагали руководители экспедиции на эту шахту, считая ее ключом к раскрытию тайн Караби. Поэтому к штурму готовились основательно, разрабатывался тактический план, кандидатуры штурмовой группы отбирались придирчиво. Не каждый слушатель школы-семинара сподобился войти в число участников штурма.

Отобрали дюжину. Я был назван пятым. И не потому, что соответствовал по своим физическим данным и спортивной квалификации. Просто, я был единственным геофизиком в экспедиции, и на мой «РадиоКИП» возлагаются определенные надежды. Диспозиция – спустить меня вместе с прибором, по возможности, в сохранном виде на максимальную глубину.

Последняя сигарета перед спуском. Проверка надежности крепления снаряжения и приборов. Наконец, моя очередь «перемещаться ВГЛУБЬ».

Сначала я осторожно подползаю к краю колодца, и с опаской стараюсь, вытянув шею заглянуть внутрь. Внушительное жерло шахты, почти правильной овальной формы, метров 10-12 в диаметре. Стены колодца прорезаны глубокими вертикальными бороздами, будто неведомый столяр-великан потрудились, моделируя исполинской стамеской рельеф известняковой толщи. Это работа воды.

В нескольких метрах подо мною в стене шахты зияет ярко освещенное солнцем сквозное окно. Это боковое отверстие, где сливаются оба колодца, образуя вертикальный ствол шахты.

Здесь на узкой полочке организована промежуточная страховка. С трепетом ставлю ногу на первую ступень тросовой лестницы. Немного усилий, и я оказываюсь на промежуточной площадке. На ней распоря-

жается прикованный, как Прометей к скале, участник вспомогательной группы, которому предстоит долгая и не совсем интересная миссия, обеспечивать бесперебойную и безопасную транспортировку членов штурмовой группы вниз и вверх.

Ритмично двигаются, перебирая страховочную веревку, руки страхующего. На другом конце страховки – человеческая жизнь. Прочная тросовая лестница, сработанная из трехжильного каротажного кабеля с буковыми ступенями (подарок геофизиков Московского нефтяного института), туго натянулась и пружинит в такт шагам идущего по вертикали...

Дно колодца не просматривается и отсюда, стены шахты растворяются в чернильной, фиолетовой мгле...

Томительно тянутся минуты спуска. Выдано больше 70 метров страховки... Стоп... кончилось подрагивание лестницы. Где-то неподалеку от Центра Земли сквозь сиреневое марево кольнул глаза тоненький лучик фонаря. Из преисподней доносится:

– Я на дне! Здесь огромные залы! Вира страховку!

Теперь – моя очередь. Страховка готова, защелкнул на грудной обвязке альпинистский карабин. Надежно прилажен за спиной рюкзак с аппаратурой. Проверен налобный фонарь.

– Ну, до скорого!

Осторожно переступаю через край площадки, нащупываю ногой первую ступеньку. Шаг за шагом, вперехват, в обнимку с лестницей начинаю спуск. Какая же она удобная, эта лестница, как легко и надежно чувствуешь себя на ее широких ступенях! И как непохожи эти неуклюжие передвижения на элегантные и стремительные полеты в пустоту, которые стали возможными в нынешние времена!

В арсенале альпинистов и спелеологов использовались одни и те же классические способы перемещения по вертикали – «дюльферзитц» и «прустик», самодельные рогатки, жумары-самохваты, портативные лебедки различных конструкций и всевозможные способы страховки и само страховки.

Не так давно по телевидению показывали одно хитроумное приспособление для перемещения в вертикальной плоскости, поразительно напоминающее известную с довоенных времен игрушку – ярко раскрашенную жестяную обезьянку, которая ловко перебирая руками и ногами, без видимых усилий самостоятельно поднималась и опускалась по вертикальной веревочке. Механизм перемещения скрыт в ее металли-

ческом брюшке. Стоило только покрепче натянуть веревочку – подъем, стоило отпустить – спуск. Но современные приемы преодоления вертикалей гораздо элегантнее и эффективнее.

Я был свидетелем отчаянно смелых спусков красноярцев-столбистов по веревке на рогатках, видел в кино головокружительные полеты в темноту на веревке с карабином и самостраховкой французских асов.

Но во время штурма Монастыря самым надежным, хотя и далеко не самым быстрым, была тросовая лестница. Вертикали всегда разные, они требуют самых разнообразных способов перемещения. А лестница применима практически во всех случаях.

Однако, уже через несколько метров спуска я убедился, что и на лестнице человека могут подстергать неприятные неожиданности. Сначала лестница довольно плотно прилегала к стенке колодца, и для того, чтобы сделать следующий шаг и обхватить лестницу руками, требовалось каждый раз отрывать ее от стенки ценой значительных усилий. Потом стены раздвинулись, я вошел в куполообразное расширение в виде лампового стекла, и лестница повисла в пустоте. Не успел я полностью насладиться обретением новой степени свободы, как меня постигло очередное испытание – проверка надежности вестибулярного аппарата.

Раздвинулись стены, ушел в темноту потолок, осталась только материальная точка (это я), подвешенная на конце нерастяжимой нити:

*Я ль несся к бездне полунощной?
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис...*

А. Фет

И вот теперь начала реализовываться последняя строчка стихотворения - эпиграфа этой главы:

...Я только маятник, а в сердце только страх...

Да, я превратился в своеобразный маятник, правда совершающий не колебательные, а вращательные движения. Есть сейчас такие конструкции маятниковых часов, имитирующих вечный двигатель.

Пятнадцать оборотов по часовой стрелке – короткая остановка – пятнадцать оборотов против часовой стрелки. И так повторяется многократно с фатальной неизбежностью. Остановить или задержать вращение невозможно. Просто надо скорее добираться до дна. Но не в свободном падении! Самое главное – надо следить, чтобы страховка не

закрутилась вокруг лестницы и не запуталась в ступенях. Иначе придется подниматься до места зацепки и распутывать веревку, но уже без страховки сверху! Слава Богу, обошлось!

И вот я на дне сплошного вертикального колодца. Отстегиваю карабин, даю команду выбирать страховку. Страховка, шипя, уползает вверх, подрагивает и позвякивает тросовая лестница. Быстро покидаю зону возможного камнепада, одновременно пытаюсь сориентироваться в открывающейся перспективе горизонтального продолжения пещеры.

Освещение на дне колодца несколько напоминает те голубоватые сумерки, которые окружают ныряльщика при погружении с аквалангом на глубину 10-12 метров. Создается впечатление, что ты находишься за кулисами фантастического, призрачного театра, в котором ты сам и все окружающие являются одновременно и участниками и зрителями.

Куполообразный потолок, теряющийся в темноте, туманные полотна дневного света, каменные драпировки кулис, колонны, алтари или жертвенники, глыбы известняка и небольшие озера, заполняющие углубления в полу. К этому надо добавить неожиданные акустические эффекты.

Все это походит одновременно и на театр, готовящийся к предстоящему спектаклю и на собор в перерыве между службами: полутьма, пустота, прохладный ветерок, раскрытый занавес, кулисы, колосники, еще не установленные декорации, одинокие фигуры рабочих сцены, приглушенные голоса и рассеянное свечение, непонятно откуда исходящее. Идет неспешная подготовка к предстоящему торжественному действию или ритуальному обряду.

Посреди зала громоздятся обломки натечных колонн метров до двух диаметром. Похоже, что это следы каких-то динамических процессов, происходивших в не таком уж отдаленном прошлом. Скорее всего, это следы палеоземлетрясения. Похожие разрушения обнаружены были и в шахте Мира. Интересно определить и сопоставить время событий.

Настраиваю прибор, неторопясь обхожу колоссальный зал по периметру, стараясь держаться поближе к стенам, чтобы не пропустить возможные продолжения пещеры. Пытаюсь просветить все сколь-нибудь подозрительные места, где могли бы скрываться продолжения. Пока никаких заметных отклонений не фиксируется. Но вот я приближаюсь к тоннелю, наклонно уходящему в сторону от главного зала. И тут стрелка прибора заволновалась, словно почуяв нечто необычное. Повышается уровень сигнала, изменяется азимут. Ступаю шаг на-

блюдений, стараясь локализовать намечающуюся аномальную зону, но каких-либо закономерностей в поведении радиосигналов пока не просматривается. Потихоньку продвигаюсь вдоль тоннеля, попеременно делая замеры у правой и левой стенки. Никаких закономерностей!

Пол тоннеля покрыт толстым слоем глины. Это понятно по своеобразным акустическим эффектам: когда начинаешь топтать ногами, возникает звенящее эхо, которое быстро затухает.

Все. Конец галереи... Свод круто опускается, наглухо перегораживая проход. Дальше – глиняная пробка. Мой прибор никаких обнадеживающих показаний не выдает... Но, все-таки какие-то отклонения в начале тоннеля возникали! Поэтому обратным ходом я повторяю замеры в тех же точках. Дома расшифруем!

Делаю несколько снимков характерных точек маршрута и наиболее красивых натечных образований. Уже на выходе, дожидаясь страховки, делаю снимок вертикального колодца, положив фотоаппарат на плоский камень объективом вверх и установив затвор на длительную выдержку. После проявления пленки оказалось, что ожидаемого эффекта не получилось: туманная мгла сделала кадр расплывчатым и невыразительным. Хотя лестница и входное отверстие на снимке смутно просматривается.

Удивительно, но 77 – метровый подъем я не только преодолел без особых усилий, но даже успел во время коротких передышек получше рассмотреть «ламповое стекло», внутри которого находился. Зрение адаптировалось после многочасового пребывания в пещере, а излишнее волнение, которое я испытывал на спуске, улеглось. Зрелище, надо сказать, впечатляющее!

Позже я узнал, что в пещере было открыто новое продолжение, причем именно в тех местах, где были зафиксированы невнятные аномалии радиоприема.

Из окна моей нынешней московской квартиры, на противоположной стороне улицы, чуть-чуть наискосок, хорошо просматривается 24-х этажный жилой дом-башня.

Высота башни примерно равна глубине входного колодца шахты Монастыр-Чокрак, что-то около 75 метров. Каждый раз, когда я смотрю на эту башню, я невольно представляю ту пропасть, в которую мне пришлось впервые в жизни опускаться «единым пролетом» по эфемерной тросовой лестнице. Смог бы я совершить этот отчаянный спуск, если бы колодец был полностью освещен и просматривалось все это гигантское пространство от поверхности до дна? Боюсь, что моя «тропа подземной ночи» на этом окончилась, не успев начать-

ся. А ведь спуск в темный колодец не вызвал у меня никаких признаков неуверенности или боязни! Дело в том, что я, несмотря на многолетний опыт работы в условиях высокогорья (даже получал на Кавказе высокогорную надбавку к должностному окладу – 40% за работу на высоте более 2200 метров), так и не избавился от горной болезни – боязни высоты. Даже с балкона 13 этажа на могу смотреть на землю из-за головокружения! А в условиях пещеры мое видимое пространство было ограничено мощностью источника освещения, дальше которого была просто темнота. И это не вызывало тревоги, поскольку оценить свое действительное положение в неосвещенном пространстве невозможно.

Это еще один аргумент в пользу неправомочности сравнения спелеологии с альпинизмом, но со знаком «минус». Темнота, как ни странно, действует на психику человека успокаивающе.

Недаром писатель и философ Гилберт Честертон, неизвестно по какому поводу, воскликнул: «Весело идти в темноту!».

А вот высказывание поэта Евгения Баратынского, которое можно без натяжки применить и к данной ситуации:

*Ощупай возмущенный мрак:
Исчезнет, с пустотой сольётся
Тебя пугающий призрак...*

Евгений Баратынский, 1839

А перед этим была Джаз-Коба.

Первой настоящей «вертикалкой», где мне предстояло испытать прибор, была только что открытая шахта глубиной около 70 метров. Она была разведана группой московских спелеологов, которым предстояло произвести ее детальную топоъемкку. Я был прикомандирован к этой группе, чтобы заодно опробовать и геофизику.

Руководил группой высокий, худощавый человек, в сильных очках, закрепленных на голове с помощью хитрой системы. На вид он был старше нас по возрасту лет на пять. Звали его Марлен. Во время перехода из лагеря к пещере, я обратил внимание, что он как-то слишком напряженно переставляет ноги, словно опасаясь оступиться. Во время спуска в шахту (я работал с ним в паре), я тоже отметил некоторую скованность на ступенях тросовой лестницы. Когда я деликатно поинтересовался у ребят из группы, что бы это значило, мне поведали, что он передвигался... на протезе... Конечно, на протезах можно было даже летать на самолете во время войны, что доказал герой нашего времени – Алексей Маресьев, но работать в горных

условиях, да еще под землей! Это, по-моему, верх героизма и целеустремленности.

После Караби мне неоднократно приходилось встречаться с Марле-ном и на подземных тропах, и в Москве. Он приглашал меня на занятия школьной группы спелеологов во Дворце пионеров на Ленинских горах, которой он одно время руководил. И всегда меня поражали его спокойствие и уверенность как на земле, так и под землей. Мне кажется, что многие из его окружения даже не подозревали о его физическом недостатке.

А пока нам предстояло обследовать вновь открытую шахту на Кара-би и дать ей достойное имя.

Шахта расположена на юго-восточном склоне Кичик-Обы, в конусо-видной воронке, глубиной 30 метров. Размер входного лаза – 0,5X0,5 м. Шахта заложена в конгломерированных известняках по тектонической трещине, образуя пять уступов, удобных для промежуточных стоянок и проведения замеров радиополя.

Никаких натечных образований, отвлекающих от основных занятий – топосъемки и геофизики. Мокрые стены и температура от 8 °С до 5 °С тепла, так что, не застоишься!

Единственным источником положительных эмоций был мой радио-приемник. Он исправно работал на всем протяжении маршрута – от устья до дна шахты. Причем не только выдавал сухую геофизическую информацию, но и вполне приличную легкую музыку, которой участ-ники экспедиции были лишены уже довольно долгое время.

В те годы весьма популярными на советском радио были так назы-ваемые «концерты по заявкам». И, хотя в этот день никаких заявок от участников экспедиции на радио не поступало, да и не могло поступать – ведь станции-то были зарубежные – и Анкара и Бухарест наперебой радовали нас превосходной джазовой музыкой, которая получила граж-данство в России лет через 30. Только Украина настойчиво предлагала нам набор стандартных новостей, периодически взывая:

– Увага, увага! Говорить Кывив!

Что касается результатов радиопросвещения, то они свелись к за-кономерному и очень резкому падению уровня сигнала всех трех ради-останций уже на глубине 30 метров. Далее, до самого дна шахты (до 70 метров) сигнал оставался стабильно низким. Никаких аномалий при-ема, связанных с наличием неизвестных полостей, не зафиксировано.

Вопрос о названии шахты решился консенсусом: я предлагал назвать шахту «Музыкальная», но большинство проголосовало за «Джаз-Коба».

С этого дня я и мой «ПИНП» стали желанными участниками любого поисково-разведочного отряда. А наши радиоупражнения были описаны во всех воспоминаниях участников этой и последующих экспедиций.

Несравненная Шахта Кастере

Многие шахты Караби-Яйлы имеют сходное строение: начинаются они обвальным колодцем, заложенным по системе тектонических трещин, хорошо проработанных водой, затем следует наличие (или отсутствие) зала, украшенного натечными образованиями, и, наконец, горизонтальное или слабо наклонное продолжение, заканчивающееся глиняной пробкой.

Если Монастыр-Чокрак характеризовался наличием всех трех компонентов и циклопическими размерами центрального зала, а Джаз-Коба отличалась отсутствием разведанного продолжения, то шахта Кастере, обладая всеми тремя составляющими, выделялась своей гармоничностью, пропорциональностью, изящностью и исключительным вкусом отделки «интерьера» до мельчайших деталей, что делает ее настоящим произведением искусства Великого Мастера – Природы.

Шахта Кастере также начинается провальным колодцем, глубиной около 55 метров, который выводит в галерею высотой 30 метров и шириной около 25 метров. Сам колодец, довольно чистый и сухой, имеет несколько небольших уступов, удобных для размещения фотографа. Благодаря этому появились фотографии человека во время спуска, причем в кадре удалось совместить и спелеолога и его тень на стене колодца.

Горизонтальная часть пещеры украшена скульптурными колоннами, затейливыми драпировками, ванночками с пещерным жемчугом, уникальными дисками и гроздьями арагонитовых цветов. На стенах и натечных образованиях видны следы многолетних уровней подземных озер, в которых формировалось убранство пещеры. В главной галерее находится удивительное кальцитовое образование «солнце» – геометрически правильный диск диаметром около метра с расходящимися лучами-натечками вторичного происхождения. О происхождении этих дисков ведутся дискуссии среди специалистов по минералогии пещер.

Свое название шахта получила в честь французского первооткрывателя и исследователя пещер, автора более 40 книг об экспедициях под землей Норбера Кастере (1897-1987). С 1920 года он исследо-

вал более 1200 пещер и естественных полостей. Примечательно, что свой 80-летний юбилей Норбер Кастере встретил в пропасти Раймонды массива Арба, но и этот возраст не помешал неутомимому исследователю.

В 1972 году карстовая шахта имени Норбера Кастере получила статус памятника природы.

Но, пожалуй, самым неожиданным творением подземного мастера является скульптура женщины в белоснежном одеянии с ребенком на руках, которая встречает редких посетителей пещеры в самом начале горизонтальной галереи, ведущей в центральных зал. Она как бы приглашает посетителя взглянуть на сокровища пещеры, но, в то же время напоминает, что все в этом заповедном уголке подземелья священо и неприкосновенно.

«Пещерная Мадонна» – сразу же возникает ассоциация у каждого, кто сподобился побывать здесь. Даже не напрягая воображение, можно без особого труда разглядеть черты лица (нет, Лица!) хранильницы шахты Кастере.

Если попытаться одним словом выразить характер шахты Кастере, таким словом может быть «соразмерность». Ничего лишнего, ничего постороннего, только то, что здесь существует...

Надо особо подчеркнуть, что пещера эта редкость «фотогенична». Все кадры, которые были здесь сняты отлично получились и по освещенности, и по композиции, и по настроению.

Описывать убранство пещеры – задача невыполнимая, ибо нет таких понятий в русском языке, которые могли бы передать те чувства (а не просто описание предметов), которые испытываешь, глядя на эти картины, меняющие свое отображение при малейшем изменении ракурса или освещения. При этом ты физически ощущаешь свое местоположение в подземном пространстве, которое пропадает, когда рассматриваешь фотографию, или просто пытаешься пересказать увиденное человеческими словами...

Неповторимая шахта Кастере. Несравненная. Это надо пережить...

Молодые устанавливают рекорд.

Тот факт, что удача сопутствует новичкам, блестяще подтвердился и на Караби. Группа симферопольских школьников-старшекласников, участвующая в экспедиции на правах стажировки, занималась «свободным поиском».

Шустрые мальчишки облазили все окрестности лагеря, запуская свои любопытные носы в любую щелочку, из которой тянуло ветерком

тайны. К серьезным самостоятельным погружениям их до поры – до времени не допускали.

Но такая пора не заставила себя долго дожидаться.

Когда старший группы и самый маленький по росту (что давало ему несомненные преимущества при разведке узких щелей) – Саша Ключевин – слегка картавя, отрапортовал начальнику экспедиции:

– Пройдено 120 метров и дальше 6 секунд свободного полета камня! Нужно снаряжение и вспомогательная группа! – поначалу это нахальное заявление сочли за шутку малолеток.

Но после подробного допроса решено было проверить информацию, поскольку такие параметры тянули на более чем двухсотметровую глубину, а это уже пахивало рекордом! А рекордное прохождение сулило перспективы финансирования дальнейших работ, как со стороны Академии наук, так и со стороны ВЦСПС.

Было принято решение продолжить прохождение шахты, усилив группу опытными спелеологами, закрепив за школьниками право первооткрытия и постараться спустить меня с ПИНПом на максимально возможную глубину.

Вход в шахту был довольно узким, но проходимым, навеска дополнительного снаряжения не требовалось. Затем следовал широкий уступ, удобный для организации промежуточной страховки. Далее – 50-метровый, почти вертикальный колодец, второй уступ и 65-метровая вертикаль, заканчивающаяся тесным лазом, за которым и были те многообещающие 6 секунд свободного полета...

Когда я, удобно расположившись на первом уступе, приступил к проведению замеров, мимо меня, стремительно, одна за другой промчались и исчезли в колодце две фигуры, которые я еле успел рассмотреть.

Первым был Игорь Черныш в своем неизменном черном комбинезоне и белой шапочке с приложенным налобным фонарем. Следом за ним прогрохотал более грузный Геннадий Пантюхин. Оба корифея работали в перспективной шахте, находившейся в стороне от нашей базы, но услышав о намечавшемся рекордном спуске, тотчас примчались в лагерь, и, получив разрешение руководителя, присоединились к штурмовой группе.

Этих двух очень разных по характеру и темпераменту людей объединяло и, в то же время, разделяло чувство ревнивого соперничества, которое заставляло их, как гонщиков на сложной трассе, постоянно следить за маневрами друг друга, чтобы не оказаться в хвосте.

Меня эти страсти мало интересовали. Больше всего в тот момент я был обеспокоен судьбой моего прибора, который вдруг закаприз-

начал и грозил скинуть на полдороге к рекорду. Тем не менее, мне удалось благополучно преодолеть первый колодец и присоединился к вспомогательной команде, которая обеспечивала прохождение штурмовой группы в следующую вертикаль. Пройденная глубина шахты к тому времени составляла около 200 метров! И «продолжение следовало»...

Постепенно подходили другие участники группы. Вот спустился гидрогеолог Юра Шутов, обладатель настоящей шахтерской карбидной лампы, которая досталась ему в наследство после Ялтинского гидротоннеля. Чуть позже с этой лампой произошел курьезный случай, который по праву можно отнести к непостижимым чудесам, временами случающимся под землей.

Когда мы возвращались на поверхность, Юра поднимался первым, за ним должен быть я. Юра благополучно отдал страховку, я пристегнулся карабином и начал подъем. В это время Юра сверху ехидно поинтересовался, не пролетала ли мимо меня его карбидная лампа? Не заметить такой летающий объект в узкой трубе колодца просто невозможно, так как его падение непременно сопровождалось бы не только шумовым эффектом, но и серьезной газовой атакой, а может быть и огненной вспышкой. Карбидная лампа при падении может сработать как хорошая бомба. Тем не менее, Юра вылез из колодца без лампы, а мимо меня она не прилетала. И вот, я медленно перебирая руками и ногами монотонно отсчитываю бесконечные ступени утомительного подъема. Но что это? На вертикальной стене колодца, игнорируя незыблемые законы гравитации висит не висит, стоит не стоит (но и не падает!) – Юрина карбидка. Осторожно, боясь упустить, хватаю ее, цепляю за пояс и двигаюсь дальше. Видели бы вы удивленные Юрины глаза, когда я возвращал ему пропажу!

Но это было позже, а пока мой прибор, выжав из себя последний приличный замер, окончательно потерял силы и перестал подавать признаки жизни. Все мои попытки реанимировать его успеха не имели. Перспектива двигаться к центру Земли просто так, ради спортивного интереса – меня не вдохновляла, тем более что внизу начались какие-то сложности с прохождением. Потом последовало долгое затишье и, наконец, сообщение – пройдено около 260 метров, дальше – тупик. Печально, но рекордная глубина, все-таки была достигнута!

Мне предстоял изнурительный подъем, во время которого и произошла история с карбидкой.

Шахта получила вполне благопристойное имя «Молодежная». Школьники-первооткрыватели заслуженно парили в лучах славы.

По прошествии многих лет имена этих первопроходцев стали упоминаться в числе наиболее заслуженных спелеологов страны (Даня Усиков, Юра Корнысь, Саша Клюквин).

Vive la Paix!

Этот бодрый лозунг был своеобразным символом 60-х годов. То было время тотальной борьбы за мир, молодежных фестивалей, конкурсов и других видов международного общения, сменивших режим строжайшей изоляции эпохи «Железного занавеса».

Если отбросить политическую составляющую, то это был просто универсальный клич, наподобие знаменитого «Эва!», которым участники экспедиции Караби-63 выражали свои эмоции.

Привился он в ККЭ несколько раньше, во время предыдущего рекогносцировочного обследования Караби. Поэтому первая серьезная шахта, открытая и обследованная на Караби получила имя «Вив ля Пе!», или просто «Шахта Мира».

Инициатором нынешнего посещения шахты Мира был Игорь Черныш, который собирался провести там основательную фотосъемку. Надо отдать должное его выбору. Шахта была идеальным объектом для фото – и киносъемок.

Но когда я в простоте душевной поведал Виктору Николаевичу Дублянскому, что мы побывали в «Вив ля Пе» под руководством Черныша, он даже в лице изменился. Успокоился Вит лишь после того, как я его клятвенно заверил, что мы были только в верхнем зале и занимались исключительно фотосъемкой и радиопросвечиванием.

Причина его волнения стала понятной несколько позже, когда участники предыдущей экспедиции рассказали мне, что шахта Мира чуть было не стала ареной первой подземной катастрофы.

Все дело в том, что безобидная и легкодоступная шахта обладала «двойным дном» или двумя уровнями. Верхний уровень состоял из обследованного нами грандиозного зала, богато украшенного натечными образованиями.

К нижнему уровню вел вертикальный колодец, глубиной около 50 метров, верхняя часть которого была перекрыта мощным завалом, причем глыбы известняка, образующие завал, не падали вниз только за счет сил бокового давления. Малейшее нарушение равновесия могло привести к грандиозному обвалу. К сожалению, структура завала и опасность, которую она представляла, стала понятной только после того, как первый (и единственный) участник спуска получил возмож-

ность заглянуть под эту каменную «юбку» снизу. Зрелище не для впечатлительных...

К счастью, частичное обрушение завала произошло после того, как будущий известный сейсмогеолог, а тогда еще школьник Леонид Борисенко, спустился в колодец и успел покинуть зону падения камней, укрывшись в боковом ходе. Наскоро обследовав нижний зал, который по размерам и красоте убранства уступал верхнему, Леонид благополучно поднялся наверх, доставив много волнений страхующим подъем товарищам. С тех пор посещение нижнего горизонта было категорически запрещено.

Зато верхний зал многократно компенсировал все возможные и невозможные достоинства экстремального спуска на нижний этаж.

Прежде всего, надо было совершить сравнительно несложный спуск по лестнице до уступа, ведущего к нижнему колодцу. Затем преодолеть проход на балкон со сталагмитовой балюстрадой, откуда открывался великолепный обзор панорамы верхнего зала. С балкона предстояло спуститься на 15 метров в зал «спортивно», то есть не прибегая к вспомогательной технике, однако большинство предпочло спокойный и надежный вариант – по лестнице. Группа включала около 20 человек, подготовка – разная, задача – познавательная. Риск должен быть минимальным. Однако, и здесь обеспечивающие безопасность севастопольцы, пытаясь сэкономить время, ухитрились внести некоторое разнообразие, предложив желающим спуск на страховочной веревке по крутой натечной стенке балкона. Основная прелесть такого перемещения, которое осуществлялось почти со скоростью свободного падения с резким торможением у самого пола, состояла в том, что стенка была далеко не идеально гладкой. Подпрыгнув на неровностях стенки, можно было здорово треснуть голову, что и произошло со мной за считанные упоительные мгновения этого спуска-полета к центру Земли. Серьезной травмы удалось избежать только благодаря тому, что я инстинктивно выставил вперед полусогнутые руки, которые не позволили мне «припечататься» к стенке лицом.

Зато, подобно известному горьковскому ужу-философу из «Песни о соколе» я «познал паденье», испытал силу земного притяжения, несмотря на то что находился метров на 40 – 50 ниже дневной поверхности.

Зал имеет почти правильную овальную форму в плане, куполообразный свод, скрывающийся в темноте и гигантскую скульптурную композицию в центре, состоящую из многометровых колонн, драпировок и занавесей девственно белого, молочного известняка. Диаметр

зала – около 50 метров, высота купола – 25-30 метров, а диаметр отдельных колонн достигал 3-х метров.

Чуть в стороне от центральной композиции особняком высился сталагмит, поразительно напомилавший голову старика, заросшую белоснежной сталактитовой бородой и украшенную висячими запорожскими усами. Глубокие провалы глазниц выразительно следили за непрошенными гостями сквозь густые сталактитовые брови. Высота каменного стража составляла не менее 8 метров.

Первое, что бросалось в глаза в этом каменном чертоге – часть натечных колонн была безжалостно повержена неведомой силой и обломки их громоздились на полу, но не беспорядочной грудой, а подчиняясь определенной закономерности. Похоже на то, что боковой удар чудовищной силы снес некоторые колоны с основания, и они при падении раскололись на куски, сохраняя ориентировку, противоположную направлению удара. Интересно, что не все колоссы были разрушены. Большая часть натечного убранства не пострадала.

По всей вероятности это были следы сейсмической катастрофы, причем не столь отдаленной во времени, так как обломки еще не успели обрасти вторичной натечной коркой. То есть, плоскости скола на вид были достаточно свежими. Для того, чтобы причинить такие разрушения, магнитуда сейсмического удара должна быть не менее 7,5 – 8,0 по Рихтеру. У сейсмологов сразу же должно было возникнуть множество вопросов:

- оценка времени события;
- наличие подобных проявлений в других полостях района;
- сопоставление направления и силы удара в зависимости от взаимного расположения пещер;
- сопоставление подземных событий с историческими данными;
- поиски подобных палеосейсмических дислокаций на поверхности земли.

И многое, многое другое. Ведь горный Крым является одним из наиболее сейсмоопасных регионов южной Европы.

А ведь в 80-е годы проектировалось строительство Крымской АЭС в районе Казантипа.

В работах по оценке сейсмической опасности Крымской АЭС принимал участие один из первооткрывателей Шахты Мира сейсмоотектонист Леонид Борисенко.

После обнаружения в некоторых пещерах следов сейсмических событий, палеосейсмоотектонические исследования были включены в программу работ ККЭ.

Ну, а пока, началась массовая «фотосессия», выражаясь современным языком.

Основных фотографов было трое: Игорь Черныш, Виталий Танасийчук и я. У каждого – по несколько добровольных помощников. Все охотно соглашались переносить лампы-вспышки или позировать, выстаявая неподвижно в неудобных позах, пока «освещенники» не сделают требуемое количество вспышек.

Вот тут-то я впервые сквозь видоискатель фотоаппарата обратил внимание на одинокие фигурки людей, затерявшихся на фоне циклопического пространства подземного интерьера. Несомненное сходство пещерного ландшафта с иллюстрациями к научно-фантастическим рассказам о космонавтах (ведь мы стояли на пороге эпохи космических исследований!) сразу же подсказало мне название снимка – «Подземный Крым. Спелеонавты».

Снимок получился удачным и был опубликован в августовском номере журнала «Советское фото» вместе с моей статьей «Из практики фотосъемки в пещерах». К сожалению, по вине редакции и моему недосмотру, название снимка потеряло последнее (ключевое!) слово. Так что прямое доказательство моего приоритета в употреблении термина «Спелеонавтика» в нашей стране теперь недоказуемо, о чем я, правда, нисколько не жалею.

Каскадные натеки шахты Мира изобилуют уютными нишами, похожими на фарфоровые беседки, терраски, балкончики. Почти все они населены затейливыми фигурками, в которых без труда можно разглядеть смешных гномиков, зверушек или каменных истуканов, не имеющих аналогов в человеческих понятиях. Фотографии этих насельников пещер доставляют много радостных неожиданностей после печати фотоснимков, когда неожиданное распределение света и тени порождает такие эффекты, о которых и не думалось во время съемки.

С одним из участников «фотосессии Мира» – Виталием Танасийчуком – я познакомился тоже на Караби во время геофизического обследования участка плато между шахтами Монастыр-Чокрак и Кастере. Мне предстояло с помощью наземной съемки по нескольким параллельным маршрутам установить наличие связи между этими полостями. Я работал на приборе, помощник записывал показания, а навстречу нам двигался зачехленный в штормовку незнакомый человек в очках, с крупными чертами лица и роскошным фотоаппаратом «Салют» на груди (широкоформатная зеркалка со съемными кассетами, недостижимая мечта многих фотографов тех лет!). В руках незнакомец держал пред-

мет, который сразу же выдавал его земную профессию – энтомологический сачок, которым он размахивал в такт широким шагам.

Потомственный ленинградский натуралист Виталий Николаевич Танасийчук оказался на Караби совершенно не в связи с пещерными амбициями. Просто он решил посетить этот малоисследованный район, в надежде обнаружить что-нибудь новенькое из бесчисленного племени крымских насекомых. Но когда я рассказал про работы спелеологической экспедиции, он тот час же загорелся идеей присоединиться к ней, справедливо полагая, что подземная нива может принести гораздо более щедрые плоды в его энтомологическую копилку.

Итак, случайная встреча на безлюдном плато круто повернуло вектор научных увлечений этого новоявленного «кузена Бенедикта» и на долгие годы увлекла его на опасную и многообещающую «тропу подземной ночи».

Наши контакты продолжались и после окончания крымской экспедиции. Во время ленинградских командировок я посещал его лабораторию в Институте антропологии и этнографии имени Петра Великого, знаменитой «кунсткамере», мы переписывались, обменивались фотографиями. Он работал в Крыму, на Кавказе, на Дальнем Востоке и даже в Туркмении, в знаменитой Карлюкской пещере. Круг его жизненных интересов не ограничивался энтомологией. Доктор биологических наук, профессиональный фотограф, неутомимый ходок, любознательный исследователь, к тому же обладающий писательским талантом, он опубликовал несколько книг и красочных фотоальбомов, в основном, рассчитанных на детский и юношеский возраст, что особенно ценно в наше время, когда проблемы экологии и охраны природы приобрели жизненно важное значение. Две книги с дарственными надписями хранятся и в моей библиотеке. В одной из книг он описывает нашу встречу и свои впечатления радиопередачах под землей. Теперь пришла проа и мне отдать должное этому замечательному человеку, с которым свела меня судьба на бесконечных просторах крымской яйлы.

Вы снова здесь, изменчивые тени!

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!

Goethe

Вы снова здесь, изменчивые тени!

Гёте, «Фауст»

Размышления о природе света и теней почему-то пришлось на период нашего изучения комплекса пещер Эгиз-Тинах. Скорее всего, это связано с наличием крупных залов в этих пещерах и большого

числа добровольных помощников в проведении геофизических наблюдений и фотосъемки. Обилие народа и осветительных приборов разной конструкции и мощности создавали атмосферу постоянного движения и служили источником самых разнообразных светотеневых эффектов, которые не только просились в кадр, но и побуждали к философствованию относительно своей природы и влияния на человеческую психику.

Система древнего подземного водотока на Караби состоит из нескольких протяженных полостей, заложенных в восточном борту карстово-эрозионной Эгиз-Тинахской долины. Система включает в себя пещеры Эгиз-Тинах-I, II и III, а также открытую позже шахту «Солдатская», разведанная глубина которой составляет 550 метров, что поставило ее на первое место в списке глубочайших шахт Украины.

Название «Эгиз-Тинах» в переводе с тюркского означает «двойной пруд» (озеро). Действительно, на дне эрозионной котловины находится пересыхающее в летний сезон мелкое озеро с грязными, топкими берегами. Современный подземный водоток был обнаружен только в шахте Солдатской.

Перед геофизиками руководство экспедиции 1963 года поставило задачу, попытаться установить наличие связи между отдельными элементами системы. Надо сразу сказать, что с этой задачей геофизика не справилась. Эпизодические сеансы радиопросвечивания изнутри полостей никаких аномалий не выявили, а для проведения детального электропрофилеирования всего участка с поверхности у нас просто не было ни времени, ни средств. Пришлось ограничиться беглым осмотром и единичными замерами радиополя в тупиковых участках пещер.

В то же время, наличие огромных залов, пол которых был покрыт ровным слоем глинистых отложений большой мощности, в которых терялись следы возможных продолжений пещер, привело нас к мысли о применимости здесь метода малоглубинной сейсморазведки для определения толщины покровных отложений.

Задача эта была успешно решена только 6 лет спустя, когда специализированный сейсмический отряд института «Фундаментпроект», оснащенный портативной сейсмической станцией, вновь побывал на плато Караби и провел детальные исследования в главном зале пещеры Эгиз-Тинах-I.

Тогда нам удалось определить глубину залегания и конфигурацию поверхности глыбовых отложений, залегающих под глинистой толщей и оценить скоростные характеристики пород.

Успеху предприятия способствовала возможность транспортировки аппаратуры и оборудования в пещере и достаточные для разбивки протяженных профилей размеры зала, не уступающего по площади футбольному полю на пришкольной спортплощадке. Данные геофизики были подтверждены результатами шурфовки.

Материалы исследований опубликованы в сборнике «Пещеры», (выпуск 10-11, Пермь, 1971 г.). Результаты работ Виктор Николаевич Дублянский использовал в своей докторской диссертации.

В работах 1969 года принял участие профессор кафедры геофизики МГУ Александр Александрович Огильви, автор учебника «Геофизические методы разведки», один из пионеров изучения карста геофизическими методами, руководитель работ на уральских бокситовых месторождениях, связанных с карстующимися породами.

В настоящих пещерах Александр Александрович до сих пор не был. Эгиз-Тинах-1 была первой (и, кажется, единственной) естественной карстовой пещерой в его послужном списке.

Мне пришлось взять на себя необременительную роль проводника и опекуна маститого ученого, который был по возрасту старше нас лет на 30, а по спелеологической подготовке, как принято говорить – «салагой», что нисколько не умаляло его научный авторитет. Я лично обвязал его грудной обвязкой, пристегнул карабином к страховочной веревке, и, слегка стукнув по шахтерской каске, традиционно пожелал «ни пуха, ни пера» на тропе подземной ночи. Профессор с честью прошел боевое крещение, благополучно преодолев 12-метровый вертикальный спуск и подъем, а размеры полости и натечное убранство произвело на него глубокое впечатление.

Но, геофизика – геофизикой, а причем же здесь тени?

Тени, как оптический феномен, конечно не причем, однако их назойливое сопровождение всех участников подземных экспедиций заставляет задуматься о влиянии на нервную систему спелеологов, вынужденных находиться в постоянном окружении этих неперенных спутников человека в подземном пространстве.

Вот отрывок из речи лауреата Нобелевской премии по физике за 1979 год Стивена Вайнберга (Химия и жизнь, № 4, 1983):

«Платон в своей книге «Государство» описал прикованных в пещере узников, которые могут видеть лишь тени, отбрасываемые на стены пещеры предметами внешнего мира. А когда узников выпускают из пещеры, глаза их настолько поражены сиянием, что в течение некоторого времени им кажется, будто тени, которые виделись в пещере, достовернее тех вещей, которые предстали сейчас перед ними.

Постепенно восприятие мира проясняется, и узники начинают понимать, насколько прекрасен настоящий мир. Мы как раз находимся в такой пещере, скованные ограничениями на доступные нам эксперименты. Мы не можем выбраться на волю, но если долго и терпеливо рассматривать тени на стенах нашей пещеры, то можно уловить формы симметрии, которые, даже будучи нарушены, есть отражение тех точных принципов, которые управляют всеми явлениями природы и в которых проявляется красота внешнего мира».

В этой образной речи применительно к геофизике все правильно, но с учетом существенной поправки. Мы, геофизики, находимся во внешнем мире и опускаемся под землю, только для того, чтобы, изучая «тени на стенах пещеры», представляющие отражения физических полей, наблюдаемых на поверхности, судить о справедливости тех точных принципов, которые положены в основу наших представлений о глубинном строении земли.

Геофизика занимается решением двух ключевых задач, результаты которых и определяют практическую полезность этой комплексной науки о Земле: прямой и обратной.

Прямая задача состоит в том, что геофизик, задаваясь некоторой физической или математической моделью строения изучаемой толщи и параметрами горных пород, определяет реакцию геофизических полей на поверхности моделируемого объема, или во внутренних точках модельной среды. Задача эта всегда имеет однозначное решение.

Обратная задача состоит в том, чтобы по измеренным параметрам геофизического поля определить строение и свойства геологического разреза. Этот круг задач всегда имеет множество решений в силу так называемого «принципа эквивалентности». Суть его заключается в том, что различное сочетание параметров среды может давать на поверхности одинаковую реакцию поля, то есть, задача теряет определенность решения.

Применение комплекса геофизических методов, базирующихся на измерении параметров различных полей (электромагнитных, гравитационных, упругих и других), позволяет резко сократить количество возможных вариантов решений и выделить единственный, отвечающий действительному строению разреза. Но для этого необходимо не только проводить измерения на поверхности, но и попытаться проникнуть внутрь изучаемой среды. Для этого разработаны различные модификации геофизики: шахтная (рудничная), скважинная (промысловая) и, конечно же, пещерная.

Одним из создателей промысловой геофизики был профессор Московского нефтяного института имени И.М. Губкина Владимир Николаевич Дахнов.

Уроженец Алушты, Владимир Николаевич Дахнов хорошо знал и любил крымские пещеры. Неслучайно, что возглавляя кафедру промысловой геофизики Московского нефтяного института, профессор Дахнов избрал пещеры Крыма в качестве своеобразного научно-испытательного полигона для опробования различных методов скважинной геофизики. Ежегодно с группой сотрудников кафедры и студентов-старшекурсников он выезжал в Крым для проведения полевых исследований в пещерах.

Работы эти проводились в тесном контакте с Комплексной карстовой экспедиции Института минеральных ресурсов АН УССР. Именно здесь пересеклись научные интересы двух выдающихся ученых нашего времени – крымчанина Владимира Дахнова и одессита Виктора Дублянского, которые, по сути, явились основоположниками научного освоения пещерного Крыма.

Неутолимая жажда познания, южный темперамент, наличие неиссякаемого источника вдохновения в виде крымских пещер, благодарная южная природа – сплав солнечной энергии и виноградного сока – в какой-то степени роднит их с основоположниками французской спелеологии Мартелем и Кастере.

В бытность студентом-заочником МИНХиГП, мне приходилось слушать лекции Владимира Николаевича Дахнова и готовиться к экзаменам по его учебнику, однако сдавал я серьезный экзамен по промысловой геофизике тогдашнему доценту кафедры – Ларионову – члену спелеокоманды Дахнова.

Ларионов какое-то время слушал мое не слишком вразумительное изложение основ радиоактивного каротажа, внимательно рассматривая мой только что полученный значок «Спелеолог» на лацкане пиджака.

Потом жестом остановил меня и сказал: – Ставлю «хорошо», но не за знания, а за то, что ты – спелеолог.

Пожалуй, это единственный случай в моей жизни, когда спелеология принесла ощутимые плоды.

Мы покидали систему Эгиз-Тинах, где, в окружении бесконечно изменчивых теней, пытались разобраться в ее хитросплетениях, далеко не удовлетворенные результатами наших изысканий. Пожалуй, единственным зримым подтверждением принципа неопределенности было постоянное напоминание, что любой предмет, освещенный с разных сторон, отбрасывает тени, которые изменяются самым прихотливым образом, до неузнаваемости искажая наше субъективное представление об этом предмете...

По этому поводу точно высказался Козьма Прутков: – Если бы тени предметов зависели не от величины сих последних, а имели бы свой произвольный рост, то, может быть, вскоре не осталось бы на всем земном шаре ни одного светлого места.

Мы переходили из зала в зал, распугивая тени...

Под землей, как нигде – ощутим контраст света и тени. Пляски, хороводы, вихри. Они сопровождают спелеолога повсюду. Они – часть пещерного бытия. Даже при погашенном фонаре они все еще танцуют перед глазами, но уже в виде своих антиподов – светлых пятен и точек.

Покидали мы пещеры, унося свои фонари, а тени... тени оставались. Или они навсегда исчезали с нашим уходом?

На этот вопрос попытался дать ответ Вадим Шефнер в стихотворении «Вечерние страхи»:

*... перед тьмою сгущаются тени,
Но во тьме не бывает теней.*

Поэт Самуил Маршак мыслит иначе:

*...Ну скажи, если свет исчезает,
Разве и тени должны умереть?*

Очевидно, все дело не во внешних источниках освещения, а во внутренней, духовной (или душевной?) сущности понятий «свет» и «тьма».

Рамакришна утверждает: «...когда потухает свет, то темная тень из твоего собственного сердца падает на твой путь – остерегайся этой ужасной тени, никакой свет твоего разума не может уничтожить темноты, исходящей из твоей души, до тех пор, пока не будут изгнаны из нее себялюбивые мысли».

Но далее говорится: «Хотя бы в продолжение тысячелетий мрак наполнял пространство, оно становится тотчас светло, когда свет проникает в него... так и твоя душа, как бы долго ни была она поглощена мраком, она тотчас вся светится, как только Бог окунет в нее глаза свои».

А вот еще несколько высказываний на ту же тему:

*Дрожащей кисточкой свеча
Рисует тени на стене,
Они хотят поведать нам
Как хорошо в их стороне...
Спелеофольклор
Мрак исходит не только от теней.*

Р. Фрост

Как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?

М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

*... Там притаившись на мгновенье –
В испуге свернутым клубком,
Трепецуют тени, как виденье...*

А. Л. Чижевский, «Космос», 1921

И вновь Сюлли-Прюдом в переводе Иннокентия Анненского:

Тени

*Остановлюсь – лежит, иду – и тень идет,
Так странно двигаясь, так мягко выступая;
Глухая слушает, глядит она слепая,
Поднимешь голову, а тень уже ползет.
Но сам я тоже тень. Я облака на небе
Тревожный силуэт. Скользит по формам взор,
И ум мой ничего не создал до сих пор:
Иду, куда влечет меня всевластный жребий.
Я тень от ангела, который сам едва,
Один из отблесков последних божества,
Бог повторен во мне, как в дереве кумира,
А может быть, теперь среди иного мира,
К жерлу небытия дальнейшая ступень,
От этой тени тень живет и водит тень.*

Всю эту палитру ощущений подарила мне Караби в незабываемый полевой сезон 1963 года.

Большой Бузлук – апофеоз крымских пещер

*Мрачный свод уводит в подземелье,
В черный и таинственный провал.
Не отсюда ль Данте Алигьери
Духов преисподней вызывал?..*

Ю.Б.

Если двигаться по плато Караби с севера на юг, по направлению к Иртышу, то Большой Бузлук возникает сразу, без предупреждения и без предостережения. Просто вы устало преодолеваете затяжной, хотя и не сложный подъем, переступая бесконечные борозды, промытые водой в слоях известняка – карры, и так поглощены этим утомительным, но требующим неослабного внимания процессом, что следующий шаг вы намереваетесь сделать уже в пустоту. И только могучий инстинкт самосохранения удерживает вас от увлекательно-го, но недолгого полета. Обрыв – отвесный и неожиданный. Именно поэтому Большой Бузлук является излюбленным местом тренировок спелеологов, опробования снаряжения и просто вертикального спуска с целью пощекотать нервы. С южной стороны Большой Бузлук представляет собой гигантский грот, заваленный глыбами известняка, между которыми спокойно и безмятежно произрастают взрослые деревья и кустарники. Диаметр обвальной воронки – около 20 метров, глубина – 30-40 метров. Внутри пещеры имеется 20-метровый вертикальный колодец. За эту причудливую форму и возникающие в нем неожиданные акустические эффекты Бузлук получил неофициальное название – «Каменное Ухо». И это исполинское ухо нацелено в дальний Космос...

Невольно напрашивается наличие связи между посадочными знаками – каменными бабочками на борту долины Эгиз-Тинах и навигационным Каменным Ухом Большого Бузлука.

В пещеру можно достаточно просто спуститься без специального спелеологического снаряжения.

Главная достопримечательность пещеры – залежи фирнового льда, который ежегодно образуется в результате накопления и смерзания снежной массы. Каждую зиму стены грота обрастают ледяными натеками, которые в некоторых уголках сохраняются почти до конца лета. Само название – Бузлук – ледник – свидетельствует о том, что местные жители на протяжении всей истории существования пещеры использовали ее как источник питьевой воды и пищевого льда. (По другим сведениям – «базлук» – приспособление для хождения по льду, надеваемое на обувь).

Особенно эффектно смотрится Бузлук изнутри, когда создается впечатление, что небо и земля поменяли свое привычное местоположение, и человек оказался в перевернутом пространстве.

Расположение грота на границе света и тьмы дает возможность воочию представить во всех деталях те подземные пространства и объемы, которые поджидают исследователя в недрах массива. Его циклопические размеры соизмеримы с главными залами таких шахт, как Монастыр-Чокрак и Эгиз-Тинах.

И все же, пещеры прежде всего ассоциируются с понятием «мир без солнца». Везде и всюду подчеркивается эта отторженность подземного пространства от привычного «солнечного мира» и его неразрывная связь с миром тьмы.

Раньше мне казалось, что все процессы превращения и перемещения минерального вещества, приводящие к образованию подземных пустот и их пышного убранства могут происходить только в глубинах земли, в мире, лишенном солнечного света. Однако, на земле существует немало уголков, где процессы растворения карстующихся пород и выпадения осадков из растворов с образованием традиционных «пещерных» форм происходит прямо на дневной поверхности, буквально на глазах у человека.

Горячие минеральные источники, выбиваясь из глубин земли на поверхность, создают чудесные «пещерные» пейзажи, доступные всеобщему обозрению. А скорость реакций зачастую значительно выше, чем в холодных карстовых полостях. Такова широко известная теперь «Долина гейзеров» на Камчатке, это и знаменитые гейзеры Йеллоустоунского парка, и, наконец, гораздо менее известные, но несравненно более прекрасные и поистине грандиозные творения термальных источников Каппадокии в Турции, где вся лаборатория вместе с ее результатами обозрима до мельчайших подробностей, однако теряет таинственность, создаваемую покровом темноты.

И все-таки пещеры и тьма – нерасторжимы и только в совокупности приобретают очарование прелести и тайны, что делает их столь притягательными для изучения, наблюдения, почитания и поклонения на протяжении всей истории человечества.

Вот еще несколько высказываний, подтверждающих этот тезис.

*Звуки капель слышны мелодичные,
Темнота – не бывает темней!
И красоты пещер необычные
Освещают лучи фонарей...*

Спелеофольклор

В то же время, по мнению Жозефа Жубера – «То, что верно при лампе, не всегда верно при свете солнца...»

Сия темнота кажется нарочно для того есть в природе, чтобы уничтожить гордость человеческую и помрачить мнимые дарования и прелести, которые блистали во время прошедшего дня. Человек!.. хочешь ли ты видеть себя, свою ничтожность? Дай зайти солнцу и человеку снять с себя посторонние украшения, которые не принадлежат ему и которые одно его детское честолюбие себе присвоило.

И. А. Крылов, «Ночи»

*О, ночи час, хотя покров твой мрачен,
Как спорится работа в тишине
И либо с думой быть наедине!
Когда б и чем я не был озадачен,
В тени бодрящей так отрадно мне
Полет мечты лелеять в сладком сне,
Чтоб с явью не был высший смысл утрачен.*

Микельанджело Буонаротти

Итак, в классическом понимании, пещера – это темнота, наполненная тишиной...

4. ЧАТЫР-ДАГ ВИДЕН ОТОВСЮДУ

Воспетый Адамом Мицкевичем

*Повеял ветерок, прохладною лаская,
Светильник мира пал с небес на Чатырдаг,
Разбился, расточил багрянец на стенах
И гаснет. Тьма растет молчанием пугая.*

Адам Мицкевич, «Крымские сонеты»

Благодаря своему исключительному местоположению, издали кажется, что Чатыр-Даг выше всех Крымских гор и господствует над всеми яйлами. Именно эта особенность поразила польского поэта Адама Мицкевича. Как известно, он посетил Аянский источник, бьющий у основания этого массива и, вполне вероятно, поднимался на яйлу. Путешествуя по Крыму, поэт заметил, что, где бы он ни был, всюду за ним «наблюдал» «бесстрастный драгоман», и в посвященном ему сонете дал точное, хотя и гиперболичное определение: «Ты – мачта крымская!»

«Крымские сонеты» Адама Мицкевича по своей живописности не уступают величавой красоте крымской природы. Польский поэт совершил путешествие по Крыму в 1825 году. Итогом этой поездки стал цикл из восемнадцати сонетов. И хотя крымская тема уже полновластно звучала в русской поэзии благодаря «крымским» стихам Семёна Боброва, Батюшкова, Пушкина, – всё же «Крымские сонеты» (переводы на русском языке появились вскоре после издания «Сонетов» Мицкевича в 1826 году) стали первым ярким циклом стихотворений о Крыме.

Я сижу в читальном зале Института минеральных ресурсов, перелистываю страницы монографии А.А. Крубера, а из окна мне виден Чатыр-Даг.

Институт стоит на правом берегу легендарного Салгира, воспетого Пушкиным и Мицкевичем. Салгир берет начало из карстовых источников, расположенных у подножья Чатыр-Дага. А Чатыр-Даг виден отовсюду.

Книга раритетная, с экслибрисом самого Крубера – «Карстовая область горного Крыма», Москва, 1915, с двумя картами 103 рисунками.

Прежде чем приступить к исследованиям крымского карста, необходимо пополнить свою теоретическую базу, а тут – такое благоприятное стечение факторов – и Крубер, и Чатыр-Даг, и Салгир!

Крубер Александр Александрович (1871-1941), географ, основоположник советского карстоведения. Окончил Московский университет (1896). Профессор, с 1919 заведующий кафедрой географии Московского университета. В 1923-27 директор научно-исследовательского института географии МГУ. Один из крупнейших русских исследователей карста. С 1897 изучал карстовые районы Восточно-Европейской равнины, Крыма, Кавказа. Участвовал в создании географических учебников и хрестоматий. Именем Крубера названы хребет на о. Итуруп (Курильские острова), карстовые пропасти в горном Крыму и на Большом Кавказе.

Уже на подъезде к Симферополю Чатыр-Даг привлекает к себе внимание приезжающих своим строгим, лаконичным профилем, напоминающим очертания шатра, возникшим на горизонте. На русский язык Чатыр-Даг и переводится, как «Шатер-Гора». Он как бы господствует надо всей местностью, являясь своеобразной осью, вокруг которой оборачивается крымская земля. В ясную, устойчивую погоду контур Шатра тоже ясный и четкий. Чувствуя приближение дождя, Чатыр-Даг прикрывает голову папай-тучкой, а в ненастье полностью закутывается в лохматую бурку непроницаемых облаков.

Куда бы ты не направлялся, Чатыр-Даг сопровождает тебя, как молчаливый страж и вечный символ Тавриды. Он присутствует повсюду: и в центре Симферополя, и на пути следования к Севастополю, и по дороге на Белогорск (Карасу-Базар), и, конечно по трассе на Южный Берег Крыма. Только здесь он постепенно меняет свои очертания, превращаясь по мере приближения к нему в нагромождение скалистых утесов, покрытых буковым лесом и колючим кустарником, а сама остроконечная вершина уже не просматривается снизу.

В путеводителе по Крыму Н.А. Головкинского, изданном 1894 году, приведены такие поэтические строки о Чатыр-Даге:

*Выше нас лишь небосклон,
Здесь весь Крым, как на ладони,
Видно море с трех сторон...
Раскаленный, чуждый тени,
Гол и мертв утес Эклиз;
За ступенями ступени
Серых скал сбегают вниз.
Там отлогости и кручи,
И ложбины и бугры
Одевают лес дремучий
До подножия горы.
Выше леса перед нами
В океане светлой мглы
Реют плавными кругами
Длиннокрылые орлы.*

Немного наивные стихи старого профессора, обитавшего неподалеку, на берегу моря, в уютном поселке, носившем в то время поэтическое название «Профессорский уголок» (после октябрьского переворота бесхитростно переименованного в «Рабочий уголок»), даже теперь, спустя более чем столетие, очень точно улавливают переживания человека, влюбленного в этот удивительный уголок (иначе не назовешь!) крымской природы...

В цепи Крымских гор Чатыр-Даг занимает центральное, и, в то же время, обособленное положение. Он со всех сторон отделен от соседей и сдвинут на десяток километров к северу, относительно других массивов Главной гряды Крымских гор.

Надо сказать, что Чатыр-Даг – не самая высокая вершина Крымских гор. Она занимает только пятое место среди высочайших вершин Крымских гор. Состоит Чатыр-Даг из нижнего и верхнего плато. На верхнем плато расположены две вершины: восточная – Ангар-Бурун (1453 м) и западная – Эклизи-Бурун (1527 м). Длина плоскогорья с севера на юг – 10 километров, ширина с запада на восток – около 4 километров. Несколько выше его расположенная поблизости, на территории Крымского природного заповедника горная группа Роман-Кош (1545 м). Но совершенно исключительное расположение Шатра-Горы в системе Главной гряды делает его зрительным центром всей панорамы Крымской горной части полуострова.

Высшая точка массива Эклизи-Бурун – в переводе означает «Церковный мыс». Объяснение этого названия содержится в книге «Досуги крымского судьи» П.И. Сумарокова (1803 год):

«Поверхность усеяна камнями, буграми, между коих видны развалины греческой церкви, зовомой Панагия, т.е. Пресвятой, куда греки единожды в году, в Троицын день возносились многолюдным ходом для молебствования».

Следует особо отметить, что массив Чатыр-Дага в гидрогеологическом плане является крупнейшим региональным водосбором, в недрах которого формируются колоссальные сезонные запасы пресных вод, которые разгружаются в виде источников, дающих начало легендарному Салгиру.

Исток Салгира определяется неоднозначно. Из-за этого в краеведческих справочниках и другой литературе даётся разная длина Салгира (232, 211 и 204 км). Некоторые исследователи истоком Салгира считают Аянский источник, связывая это с тем, что Аян, даёт почти 40% общего объёма стока Салгира в месте его впадения. За начало Салгира принимали и исток реки Ангары, берущей начало на Ангарском перевале. На современных же картах название «Салгир» появляется после слияния у села Перевальное рек Ангара и Краснопещерная. Длина Салгира в этом случае равна 204 км.

Окрестности Аянского источника

Тот, кто побывал на Чатыр-Даге и не посетил величественный провал, ведущий в шахту Бездонную, потерял очень много. Но тот, кому представилась возможность посетить Аянский источник, дающий начало Салгиру, может с гордостью считать, что видел одно из главных чудес Крыма.

В программе экспедиции 1964 года детальному обследованию Аянской пещеры было отведено особое место. Ожидался приезд группы московских аквалангистов, которые намеревались погрузиться в каптаж Аянского источника. Все необходимые разрешения были получены, списки участников согласованы, долгосрочный прогноз погоды сулил две-три недели без метеосурпризов.

17 августа 1964 года мы вместе с геологом Игорем Васильевым покинули лагерь экспедиции, разбитый на знаменитой Барсучьей поляне нижнего плато Чатыр-Дага, и по крутой тропе спустились к началу обособленного ущелья, из недр которого вырывался знаменитый Аянский источник, дающий начало не менее знаменитому Салгиру.

Наше неожиданное вторжение на заповедную территорию с тыла, со стороны труднопроходимого ущелья, по которому обычные туристы

не ходят, несколько озадачило милиционеров, несущих охрану заповедной территории. Однако, после нашего представления и сверки со списком допущенных в святая святых, нам было разрешено приступить к работам.

Первый день мы посвятили знакомству с пещерой, в которой уже работали сотрудницы экспедиции – геолог Наташа Павлова и аспирантка-химик Инна Знаменская. Наташа с помощниками занималась маркшейдерской съемкой главного хода пещеры и нивелировкой поверхности подземных водоемов, которых в пещере насчитывалось около десятка. Инна отбирала пробы воды для химанализов.

Сейчас, на исходе лета уровень воды в пещере и в самом источнике был сильно понижен, что позволяло обследовать самые удаленные закоулки пещеры. Вода в источнике едва переливалась через края отверстия нижнего уровня каптажа, забранного прочной металлической решеткой. В период паводка поток не только заполняет нижнее отверстие, но переполняет чашу бетонного ограждения, целиком заливая главный зал каптажа, так что приходится настежь открывать металлические двери, обычно запертые на ключ. В этот период водный поток подтапливает Аянскую пещеру почти полностью.

Над родником возведен бетонный каптаж в виде здания с куполом, вид которого поражает своей мощью и строгой красотой. Здание каптажа имеет оригинальную архитектуру, в которой явно прослеживаются восточные мотивы, неожиданно сочетающиеся с символикой времен СССР – красной пятиконечной звездой над главным входом. Всем своим видом здание напоминает культовое сооружение, храм, возведенный над выходом воды святого источника на поверхность. Скалы над каптажем были стесаны (причем вручную – без взрывных работ, дабы не нарушить гидрогеологический режим источника!), а вдоль левого борта ущелья в скале проложена 3-х километровая дорога с широким 20-метровым тоннелем, где спокойно могла проехать лошадиная повозка. Эта территория является зоной строгого охранного режима и попасть сюда можно только по специальному разрешению.

Второй день работы в Аянской пещере окончился для меня небольшим приключением, которое не доставило особого беспокойства и носило скорее юмористический характер. В этот день у меня по плану было определение удельного электрического сопротивления во всех точках водопроявления пещеры. Вместе со мной должны были работать наши девушки – Инна и Наташа, которым предстояло отобрать пробы воды. До первого водоема мы дошли вместе. Здесь я немного задержался, настраивая аппаратуру, а девчата ушли вперед. Помимо пла-

новых замеров я намеревался опробовать новый источник питания для налобного фонаря – накальные батареи повышенной емкости, которых должно было хватить надолго. Комплект из четырех батарей, соединенных в один блок, я легкомысленно засунул за пазуху комбинезона, выше пояса сбоку, под правой рукой. Свет получился яркий и надежный. Я уже собирался спуститься по скользкому глинистому откосу к воде, чтобы начать работу, как вдруг... Сначала – темнота, затем – короткий всплеск и... тишина... Каким образом блок питания вывалился наружу, не могу сказать. Как всегда, законы Паркинсона, Мэрфи и Чизольма преподносят сюрприз именно в тот момент, когда ты совершенно к нему не подготовлен. Тяжелые батарейки немедленно оборвали ненадежный контакт и мой запас электроэнергии оказался на дне озера. Мало того, в этот раз со мной не оказалось запасного комплекта освещения! А место происшествия было совершенно не приспособлено для ожидания помощи. В моем распоряжении была лишь узенькая полочка, на которой с огромным трудом можно было уместиться в неудобной позе, рискуя при малейшем нарушении равновесия соскользнуть по трехметровому глиняному откосу в холодную ванну, выбраться из которой без посторонней помощи, да еще в кромешной тьме, было весьма проблематично... Пришлось запасаться терпением и ждать... Успокаивало то, что работы у девочек было на час-полтора, не более, а возвращаться они будут только по этому маршруту. К тому же, ко мне немедленно присоединились непрменные спутники спелеолога – ТЬМА, БЕЗМОЛВИЕ И ОДИНОЧЕСТВО – Великая Триада, помогающая скрасить любое вынужденное ожидание, особенно не слишком продолжительное.

Коротая время, я постарался припомнить, все что узнал или вычитал, собираясь в экспедицию об Аянском источнике и его окрестностях.

Аянский источник берет начало из пещеры на склоне Чатыр-Дага. Аянская пещера уходит вглубь массива на 560 метров, состоит из 5 параллельных галерей, которые в сильные паводки почти полностью затопливаются водой. Часть крымских ученых считает, что именно этот источник, а не место слияния рек Краснопещерной и Ангары является началом реки Салгир. Когда-то вблизи источника было греческое поселение Ай-Ян (в переводе – «святой Иоанн») с часовней, посвященной этому христианскому святому. Со временем это название трансформировалось в «Аян».

Интересно, что такое же название носят расположенные за тысячи километров от Крымского полуострова на Таймыре в Норильской тундре река Аян и одноименное живописное озеро, изобилующее превосходной рыбой. В самом городе Норильске есть рыбный магазин с

таким же названием, где всегда можно было купить любую местную рыбу по вполне приемлемой цене.

В нескольких километрах отсюда берет начало река Ангара, знаменитая тем, что вытекает из озера Байкал.

Точное происхождение названий-близнецов в данной местности не выяснено.

Я уже упоминал, описывая Красные пещеры, что в Горном Крыму в свое время побывал Александр Сергеевич Грибоедов, именем которого названа одна из галерей Кизил-Кобы. В дневниковых записях Грибоедова сохранилась также краткая запись о посещении Аянского источника: «Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, летучая мышь прилеплена к стене возле, и внутренняя продолговатая пещера позади нас. Вода холодная, как лед». (Несколько напоминает мое теперешнее состояние, только у меня нет света, и я лишен возможности любоваться красотами пещеры. Ю.Б.).

В 1858 году местность Аяна посетил зоолог Карл Кесслер. Он писал: «Исток Салгира есть исток в истинном и полном значении этого слова. Салгир не образуется от постепенного соединения между собою, на поверхности земли, многих отдельных ручейков, а выскакивает на свет, из темных недр горы, уже в полной силе, как некогда вышла Минерва из головы Юпитера. Отверстие, чрез которое выходит этот поток, чтобы дать начало Салгиру, имеет форму большой пещеры, выдолбленной в огромной мраморной скале и обсыпанной мраморными обломками. Форели, живущие в Салгире, поднимаются до самого верховья его и проникают даже в пещеру, из которой он вытекает; мы имели случай в этом убедиться собственными глазами».

В 1886 году гимназисты Симферопольской мужской гимназии, посетив Аянский источник, записали в своих дневниках: «Громадная каменная арка, в виде полукруга опрокинулась над Салгиром; из этой арки, как из пещеры, выдвигался бассейн в две сажени длинны, наполненный чистой как кристалл водой. Кто хочет увидеть само жерло источника, откуда подымается вода, тот пусть войдет в расселину скалы, слева от арки. Вы очутитесь в скалистом гроте. Сверху в отверстие вы увидите небо, внизу колодец, переполненный водой, идущей к боковой арке и изливающейся из нее Салгиром. По слухам, этот природный колодец идет вниз и дно его недоступно человеку. Говорят, что источник Салгира особенно красив в те часы, когда солнце перейдет на запад, лучи его войдут в арку и причудливым светом озарят его темную внутренность и голубую поверхность движущейся воды».

А вот как описывает исток Салгира первый крымский ученый-гидролог Николай Головкинский: «Шум воды слышен издали, а вблизи почти нельзя разговаривать. Салгир разом вырывается сильным потоком из огромной промоины. Вода в промоине заметно синего цвета, что свидетельствует о чистоте и глубине ее». Это наблюдение относится к периоду паводка.

Аянский источник питает своими водами одноименное водохранилище, также имеющее интересную историю. Решение о строительстве водопровода от Аянского источника и водохранилища под склонами Чатыр-Дага для водоснабжения Симферополя было принято еще в начале XX века, однако полномасштабные работы по устройству водохранилища начались лишь в 1927 году. Первая очередь водохранилища закончили в 1928 году, а вторую в 1939 году.

В 1951 и в 1977 годах была проведена его реконструкция, после которой объем водоема стал 3,9 млн. кубических метров, а максимальная глубина составила 24,5 метра. По 18-ти километровому подземному водоводу вода поступает в питьевые очистные сооружения на Петровских скалах в Симферополе. Вдоль водопровода в 1928 году были сооружены оригинальной архитектуры каптажные будки (две из них можно увидеть вдоль шоссе в пределах села Доброе) и несколько бетонных водораспределительных колонок-фонтанов, которые тоже еще кое-где заметны вдоль трассы.

Вот такие размышления позволили мне скоротать время до возвращения моих коллег, которые от неожиданности немного испугались, когда я жалобным голосом из темноты попросил их сжалиться над несчастным узником и не бросать одного на растерзание летучим мышам.

Еще одно нелишнее напоминание о том, что при подготовке подземной экспедиции, даже самой непродолжительной, мелочей не существует.

Пещеры Чатыр-Дага – вчера и сегодня

По составу горных пород массив Чатыр-Дага делится на два структурных этажа. Верхний сложен известняками, образовавшимися из отложений тёплых морей верхнего юры, и подстилающими их красными конгломератами. Мощность известняков достигает 1000 метров. Конгломераты в свою очередь лежат на водоупорной толще нижнего этажа – отложениях верхнетриасового и нижнеюрского возраста. Она известна под именем таврической серии и состоит из ритмично чередующихся зеленоватых и чёрных аргиллитов, алевролитов и песчаников.

Классический карстовый район насчитывает более 200 пещер, шахт, полостей. Наиболее известными являются шахта Бездонная, Суук-Коба (Холодная), Бин-Баш-Коба (Тысячеголовая), Эминэ-Баир-Коба (Трехглазка), Эминэ-Баир-Хосар, Мраморная и некоторые другие, менее известные шахты и пещеры, не представляющие особого интереса, как туристические объекты, однако обследованные нами с позиций геологии и геофизики.

Большинство легкодоступных пещер, таких как Холодная и Тысячеголовая, в настоящее время утратили свою красоту и привлекательность.

К раннему средневековью, а возможно и к более раннему времени, относится некрополь в пещере Тысячеголовая, еще не исследованной археологами детально, но уже полностью разграбленной посетителями.

По свидетельству путешественника и исследователя Крыма Евгения Маркова, пещера в начале XX века представляла собой огромный могильник, заполненный человеческими черепами и костями, что вызывало ужас у посетителей. Вот описание пещеры, относящееся к 1909 году: «Мы ехали молча, настроение было несколько торжественное; душа невольно подчинялась впечатлениям горного леса и той горной высоты, на которой мы находились.

Несколько тёмных живописных отверстий виднеются в разных местах. Ведет нас к пещере незаметная какая-то узкая трещина, прикрытая утёсом, но не верится, чтобы это была знаменитая «Бинбаш-Коба» – Пещера тысячи голов.

Никто не думал, чтобы приходилось лезть в такую лисью нору, и нечего рассчитывать на особенные наслаждения в этой пещере.

Глухой, тесный, сырой коридор бесследно проглатывает всякие звуки; с каждым шагом он делается значительно ниже и уже. Батюшки, что же это такое? Это водосточная труба, а не пещера.

Нора тянулась не особенно долго, всего несколько сажен. Она поднималась слегка в гору и извивалась в стороны. Вдруг проводник наш словно нырнул куда-то. Я присмотрелся, поглядел вперёд. Мы были у устья высокой, тёмной пещеры в которую уже спустился проводник. Мне никто не описал заранее Бинбаш-Кобы, и я совсем не готовился встретить в ней то, что я встретил. Оригинальность и неожиданность зрелища потрясли меня. Я вдруг очутился в мрачной и таинственной индийской пагоде. Высокие своды пропадали в темноте; потолки узорчатые, витые, будто сплетённые из кораллов целыми букетами, поднимались кверху по стенам и углам; их расписала чудесными иероглифами какая-то неведомая рука. Освещённые мерцающим огнём наших свечей, эти могильные капища кажутся ещё таинственней: их бесчис-

ленные сталактиты, вылившиеся во всевозможные формы, где обрисовываются в голубоватом фосфорическом тумане, где сверкают яркими искрами на чёрном фоне глубоких сводов – тени длинные, неуловимые и неуловимых форм, ползут по стенам широко и медленно, или быстро перебегают, как крыло вспугнутой ночной птицы, переплетаясь, пересекаясь, сливаясь друг с другом, смотря по движению наших огней.

Колоннады, жертвенники, идолы, курильницы то выплывают из мрака, то тонут в нём, чтобы дать место новым рядам колонн, мостов, идолов.

На полу между каменными сидениями, у подножья истуканов, насыпаны страшными горами человеческие черепа. Жёлтые, как репа, с чёрными дырами вместо глаз, с оскаленными рядами зубов, покрытые землёй и плесенью, гниют эти черепа в своём великолепном сталактитовом склепе. Они лежат без счёта и призора, как кавуны на мало-российском базаре. В каждом провале пещеры такие же кучи. Их без внимания топчет нога туриста, изумлённо оглядывающего эти известковые наплывы, придававшие величие храма тёмному склепу.

Душой овладевает какая-то непобедимая чара... Всё кругом так странно и ново, что совсем выбивает человека из живой колеи...

Забываешь, что ты на Чатыр-Даге, приехал из Алушты, с проводником Османом; начинаешь впадать в какое-то мистическое сновидение, начинаешь невольно мечтать об эфемерных подземельях, о храмах кровавой богини Бохванн, требующей себе жертву смерти, и одной смерти... Это, действительно, обстановка сновидения; чувства на этих молчаливых алтарях, под этими пустынными сводами, невидимое присутствие какой-то страшной богини... Для кого же эти сотни лампад, эти остатки от тысячи жертв? С возбуждённой и смущённой фантазией, двигались мы, не меняясь ни единым словом, не развлекая ничем своего мистического созерцания, из подземелья в подземелье. Нельзя было проникнуть во все его таинственные углы. Часто чернели у нас по сторонам тёмные отдушины, ведущие Бог знает куда. За ними может быть, опять такие же ряды храмов. Рискнув ползти туда, кто знает, когда бы мы возвратились, да и возвратились бы ещё. Известковые слои Чатыр-Дага, перевёрнутые рёбрами вверх, должны иметь бесконечные подземные пустоты.

Недаром во всех сторонах Чатыр-Дага есть пещеры. Они, без сомнения, сообщаются между собой отдушинами. Трещинами, переходами, извивающимися между каменными толщами. Кому по силам этот лабиринт Плутона?

Отбив несколько кусков сталактита и осмотрев всё что было доступно без крайнего риска, мы поспешили назад».

Современная Бинбаш-Коба представляет собой закопченный и ободранный лабиринт, лишенный и каменных украшений и свидетельств страшной трагедии, разыгравшейся под этими сводами много столетий тому назад... Немногим лучше выглядит и Суук-Коба, которая сохранила, однако, свою знаменитую ванночку с прозрачной холодной водой, которая постоянно заполняется за счет непрекращающейся капли с потолка пещеры.

С аквалангом – под землю...

1962 год стал первым годом работ советских аквалангистов под землей. Спортсмены-подводники Московского авиационного института Юрий Плотников, Александр Никитин и Виктор Бровко приняли участие в работах Комплексной карстовой экспедиции ИМР, целью которых было исследование обводненных участков Крымских пещер и пещерных сифонов. За несколько сезонов были обследованы обводненные участки Красной пещеры, источника Карасу-Баши, берущего начало у подножья плато Караби и некоторые другие пещеры, где были встречены подземные воды.

Но, пожалуй, самым интересным для наших «кашалотов» – аквалангистов – был сифон в Аянской пещере.

Приведенные выше свидетельства очевидцев, посещавших Аянский источник в разные годы, дают некоторое представление о тех трудностях, которые поджидают аквалангистов на подводном маршруте в недра Чатыр-Дага. Правда, почти все посещения относятся к наиболее активным гидрогеологическим фазам жизни пещеры. Наша экспедиция была специально приурочена к концу летнего сезона до начала периода дождей.

По свидетельству Виктора Дублянского, топосъемка, проведенная в Аянской пещере, показала, что на 450 метров ходов в ней присутствует два ручья и шесть озер разной величины. И самое удивительное – вода в них стояла на разных уровнях!

В весенний паводок, когда разливаются все крымские реки и расход источника почти достигает максимума, подойти к сифону невозможно. Вода поднимается на шесть метров, затопляя всю галерею и, крутясь водоворотами, уносится под нависающий свод. Скорость потока после выхода из сифона составляет в среднем десять километров в час. Вот в этом-то великолепном сифоне и пришлось работать несколько лет подряд московским аквалангистам, конечно, в малую воду.

А вот как описывает подводник и спелеолог Виктор Бровко первое знакомство с сифоном Аянской пещеры:

«Погружаюсь и вижу впереди глыбовый завал, в котором имеется довольно широкий проход, уводящий вниз и вправо. Прохожу легко. Глубина около четырех метров. Вдруг завал кончается, и у меня даже захватывает дух: я стою в начале колоссальной, почти круглой трубы, сплошь заполненной водой и наклонно уходящей вдаль. Через десяток метров ее глубина уже около пяти-шести метров.

Не может быть, чтобы такой ход никуда не привел! Иду вперед, упираясь ногами в дно, цепляясь руками за маленькие коррозионные гребешки на стене. Они острые, ранят пальцы или обламываются. Первые 12-15 метров труба прямая и веревку тянуть легко. Затем ход немного опускается, труба суживается и поворачивает направо. Тщательно выбирая точки опоры, напрягаюсь и протаскиваю веревку вперед. Поворот пройден. Открывается новое расширение трубы, напоминающее тоннель метро.

Останавливаюсь отдохнуть и оглядеться. Смотрю вверх и вижу поверхность воды! Правда, это всего лишь маленькое оконце размером метр на полтора. Пытаюсь добраться к нему, но неудачно. Парю в трубе и медленно опускаюсь на дно... Наконец удалось забраться на камень, выходящий на поверхность воды. Высовываю голову, осматриваюсь. Вдруг левая рука срывается, и острый скальный гребешок прорезает манжет костюма... Ориентируясь по веревке, пролезаю в щель и выхожу в сифонное озеро. Из пробитого костюма струей льется вода...»

В 1963 и 1964 годах аквалангисты прошли с поверхности через сорокаметровый сифон непосредственно в озеро правого хода. Левый сифон удалось пройти почти на 60 метров. В нем обнаружили воздушные пузыри разных размеров, а в конце – небольшой зал с ручейком, несколькими узкими сухими лазами и новым сифоном. Однако в этом зале не было места, где бы водолазы могли переодеться, и от разведки сухих ходов пришлось отказаться. Погружались аквалангисты не только в сифон Аянской пещеры, но и в каптаж.

Шестьдесят метров – это своеобразный рекорд молодой советской подводной спелеологии. Выполненные научные задания – топографическая съемка, замеры трещиноватости и другие специальные наблюдения – выводят работы в Аяне в число лучших мировых подводных исследований пещер. Но Чатыр-Даг по-прежнему хранит тайну. К его подземным водотокам не удалось пройти ни сверху, через эрозионные шахты на плато, ни снизу, через обводненные источники на склонах...

Мне посчастливилось участвовать в работах этой экспедиции в 1964 году, правда, без подземных погружений с аквалангом, для чего

требовался соответствующий опыт, а я только два сезона как освоил входившие тогда в моду маску и ласты и только один раз погружался с аквалангом на несколько минут в Черное море в районе Фороса.

Особо эффектно выглядели погружения в каптаж, которые снаружи выглядели весьма живописно, благодаря особому цветовому спектру воды, подсвеченной изнутри мощными фонарями аквалангистов.

Контакты с аквалангистами продолжались и в Москве. После погружений в источники Карасу-Баши и Аян «кашалотов» стали все-речь осаждать падкие до сенсаций корреспонденты. На одну из встреч, организованную в редакции «Известий» был приглашен и я, как участник и единственный геофизик, входивший в состав группы. Встреча состоялась в знаменитом конференц-зале Известий, круглые окна-иллюминаторы которого выходят на сквер с фонтаном у кинотеатра «Россия». Журналисты въедливо пытали участников экспедиции, выуживая из них подробности погружений. Материал, который должен быть опубликован в «Литературной газете», долго не выходил в свет. Когда же, наконец, репортаж был опубликован без предварительного обсуждения и корректировки, аквалангисты пришли в ярость: корреспондент так представил факты, что создавалось впечатление, будто бы все действие происходило с нарушением элементарных требований безопасности, за которые незадачливых участников следовало сразу и навсегда лишиться права погружения. «Кашалоты» требовали опровержения, журналисты – ссылались на свободу творчества, позволяющую автору использовать художественные приемы, не всегда согласующиеся с голыми фактами. На мой непросвещенный взгляд, ничего особо криминального в репортаже не было. К сожалению, моя вырезка из газеты пропала. Помнится, я подарил ее кому-то из участников встречи. Скандал потихоньку удалось замять, но элемент недоверия настроенности к работникам пера, в особенности периферийным, остался. По крайней мере, у меня.

Рядом с мечтой. Сокровища Эминэ-Баир-Хосар

Рядом с мечтой я побывал дважды: в 1964 и 1982 годах. И каждый раз я выходил из пещеры с чувством неудовлетворенности, недосказанности. Она явно скрывала нечто самое сокровенное, видимо, дожидаясь либо более благоприятных времен, либо более достойных первооткрывателей.

Во время экспедиции 1964 года колодец скрывался под скромным псевдонимом КЭ-23. Это был его номер по реестру Комплексной карстовой экспедиции.

К 1982 году шахта уже не только обрела свое историческое название, но и значительно расширилась за счет открытых в 1974 году новых залов и галерей, великолепие убранства которых сразу сделало ее одним из наиболее интересных и посещаемых туристских объектов Чатыр-Дага.

В переводе с тюркского «Эмин» означает – дуб, «Баир» – склон а «Хосар» – колодец. Таким образом, полное название можно перевести как «Колодец на склоне возле дуба». В последние годы к имени шахты иногда добавляют определение «Мамонтовая». И на это есть веское основание – недавняя находка скелета мамонта и других доисторических животных.

Существует и другое толкование названия, связанное с легендой о непокорной красавице и жестоком бае, но это из области местного фольклора.

В настоящее время разведанная длина пещеры Эминэ-Баир-Хосар составляет свыше двух километров. У нее пять уровней. Залы самого верхнего примерно в тридцати метрах от поверхности земли, нижнего – на глубине ста восьмидесяти метров. По разнообразию натечных и кристаллических форм пещера не имеет равных не только в в Крыму, но и на всей территории бывшего СССР. Благодаря многолетним трудам симферопольских спелеологов под руководством Александра Козлова, пещера была превращена в благоустроенный для посещения туристов подземный комплекс.

Сейчас попасть в пещеру можно по специальному тоннелю, минуя естественный вертикальный входной колодец. Туристический маршрут оборудован удобными дорожками, ограждениями и подсветкой. До 2005 года внутри пещеры функционировал минералогический и палеонтологический музей.

А в далеком 1964 году путь в Эминэ лежал только через 20-метровую вертикальную шахту, не очень сложную для прохождения и весьма живописную, благодаря естественному освещению, позволяющему в деталях рассмотреть стены, отмоделированные вертикальными бороздами и покрытые зеленоватой бархатной шубой мха.

Сразу же из входного колодца крутая каменистая осыпь приводит в обширный Главный зал, левая стена которого представляет собой сплошной покровный натек от пола до потолка. Прямо – горизонтальный ход, дно которого завалено обломочным материалом, а окончание забито глиняной пробкой, как это наблюдается во многих пещерах на Караби. А вот правее этого хода внимание привлекает отверстие в массивной известняковой стене зала. Улиткообразный ход на уровне чуть

ниже среднего человеческого роста уходит вглубь скалы. В его начальную часть можно просунуть голову, вытянутую вперед руку и плечи. Дальше идет сужение и резкое закругление, не позволяющее просмотреть возможное продолжение. Но о том, что такое продолжение существует, недвусмысленно свидетельствует ощутимая тяга воздуха. К сожалению, без предварительного расширения проникнуть в отверстие невозможно... Наличие неразведанных участков пещеры угадывалось также в нервном поведении стрелки индикатора ПИНПа во время сеансов измерения радиополя, хотя точного адреса возмущающих объектов мне установить не удалось.

Тут же рядом, около стены, несостоявшихся первопроходцев поджидала печальная иллюстрация финала, который может ожидать незадачливого (или невольного) посетителя пещеры, так и не сумевшего выбраться из каменного мешка, в который попал по неосторожности. В натечный пол пещеры врос хорошо сохранившийся скелет крупного млекопитающего – лисицы или шакала, провалившегося в естественную ловушку, или занесенного туда паводковым потоком. Скелет древний, обросший натечной коркой. Можно было предположить, что зверек, упав в колодец, тщетно искал выход, но, обессилив, навечно уснул на неудобном каменном ложе. Можно, если бы не одно обстоятельство. У хорошо сохранившегося скелета не хватало одной существенной детали – черепа. Скорее всего, труп зверька попал сюда уже без головы.

Так или иначе, но после первого посещения КЭ-23 в моей голове накрепко засели эти две детали: многообещающая дырка в стене и предостерегающий скелет без головы. Увлеченные поисками продолжения пещеры, участники экспедиции, подобно собакам-ищейкам, идущим по следу, все внимание сосредоточили на полу и на нижнем уровне стен. И напрасно... Искать продолжение надо было на уровне потолка!

Что и удалось одному из спелеологов, который в 1974 году, осветив мощным фонарем натечную стену в начале Главного зала, обратил внимание на довольно странную конфигурацию тени на потолке пещеры. Похоже, что стенка не достаёт до потолка пещеры, и там имеется горизонтальная щель!

Поднявшийся к потолку скалолаз обнаружил, что действительно, натечная стенка служила лишь своеобразной декоративной ширмой, за которой скрывалась целая анфилада залов, переходов, озер и самых немыслимых натечных образований.

Один из открытых в 1974-м году залов был назван по советской традиции в честь Венгерского города-побратима Симферополя «Кечкемет». Это один из самых больших залов в образовавшейся пещерной системе. В длину «Кечкемет» около ста метров, его великолепное обрамление создают разнообразные кальцитовые натёки. В центре зала красуется пятиметровый белый сталагмит – «Хозяин пещеры». Пол зала украшен причудливыми натёками, напоминающими гигантских медуз молочного цвета, Великолепие зала подчеркивает розовый свод, придающий особый колорит этой части пещеры.

Когда в 1982 году мне вновь пришлось побывать в Эминэ вместе с группой участников III Всесоюзного совещания-семинара по спелеологии и глубинному карсту, я глубоко пожалел, что 18 лет тому назад не прислушался к внутреннему голосу, который настойчиво подсказывал, что разгадка тайны Эминэ находится совсем рядом... Ничего не подлаешь, пришлось продвигаться по маршруту, открытому более удачливыми коллегами. Но тогда пещера еще не была оборудована, так что добираться до ее красот пришлось обычным путем первопроходцев, испытывая те же трудности, вплоть до неожиданного купания в подземном озере, избежать которого не удалось никому из нашей группы (благо, что со мной не было в этот раз ни геофизического прибора, ни дорогостоящей фотоаппаратуры).

Сейчас, судя по материалам Интернета, путешествие по этому маршруту на представляет никаких трудностей. Вместо головоломных подъемов и спусков – удобный пешеходный тоннель, наиболее интересные уголки подсвечены прожекторами, купание в озере полностью исключается. За два часа, отведенные на цивилизованное ознакомление с пещерой, можно получить такую массу впечатлений, что хватит на целый год переживаний. Да еще кучу цветных фотографий впридачу!

Но туристам открыты далеко не все достопримечательности пещеры.

В 1981 году во время работы международной экспедиции крымских и чешских спелеологов был вскрыт небольшой проход. За неприметным окном открылась дорога в нижние горизонты пещеры – хрупкий мир каменных цветов, кристаллов арагонита, прозрачных озер, покрытых ажурной известняковой коркой, напоминающей вологодские кружева и многое, многое другое, от чего захватывало дух даже у выдавших виды профессиональных пещерников. В этой естественной экспозиции разместилась уникальная коллекция минеральных форм, не имеющая аналогов ни по количеству, ни по разнообразию. Экспедиция выполни-

ла топографическую съемку и нанесла на план новый участок пещеры, который было решено сделать заповедным. После окончания работ входное отверстие замуровали.

Но и это не все тайны, которые хранила пещера Эминэ-Баир-Хосар до нынешних времен. Как фокусник из шляпы, извлекает она одну сенсацию за другой.

Почти через два века пророчески звучат слова российского географа и историка Петра Ивановича Кеппена о пещерах Крыма: «...пещеры крымские вообще не исследованы. Может быть, и в сей отечественной стране, во мраке неизвестных еще подземелий кроются редкости, достопримечательные не менее тех, которые находят в пещерах чужестранных...»

Совсем недавно в пещере при раскопке завала одного из ходов в главном зале, нашли настоящий клад – множество костей доисторических животных. Палеонтологи определили мамонтов, шерстистых носорогов, диких лошадей, зубров – всего свыше 20 видов животных. Некоторые из них падали в колодец, как в естественную ловушку, кого-то загоняли сюда доисторические охотники.

Уникальная находка почти целого скелета мамонта в пещере является пока что единственной в своем роде. Можно надеяться, что в будущем целенаправленные поиски приведут к не менее важным палеонтологическим открытиям. Но костный материал надо не только найти. Гораздо важнее сохранить его от естественного разрушения. Ведь при резкой смене микроклиматических условий кости, вынутые из пещеры, очень быстро разрушаются, так что проблема консервации останков должна решаться немедленно.

Абсолютная датировка времени гибели мамонта пока отсутствует, однако, по аналогии можно считать, что это время соответствовало мустьерской эпохе палеолита. В археологических стоянках неандертальцев того времени в Крыму культурный слой изобилует костями мамонтов, и это неопровержимо свидетельствует, что мамонт играл существенную роль в пищевом рационе аборигенов.

Но если найденный в пещере допотопный гигант не пал жертвой трагической случайности, заблудившись в тумане и угодив в воронку, а был целенаправленно добыт первобытными охотниками, как источник пищи, возникают труднообъяснимые моменты. При раскопках завала были обнаружены практически все кости скелета, вплоть до фаланг пальцев ног, за исключением лопаток и черепа... Трудно представить, что огромный череп, снабженный парой двухметровых бивней мог

бесследно затеряться на коротком отрезке пути перемещения туши от входного колодца до места его находки.

Есть два варианта реконструкции обстоятельств гибели гиганта: либо голова и лопатки были отсечены на поверхности, а туша сброшена вниз, либо первобытные охотники были к тому же и неплохими спелеологами, обладавшими техническими средствами для спуска в пещеру и транспортировки фрагментов туши на поверхность. Хотя, как принято говорить в сомнительных случаях – возможны и другие варианты...

Так или иначе, изучение костных останков мамонта из пещеры Эминэ-Баир-Хосар и обстоятельств его гибели, позволят реконструировать природную обстановку того времени: мамонт явился материальным свидетелем, своеобразным памятником геологического прошлого Крыма.

Прошло почти полвека с момента моего первого знакомства с пещерой Эминэ-Баир-Хосар. За это время мечта превратилась в реальность и воплотилась в двух ипостасях: как туристический объект высокого класса и как абсолютно заповедный уголок первозданной природы – естественный минералогический музей.

Нижний Баир – одна из самых строго охраняемых пещер Крыма. Это бесценное сокровище. Создавшие его процессы, продолжавшиеся миллионы лет, до конца не изучены. Для этого нужна специальная комплексная программа, предусматривающая создание подземного стационара, позволяющего вести многолетние наблюдения, а к этому крымские ученые пока не готовы...

Для того, чтобы нарушить микроклимат и уничтожить убранство пещеры нужно всего несколько лет. Поэтому сегодня доступ туда закрыт, и с ним до поры до времени скрыта волшебная красота пещеры, чтобы сохранить ее для следующих поколений.

Пытаясь подытожить впечатления от своих личных посещений Эминэ-Баир-Хосар и того обширного материала, что имеется в печати и в Интернете, я вспомнил поэтическое высказывание Михаила Пиотровского: – «Цветущий сад и склеп печальный, весенние цветы и прах...», которое вполне применимо к этапам развития пещерной системы Эминэ-Баир-Хосар в свете идей Дэвиса о геологических (географических) циклах развития карстового рельефа в целом.

В. М. Дэвис (1850 – 1934), несомненно, оказал наибольшее влияние на развитие геоморфологии. Хотя его идеи неоднократно подвергались критике и причислялись к багажу более широкой физической

географии, развитие этой дисциплины осуществлялось бы гораздо медленнее, если бы он не написал более 500 статей и книг. Геоморфология Дэвиса была сфокусирована на изучении нормального цикла эрозии, при этом открывалась возможность привести любой участок поверхности в соответствие со стадией, достигнутой в эрозионном цикле, то есть выяснить, является ли он юным, зрелым или дряхлым (по возрасту). Дополнительно им предлагалась триада понятий для характеристики рельефа в отношении структуры, процесса и стадии (в эрозионном цикле).

Следуя этим идеям, можно считать, что нижний ярус периодически затопляемый подземными водами, если уже и относится к стадии юности, то еще не вышел из стадии зрелого возраста, когда образование натечных и кристаллических форм еще возможно и вполне подпадает под определение «цветущий сад» и уж во всяком случае не напоминает печальный склеп.

Образование сложной пятиярусной системы Эминэ-Баир-Хосар можно рассматривать также исходя из принципа Кюри.

Симметрия – состояние пространства, характерное для среды, где происходит данное явление:

Состояние и строение среды.

Движение изучаемого тела относительно формирующей его среды или движение среды относительно данного тела.

Воздействие на тело других физических факторов.

Симметрия пропадающей среды как бы накладывается на симметрию тела образующегося в этой среде. Получающаяся в результате форма тела сохраняет только те элементы своей собственной симметрии, которые совпадают с наложенными на него элементами симметрии среды. (Пьер Кюри, «О симметрии физических явлений; симметрия электрического и магнитного поля», 1984 г.)

«Ход конем».

Размышления по поводу находки кристалла исландского шпата (Крым, Чатыр-Даг, 1964 год)

Знаменитая шахта «Ход конем», которая, по мысли первопродкопцев, должна была вывести в систему Бездонного колодца, оказалась сложной для прохождения и невыразительной в смысле эстетики. Несколько часов безуспешных попыток разведать с помощью радиоволн место ее возможного соединения с Бездонной ни к чему не привели.

Единственной компенсацией за потраченное время и силы были несколько кристаллов исландского шпата, найденных уже на выходе, недалеко от поверхности земли. И, хотя это были далеко не идеальные оптические образцы, а мутноватые обломки, сильно поврежденные водой и покрытые глиняной коркой, даже в таком непрезентабельном виде они казались достойными сувенирами от щедрот Чатыр-Дага.

Вот какие мысли навеяла находка кристаллов.

Сверкающий кристалл исландского шпата тяжело оттягивает мою ладонь. Я пристально вглядываюсь в переплетение граней, углов и линий, и постепенно оживают воспоминания, связанные с его находкой.

Он уколоч мои глаза холодным блеском граней под лучом фонаря впервые с момента творения.

Теперь он лежит на моем письменном столе, и на нем сохранилась корочка пещерной глины и бороздки, вытравленные водой.

Он извлечен из темной глубины подземелья, где всемогущая природа веками трудилась, шлифуя и доводя до совершенства его грани, превращая его в сгусток энергии, способной проявиться только на свету, но изначально предназначенный только вечной тьме.

Я достал его, рискуя жизнью. Моя жизнь тоже дана природой.

Я доверил ее веревке и узлу, ненадежным ступеням лестницы, шатким камням и твердой дружеской руке. Между мною и страхующим возникла незримая, но прочная связь, которой можно было доверить свою жизнь без опаски.

Но зачем я вторгся в эту удивительную мастерскую?

Что побудило меня рисковать жизнью? Ведь не ради крохотно кусочка кальцита, который так и лежал бы вечно в кладовой природы...

По мере того, как я вглядывался в штрихи и борозды, вытравленные водой на гранях кристалла, пытаюсь разгадать их таинственный смысл, мои мысли приобрели какую-то стройность и законченность, словно были поляризованы внутренним энергетическим полем минерала:

*Цветок земных глубин, магический кристалл
Я вынес из пещеры утром ранним.
Он на моей ладони заблестал
Неброской красотой лучистых граней.
Водой рожден в непостижимой мгле,
Шлифован, доведен до совершенства.
А ныне – здесь, на письменном столе –
Источник вдохновенья и блаженства.
Насыщен энергетикой крутой,*

*Рисунок он хранит неповторимый
Глубокие штрихи, промытые водой,
И корочки цветной пещерной глины.
Он изначально тайну разгадать,
Хранимую веками, предназначен,
И в час урочный в гранях передать
Подземный мир, задуманный иначе.*

Крым, август, 1964 год – Москва, август, 2010 год.

Вот тогда-то я впервые попытался, хотя бы в общих чертах, представить себе картину образования столь бесконечных и фантастических кристаллических и натечных форм, которые обязаны своим происхождением пещерам.

А по каким законам?

*Глянем поглубже в расселины скал:
Тихо в кристаллах растет минерал...*

И. В. Гете

Начинается история, как всегда, с Михаила Ломоносова: «Капля верхняя подобна всем ледяным сосулькам. Висит на сводах штольни натуральных. Сквозь сосульки, коих иногда много разной длины и толщины вместе срослись проходят сверху вертикальные скважины разной ширины, из коих горная вода каплет, долготу их наращивает и производит каплю нижнюю, которая растет от падающих капель из верхних сосулук. Цвет капли, а особливо верхней, бывает по большей части, как и накипи, белой, сероватой; иногда, как хорошая ярь, зеленой, или совсем вохряный». (М.В. Ломоносов. О слоях земных. М. Изд-во АН СССР, 1949, стр. 43.)

Пещеры – природные физико-химические лаборатории, в которые человеку во время самых интересных экспериментов вход закрыт, а о размахе происходящих процессов можно судить только по оставшимся следам.

Для карстового процесса характерно то, что вещества, получившиеся от растворения пород, преимущественно известковистых, отлагаются уже в другом месте. Но, помимо этих первичных отложений, связанных с самим образованием пещер, гораздо более широкое распространение имеют осадки позднего времени.

Выдающийся советский геохимик – академик Александр Евгеньевич Ферсман различает два типа отложений, образующихся одно-

временно с возникновением и развитием самого карста: химических – в результате переработки растворами известняков, гипсов, каменной соли и т.д., и физических – накопление на дне самих пещер нерастворимых остатков этих пород.

Химические – натечные образования различного состава (известковый шпат, барит, целестин, сульфиды, гипс, лед, исландский шпат, зонально окрашенные мраморные ониксы).

Нерастворимый осадок в виде глинистых продуктов кремнезема, трудно мигрирующие химические вещества (окислы алюминия, железа, ванадия). Терра росса (красная земля) – богата глиноземом и окислами алюминия.

В процессе дальнейшего заполнения ранее образовавшихся пустот можно выделить четыре этапа:

Заполнение химическими отходами и механическим продуктами, поступающими с дневной поверхности.

Формирование образования, возникающие под действием живых организмов.

Заполнение пустот снизу осадками глубинных вод.

Полное замещение стенок карстовых полостей рудными растворами, проникающими сверху.

Разнообразие минералогических форм при этом не поддается описанию и своеобразно в каждой пещере, хотя среди этого многообразия можно выделить основные типы и формы натечных и кристаллических образований.

Минералообразование в пещерах идет почти всегда при постоянных условиях. Кристаллизуется, как правило, один минерал – кальцит – и механизм кристаллизации не изменяется. Тем не менее, разнообразие форм кристаллизации кальцита ни с чем не сравнимо в мире неживой природы. Это объясняется изменениями концентрации (пересыщения) питающего раствора – бикарбоната кальция, способов его перемещения и скоростью распада. Чем выше концентрация образующегося углекислого газа в воздухе, тем больше растворяется известняка и тем менее вероятна кристаллизация (и наоборот), чем выше концентрация бикарбоната кальция в пещерной воде и чем меньше углекислоты в воздухе пещеры, тем быстрее идет кристаллизация.

При медленной кристаллизации из растворов со слабым пересыщением вырастают крупные и совершенные кристаллы.

Последовательность выделения разнообразных форм кальцита (в сторону понижения пересыщения и скорости кристаллизации):

«Мондмилх» (лунное молоко) – суспензия частиц кальцита в воде.

Рыхлые, очень пористые агрегаты, скелетные кристаллы, состоящие из тончайших веточек – кристаллов; на самом деле, ветвистый скелет состоит из многочисленных отростков, представляет собой один монокристалл с развитыми ребрами, но не развитыми гранями (одна из разновидностей известкового туфа).

При перекристаллизации веточки разрушаются и возникает мелкозернистый агрегат обычного известкового туфа.

Грубые ветвистые кристаллы и их сростки, встречающиеся в пещерных озерах и лужах;

Округлые кривогранные кристаллы из пещерных водоемов – характерные образования карстовых ландшафтов, развивающиеся в течение миллионов лет.

За это время в пещерах может смениться несколько сходных карстовых циклов, совпадающих с климато-географическими циклами на дневной поверхности.

Каждому циклу соответствует следующая периодичность:

– Растворение стенок пещеры с обвалами и обильным притоком карстовых вод при отсутствии явной кристаллизации.

– Уменьшение обвалов, интенсивного растворения, струйный характер водопритоков с развитием коровых покровов, массивных сталактитов и сталагмитов, плотин, гуров (водоемов), пизолитов (пещерного жемчуга).

– Дальнейшее уменьшение водопритоков, но сохранение характера движения, развитие тонких натечных форм, «макаронов», геликтитов. Все наросты этого периода выполнены из кальцита.

– Резкое сокращение водопритоков, исчезновение струй и потоков, перенос влаги за счет поверхностного воздуха, конденсация воды на стенках, пленочная влага, образование за счет диффузии причудливых форм кораллитов и кристаллитов.

– Полное исчезновение воды, понижение влажности, высыхание, образование за счет испарения тонких гипсовых игл или цветочных антолитов.

Известны пещеры, перенесшие до шести циклов, возраст которых составляет до 20 миллионов лет. (А.Г. Жабин Жизнь минералов. Изд-во «Советская Россия», М. 1976.).

В 1982 году по приглашению Академии наук СССР Крым посетил президент Международного союза спелеологов Альфредо Ромеро Эразо. В одной из своих работ Эразо отметил, что существует динамическое подобие процессов спелеогенеза, проявляющееся в том, что

разные процессы (движение воды, воздуха и др.), сохраняют пропорциональность сил и градиентов, независимо от их абсолютной величины. А это открывает возможности моделирования медленно протекающих природных процессов в лабораторных условиях

Ленинградский минералог Шафрановский также обратил внимание на то, что процесс природной кристаллизации кальцита схож с технологией выращивания искусственных рубинов. Известковые капельники – сталагмиты – растут на дне пещер примерно так же, как кристаллы рубина в печах. Сверху падают капли, насыщенные углекислым кальцием, а снизу – навстречу им – со дна пещеры вырастают стоячие сосульки. Соединяясь с сосульками, свисающими с потолка, – сталактитами, они образуют в конце концов мощные колонны. И форма и симметрия этих природных архитектурных сооружений снова и снова приводит нас все к тому же универсальному принципу симметрии Кюри.

(И. М. Шафрановский «Симметрия в природе» – 2-е издание переработанное. – Л.: Недра, 1985. – 168 с, ил).

Сравнивая плоды человеческой фантазии результатами осмысления реальных творений природы, поэт и философ Фредерик Гарсия Лорка писал:

«Для меня воображение – синоним особенности к открытиям. Воображать – открывать, вносить частицу собственного света в живую тьму, где обитают разнообразные возможности, форм и величины.

Человеческая фантазия придумала великанов, чтобы приписать им создание гигантских пещер или заколдованных городов. Действительность показала, что эти гигантские пещеры созданы каплей воды. Чистой каплей воды, терпеливой и вечной. В этом случае, как и во многих других, выигрывает действительность. Насколько прекраснее инстинкт водяной капельки, чем руки великана. Реальная правота поэтичности превосходит вымысел, или, иначе говоря, вымысел сам обнаруживает свою нищету. Воображение следовало логике, приписывая великанам то, что казалось созданным руками великанов, но научная реальность, стоящая на пределе поэзии и вне пределов логики, прозрачной каплей бессмертной воды утвердила свою правду.

Ведь неизмеримо прекраснее, что пещеры – таинственная фантазия воды, подвластной вечным законам, а не каприз великанов, порожденных единственно лишь необходимостью объяснить необъяснимое.

Воображение бедно, а воображение поэтическое – в особенности.

Видимая действительность неизмеримо богаче, неизмеримо поэтичнее, чем его открытия...».

И вот осязаемый результат этого творческого процесса:

«...Пройдя сквозь субтропический сад с померанцевыми деревьями и смоковницами, странными, невиданными цветами, мы почувствовали сырую теплоту застоявшегося воздуха и очутились перед естественной каменной стеной необыкновенной высоты. Можно было подумать, что этот навсегда окаменевший гладкий серый водопад, неподвижно свергающийся откуда-то с высот безоблачного сицилийского неба.

В стене сверху донизу темнела трещина, глубокая щель, естественный вход в пещеру – даже может быть, сказочную, – оттуда тянуло подземным холодом. Пол этого таинственного коридора, уводящего во мрак, был покрыт тонким неподвижным слоем бирюзовой воды, из которой росли какие-то странные, я бы сказал малокровные, растения декадентских изысканных форм, неестественно бледного болотно-бирюзового цвета. Цветы мифического подземного царства, откуда нет возврата...

Этой картине должна была сопутствовать какая-то неземная, печальная музыка и какие-то слова, выпавшие из памяти».

Валентин Катаев. «Алмазный мой венец»

В литературе разных эпох таких поэтических картин, посвященных реальным творениям природы, несть числа:

*Есть горная пещера, что ведет
В большие залы, где вода, стена,
Капелью с потолка и застывая,
Колонны алебаstra создает.
Мой ум – пещера, а глаза – проход
Туда, где грусть, как морось дождевая,
Но здравый смысл ей твердость придает,
Отчаянием влагу охлаждая.
Вот истина, как алебастр чиста.
С ней не считается – блажь и слепота.*

Филип Сидни, 1574?

Вероятно, речь идет о действительно существующей сталактитовой пещере под названием Плуоз-Хоух. Она находится недалеко от Блэкстоуна, куда граф Лестер часто ездил на воды. Возможно, Сидни слышал от него о пещере, или, сопровождая дядю, видел ее сам.

А это уже XX век:

*Там где выступ холодный и серый
Водопадом свергается вниз,
Я кричу у безмолвной пещеры:
Дионис, Дионис, Дионис!
Утомясь после долгой охоты,
Запылив свой пурпурный наряд,
Ты ушел в бирюзовые гроты
Выжимать золотой виноград.*

(Гумилев?) «Грот Диониса»

А вот как себе представляют поэты процесс кристаллизации без химических формул и термодинамических уравнений:

*Словно волшебный скульптор,
Светлые грани кристаллов
Лепит бесцветный раствор.*

А. Н. Морозов

*И спор с судьбой решает тишина,
И плохо дело, если лишь она
Стихами, будто приговором,
Заваливает стол.
А на оконной раме
Улыбку солнца вывихнув, блестит,
Как лазера кристалл, бемоли сталактит.*

Эдуардас Межейтис, «Кристалл»

*...Пока живешь, ты ставишь цели,
И славил риск, и ходишь в бой,
А здесь, в кристаллах подземелий,
Смеется вечность над тобой...*

Георгий Трифонов

5. В МИРЕ КАМНЯ И ЛЬДА

Экспедиция «Кунгур-1964»

*Кунгур... За эти две недели
Прошел событий длинный ряд.
Все руки-ноги уцелели,
Чему Баулин очень рад!*

Студенческий фольклор, 1964

Экспедиция в Кунгур началась 26 января 1964 года.

Участники экспедиции – студенты-геофизики 3-го курса геологического факультета МГУ. Официально это мероприятие носило название «Зимняя студенческая практика». В те годы на факультете существовала приятная и полезная традиция: после окончания зимней сессии студенты отправлялись в какой-нибудь заранее выбранный географический пункт страны, где можно было не только отдохнуть, но и провести научные исследования. При этом часть экспедиционных расходов оплачивал факультет, что было немаловажно в те нелегкие годы.

У геофизиков таким традиционным пунктом был небольшой уральский городок Кунгур, расположенный вблизи границы континентов Европа – Азия.

Кроме своего исключительного географического положения Кунгур обладал еще одной достопримечательностью, которая делала его привлекательным для геофизиков: на его окраине находится знаменитая Кунгурская ледяная пещера, а при ней – стационар Академии наук, где много лет ведутся планомерные исследования этого природного феномена. Вот тут-то для геофизиков и открываются заманчивые возможности испробовать свои методы в необычных условиях подземелья.

Экспедиция 1964 года была второй, и, насколько мне известно, последней в истории зимних студенческих каникул...

Научную программу практики обеспечивали доцент Анатолий Дмитриевич Фролов и младший научный сотрудник Александр Степанович Алешин.

На мою долю выпали организационно-финансовые заботы и обеспечение безопасности участников экспедиции. К тому времени я уже обладал некоторым опытом пещерных экспедиций в Крыму, да к тому же был участником первой Всесоюзной школы-семинара инструкторов спелеотуризма в 1963 году на Караби.

Ехали мы на поезде, в общем вагоне, но неудобств не испытывали, ибо были молоды и жаждали необыкновенных приключений.

В Перми к нашей группе присоединился научный руководитель Фролов, который вылетел из Москвы на день раньше, успел побывать в Пермском университете и получить у местных геофизиков самые последние материалы по исследованиям в пещере. Благо, что заведующим кафедрой геофизики ПГУ был его однокурсник – профессор Борис Константинович Матвеев – энтузиаст пещерной геофизики и большой знаток Кунгурской пещеры. (В прошлом году геологический факультет ПГУ торжественно отметил его 85-летие!).

Итак, мы с радостью воссоединились со своим коллегой, и провезли его до Кунгура «зайцем». Теперь нас – полная дюжина!

В Кунгур прибыли поздним вечером. На перроне кроме одинокого дежурного по станции – ни единой души. Ни встречающих, ни провожающих.

Я вышел на привокзальную площадь – и здесь пустота! Где-то в стороне пакгаузов сиротливо притулилась одинокая машина, крытая брезентом. Шофер и экспедитор заметно «на взводе», но альтернативы нет... За бутылку готовы везти нас не только в пещеру, но и на самый край света. (Знали бы они, что бухта под названием «Край света» находится аж на восточном побережье острова Шикотан, одной бутылкой нам бы не откупиться!).

Грузимся в машину, и только теперь выясняется, что наше средство передвижения – не что иное, как катафалк! Хочешь не хочешь, пришлось уподобиться персонажам кинофильма «Веселые ребята», спешившим на концерт в Большой театр, но до пещеры мы добрались благополучно. Вернее, до берега реки с опереточным именем, трансформированным на уральский манер – Сылва – через которую надо было переправляться на пароме.

На следующее утро состоялось представление местному начальству. Наше посещение стационара и научная программа были заранее согласованы и одобрены, поэтому встретили нас весьма приветливо, а после более детального знакомства с нашим аппаратурным хозяйством и теоретической подготовкой серьезность наших намерений стала очевидной, что подтвердилось уже в первые дни пребывания на кунгурской земле (вернее – в недрах земли кунгурской). Поэтому нам была предоставлена полная свобода передвижения по пещере, выбор объектов наблюдений, возможность пользования библиотекой, фотолабораторией, геологическими и топографическими материалами.

Надо сказать, что собираясь в Кунгур, многие участники нашей группы рассчитывали не только на ежедневную работу под землей, но и на лыжные прогулки и культурно-познавательную программу.

Поэтому лыжи захватили все. Но работа в пещере настолько «захватила» всех, без исключения, что бедные лыжи так и остались невостребованными... Кроме того мы предполагали детально обследовать наиболее перспективные продолжения пещеры, если такая возможность нам представится.

На время работ нашим проводником, консультантом и ангелом-хранителем стал сотрудник стационара Евгений Павлович Дорофеев, человек, с первых же минут общения вызывавший симпатию, деликатный, чуть-чуть застенчивый, с удивительно доброй улыбкой. В то же время он обладал энциклопедическими знаниями в область карстоведения, а Кунгурскую пещеру изучил не просто досканально, она была неотъемлемой частью его жизни, и он был предан ей до конца своих дней...

Несколько лет Евгений Павлович посвятил детальной инструментальной топосъемке пещеры. К началу нашей экспедиции он закончил составление плана Кунгурской пещеры в масштабе 1:500, воспользоваться которым нам была предоставлена возможность.

Евгений Павлович провел нас по всем удаленным уголкам пещеры, показал найденные им продолжения и помог проникнуть в некоторые из них. Ему принадлежат десятки научных статей, несколько альбомов-путеводителей по пещере, иллюстрированных прекрасными цветными фотографиями. Наше общение не закончилось только днями экспедиции. Много лет мы вели с ним регулярную переписку, обменивались публикациями и фотографиями. Вот таким обаятельным и открытым он остался на снимках того времени...

На первое свидание

Первое свидание с Кунгурской Ледяной красавицей принесло некоторое разочарование. Ледяное убранство оказалось далеко не таким пышным, как это выглядело на рекламных проспектах, а цветная подсветка казалась слишком нарочитой и не вполне естественной. Тому было две причины: во-первых, искусственный входной тоннель, пробитый рядом со старым входом в пещеру, нарушил температурно-влажностный баланс ее привходовой части, что оказало пагубное влияние на процесс образования ледяных кристаллов; во – вторых, январь – не самое благоприятное время для посещения, поскольку процесс выхолаживания пещеры и максимальное нарастание объема кристаллической массы и натечных форм приходится на конец февраля – начало марта. Что же касается подсветки – это дело легко поправимое. Пока что пришлось довольствоваться тем, что было. Но такие мелочи нас не

могли расстроить, поскольку мы горели желанием немедленно приступить к реализации нашей программы.

Надо сказать, что микроклиматические условия пещеры значительно улучшились после того, как в 70-е годы был пробит тоннель, соединяющий заозерную часть пещеры с поверхностью земли.

Подробное описание гротов экскурсионной части пещеры имеется в любом проспекте-путеводителе. За более чем сорокалетний период с момента первого посещения Кунгурской пещеры таких проспектов было выпущено не менее десятка. Автором большинства из них был Евгений Дорофеев. Шесть таких проспектов (с 1964 по 1978 год) с дарственной подписью автора хранятся в моем архиве.

Какая ты, Кунгурская Ледяная?

Кунгурская Ледяная пещера является старейшей в мире экскурсионной пещерой с многолетним оледенением. Здесь расположен также стационар научно-исследовательской лаборатории Горного института УрО РАН.

В 2001 г. согласно Федеральному закону «Об особо охраняемых территориях» и Закону Пермской области «Об историкокультурно-природном наследии» памятники природы «Ледяная гора» и «Кунгурская Ледяная пещера» вошли в состав историко-природного комплекса «Ледяная гора и Кунгурская Ледяная пещера».

Пещера заложена в толще карбонатно-сульфатных пород, включающей ангидриты, гипсы, гипсоангидриты, доломиты, известняки, и представляет собой сложную лабиринтовую систему. Протяженность разведанной части составляет около 5,7 км, амплитуда 32 м, площадь 65,0 тыс. м², объем около 200 тыс. м³. Пещера является одной из самых крупных по протяженности среди гипсовых пещер России и самой крупной по объему.

Особенность морфологии Кунгурской пещеры – преобладание крупных гротов, возникающих в узлах пересечения галерей. Удаленные части галерей перекрыты завалами. Геофизические исследования выявили их неразведанные продолжения.

Пещера состоит из одного этажа, располагающегося на отметках, близких к уровням воды в р. Сылве.

Условия формирования пещеры определяют ее специфическую обводненность: в пещере имеется около 70 подземных озер разных размеров, различающихся условиями питания и режимом. Их количество изменяется в зависимости от сезонов года. Самое крупное в экскурси-

онной части пещеры Большое подземное озеро в гроте Дружбы Народов имеет площадь 1460 м². Его глубина достигает 5 м.

В пещере отмечена характерная для вентилируемых пещер система печной тяги воздуха, которая определяет ее климатические особенности. Уникальность микроклимата пещеры заключается в наличии полного набора микроклиматических зон: зоны круглогодичных отрицательных температур с существенными колебаниями значений (здесь постоянно сохраняется лед), зоны постоянных положительных температур, соответствующих температуре карстового массива, и зоны положительных температур с большими колебаниями значений. Именно особенности тяги воздуха в полости определили наличие зоны отрицательных температур в ее привходовой части. При этом следует подчеркнуть, что окружающая пещеру территория находится вне зоны развития многолетней мерзлоты. Наличие этой зоны определило многообразие форм льда, являющихся главной достопримечательностью пещеры. В местах капли со сводов вода уже не просачивается в грунт, а замерзает, образуя сталагмиты, которые в благоприятных условиях достигают высоты 2 м. Позднее, когда температура у сводов также опустится ниже 0°C, начнется рост сталактитов. В гроте Крестовый в марте 2003 г. были отмечены сталактиты длиной 3,5 м. Срастаясь, сталактиты и сталагмиты образуют сталагнаты. Когда породы в своде промерзнут, поступление воды прекращается. Начинается испарение ледяных натеков, меняющее их форму и размеры.

Формы сталактитов менее разнообразны: на горизонтальных сводах и выступах образуются конусовидные сосульки, на наклонных – плоские сталактиты, флаги, гирлянды, занавеси.

Большим разнообразием отличаются формы ледяных кристаллов: листовидные, лотковые, пирамидальные, прямоугольные, игольчатые, а также сложные формы (сростки).

Не менее поразительны вид и разнообразие кристаллических форм гипсовых отложений в пещере: голубоватый и серый гипс и ангидрит, в отдельных кусках которого заключаются кристаллы прозрачного гипса. В стенах многих гротов можно видеть тонкие голубовато-белые ленты селенита.

В 1972 году в заозерной части пещеры был пробит тоннель, соединяющий грот Вышка I с дневной поверхностью. Тоннель начинается в западной стене грота, сложенной монолитным ангидритом. Ход поднимается под незначительным углом вверх и через 109 метров выходит на поверхность в обрывистом склоне Ледяной горы. Поскольку наружное отверстие тоннеля расположено значительно выше уровня пола в

гроте, возникают благоприятные условия для аккумуляции подземного холода внутри пещеры. Создается своеобразная воздушная пробка, состоящая из более плотного и тяжелого холодного воздуха, блокирующая перемещение низкотемпературного воздушного потока наружу в летний сезон.

Как только тоннель был открыт (а это произошло в марте 1972 года), мощный поток холодного воздуха хлынул в недра Ледяной горы. Зимой 1973 года при открытой наружной двери тоннеля температура в гроте Вышка I опустилась до -28°C . Такой температурный режим способствовал ускоренному росту крупных кристаллов льда и образованию причудливых натечных форм, не уступающих по красоте и разнообразию ледяному убранству Бриллиантового грота в прошлые годы, известному по старинным рисункам.

На склоне Ледяной горы в месте выхода тоннеля наружу оборудована просторная смотровая площадка, огороженная перилами. Для подъема на площадку устроена металлическая лестница.

Подобная же схема «закачки» холодного воздуха реализуется в подземелье Игарской мерзлотной станции, с той лишь разницей, что Игарка расположена в зоне высокотемпературной многолетней мерзлоты. Среднегодовая температура в верхнем этаже игарского подземелья составляет $-2,2^{\circ}\text{C}$, в нижнем – $-0,6^{\circ}\text{C}$. Запасенного холода хватает на целый сезон.

Геофизический комплекс

По своей изученности и географическому положению Кунгурская пещера является превосходным естественным полигоном для опробования различных геофизических методов. За последние 50 лет здесь выполнены наземные и подземные наблюдения методами электрического зондирования и профилирования, сейсморазведки, гравиразведки, естественного электрического поля, радиоволнового просвечивания и подземной регистрации космического излучения.

Наша научная программа предусматривала проведение радиопросвечивания методом «РадиоКИП» с новой модификацией прибора ПИНП-2, подземную регистрацию космических излучений с прибором ПРКИ и сейсмическое профилирование и прозвучивание горных пород с помощью одноканальной сейсмической установки ОСУ-1, разработанной на кафедре геофизики МГУ (один из разработчиков – А.С. Алешин).

По данным наземной площадной съемки методами вертикального электрического зондирования и профилирования, выполненной на по-

верхности Ледяной горы специалистами ПГУ были построены карты, разрезы и блок-диаграммы кажущихся сопротивлений, показывающих пространственное положение закарстованных зон в массиве. Они отмечаются аномалиями высоких электрических сопротивлений.

Составленная нами сводная геолого-геофизическая схема участка Ледяной горы над Кунгурской пещерой на новой топооснове позволила уточнить положение выделенных ранее аномальных зон северо-восточного простираия: центральной и западной. Первая обусловлена влиянием разведанных полостей, вторая – пока еще неизвестной части пещеры. Это позволило целенаправленно сосредоточить внимание на перспективных участках пещеры.

Для определения мощности рыхлых обломочных отложений внутри пещеры были выполнены специальные сейсмические исследования методом преломленных волн в гроте «Дружба народов». Мощность рыхлых отложений составила около 8 м, что было позднее подтверждено результатами электроразведки.

Подземные измерения радиоволнового поля широкоэвещательных станций методом «РадиоКИП» показали сложную картину канализации электромагнитной энергии в разведанной части пещеры.

Впервые в Кунгурской пещере был опробован метод подземной регистрации космических излучений мюонов (ПРКИ), или геокосмический метод. Он основан на изучении жесткой (мю-мезонной или мюонной) компоненты космического излучения в горных выработках и скважинах. Мюоны составляют значительную долю (на уровне – моря около 70 %) космических лучей, образующихся при прохождении ядер первичного излучения в атмосфере. Мюоны характеризуются большой проникающей способностью. Однако из-за наличия даже слабого электромагнитного поглощения в веществе поток мюонов затухает с увеличением глубины. Затухание определяется в основном плотностью пород. Если мюоны могут распространяться в воде на глубины до 9 км, то в горных породах лишь до 3 – 4 км.

Для измерения потока мюонов в горных выработках используют геокосмические телескопы. Они представляют собой наборы кассет, в каждой из которых смонтировано до десяти газоразрядных счетчиков, что необходимо для повышения чувствительности и получения узкой диаграммы направленности прибора. С помощью специальной электронной схемы и самопишущего устройства в течение нескольких часов автоматически регистрируют поток мюонов. Телескопы ориентируют вертикально, чтобы изучить поток мюонов, идущих сверху.

После введения соответствующих поправок за рельеф земной поверхности, в каждой точке можно определить среднюю плотность пород между земной поверхностью и точкой наблюдения.

Основным параметром пород, получаемым в геокосмическом методе, является средняя плотность пород над выработкой. Изменение средней плотности толщи свидетельствует об изменении литологии, пористости, трещиноватости, закарстованности и обводненности пород.

Аппаратура метода ПРКИ была предоставлена в наше распоряжение разработчиками – геофизиками Московского геологоразведочного института. Метод ПРКИ позволил количественно оценить плотностные характеристики толщи карстующихся пород.

Результаты исследований 1964 года были доложены на ежегодной студенческой научной конференции МГУ и опубликованы в информационном бюллетене ВИНТИ за 1965 год.

Хранители Кунгурской Ледяной пещеры

Многие годы бессменным хранителем Кунгурской Ледяной пещеры был **Александр Трофимович Хлебников**.

В юношеские годы Хлебников побывал в Америке, посетил знаменитую Мамонтову пещеру, что привело его к мысли, по возвращении на родину, заняться благоустройством и изучением Кунгурской пещеры.

В 1914 году Александр Трофимович арендовал у местной крестьянской общины участок земли вместе с пещерой. Он издавал плакаты, альбомы с видами пещеры, и до последних лет жизни (до 1951 года)

участвовал в проведении и экскурсий. Его именем назван пещерный обитатель – слепой рачок кронгоникс Хлебникова, открытый им в Кунгурсеой пещере. Память Александра Трофимовича увековечена в названии одного из гротов – грота Хлебниковых, примыкающего Большому подземному озеру в гроте Дружбы народов.

Имя другого энтузиаста и хранителя Кунгурской пещеры – **Евгения Павловича Дорофеева** – уже упоминалось на страницах этой книги. Человек удивительной скромности в быту, он был неприхотлив и в своих повседневных пещерных заботах. Он не пользовался сложной аппаратурой и снаряжением, предпочитая простые и надежные средства – стеариновая свеча, ручной электрический фонарик, выдавший виды «ФЭД». Вместо ставшей непременно предметом экипировки спелеолога – шахтерской каски с налобным фонарем – обыкновенная шапка-ушанка. Но такой аскетизм ничуть не мешал ему свободно перемещаться в подземном пространстве Ледяной горы, постоянно пополняя свои знания о морфологии, гидрогеологии и минералогии пещеры. Его наследство составляют десятки научных работ, несколько фотоальбомов и множество разведанных продолжений Кунгурской пещеры. Остались страницы каменной летописи, расшифровке которой Евгений Павлович посвятил многие годы жизни.

Что скрывал «Рог изобилия»

Незадолго до нашего посещения пещеры Евгений Павлович разведал в дальней части пещеры, за гротом Близнецы, довольно узкий извилистый лаз в монолитных известняках, по конфигурации напоминающий рог, который вывел его в обвальную камеру. Пол камеры был усеян обломками прозрачных кристаллов гипса. Камера заканчивалась обвальным тупиком. В хаосе обломков лучом фонарика высвечивалась вертикальная щель, стенки которой были покрыты мерцающими кристаллами гипса. Ход получил название «Рог изобилия», но проникнуть за обвальный участок пока никто не решался...

Евгений Павлович показал нам этот ход, однако предупредил, что предыдущие попытки прохождения завала успеха не принесли.

После тщательного обследования преграды, я убедился, что разбирать завал нет необходимости. Можно было попытаться просто обойти его справа, переместив несколько крупных обломков породы между глинистым полом и монолитным сводом камеры. Надежда на

успех предприятия подогревалась осязательным током воздуха в этом направлении.

После недолгих колебаний решаюсь реализовать наш план. Пытаюсь расшатать первый крупный обломок. Немного усилий, и он поддается. Процесс отдаленно напоминает игру в своеобразные каменные бирюльки. Только цена проигрыша несоизмеримо выше. Осторожно вытаскиваю камень из завала и передвигаю назад, где его подхватывают страхующие, заталкивая под нависающий свод. Лиха беда – начало! Дальше пошло легче. Один за другим – несколько обломков убраны с дороги, но образовавшаяся щель еще слишком узка. Теперь пробую геологическим молотком расчистить мелкие обломки на полу. Медленно, но получается. Снимаю лишнюю одежду и каску, вжимаюсь в тесный лаз. Голова проходит свободно. Несколько судорожных движений – и я уже по другую сторону завала! Здесь можно свободно сидеть, а кое-где даже выпрямиться во весь рост. Кверху щель постепенно выклинивается. Но это все – потом, потом! А сначала от восхищения захватывает дух: стены и потолок сплошь покрыты огромными кристаллами прозрачного гипса (так называемое «Марьино стекло»), которые под лучами фонарей переливаются нежнейшими оттенками – от чисто белого и серого, до голубоватого и розоватого, создавая калейдоскопический эффект, от которого голова идет кругом. Некоторое время мы молча лежим на полу, уперев лучи фонарей в потолок и, что называется, балдем... Ради такого зрелища стоило потрудиться, разбирая завал и рискуя застрять по дороге! Подобного уголка в Кунгурской пещере еще встречалось. Наиболее крупные кристаллы достигают 20-30 см в длину, встречаются сростки – двойники в виде «ласточкина хвоста». Почти все кристаллы сильно деформированы и носят следы водной коррозии. Весь пол усыпан обломками. Идет интенсивный процесс разрушения кристаллического убранства.

Вдоволь налюбовавшись, приступаем к осмотру и измерению нашей находки. Длина щели – метров 20, высота – 5-6. Заканчивается щель новым завалом, гораздо более солидным, чем пройденный. К сожалению, пробиться дальше мы даже не пытались: заканчивался предпоследний день нашей экспедиции, а неоконченных дел – уйма! Отобрав образцы кристаллов, прощаемся с этим удивительным творением природы и спешим на выход.

А вечером были «крестины». По первому впечатлению решили назвать найденный ход «Хрустальным».

Евгений Павлович Дорофеев тут же нанес вновь открытый ход на свой топографический план. Одновременно окрестили и открытый ра-

нее небольшой гротик, расположенный рядом с гротом Метеорным: «грот МГУ».

Оба эти названия закреплены официально и нанесены на план Кунгурской Ледяной пещеры. Достойное завершение нашей эпопеи!

Ледяной Горы Хозяйка.

Каждая сколь-нибудь значительная пещера, имеющая многолетнюю историю, обрастает шлейфом преданий, легенд, суеверий. Некоторые из них имеют историческую основу, многие являются просто плодом народной фантазии. И уж каждая уважающая себя гора на Урале, в которой есть хоть намек на пещеру просто обязана иметь свою хозяйку. Достаточно вспомнить знаменитую Медной Горы Хозяйку из уральских сказов Бажова «Малахитовая шкатулка».

Подобная хозяйка появилась у Ледяной горы где-то в начале 60-х годов. Историю ее появления нам тоже поведал Евгений Павлович Дорофеев.

В самом начале 60-х годов пещеру посетила известная московская художница и скульптор. Под впечатлением увиденного она изваяла барельеф – женскую головку, увенчанную короной, символизирующую Ледяной Горы Хозяйку. Этот барельеф в обрамлении цветной керамической мозаики вмонтировали в стенку одного из гротов (кажется, Крестового). К сожалению, ни фамилия автора, ни точное местонахождение Хозяйки в памяти не сохранились, а дневниковые записи были утрачены. Единственный человек, который мог бы внести ясность – Евгений Дорофеев – ушел из жизни... Осталась только черно-белая фотография, которая дает некоторое представление о Хозяйке. Интересно, что ни в одном путеводителе, ни в одной публикации, посвященной истории Кунгурской пещеры нет упоминаний об этом факте. Возможно, сделанный из недолговечного материала, барельеф разрушился от времени. А может, новая хозяйка просто не прижилась в пещере и была ею отторгнута? На этот вопрос ответа я пока не получил...

Кунгур – Пуп Земли

Показал нам Евгений Дорофеев и еще одну достопримечательность Кунгурской пещеры – Пуп Земли. Эта исполинская каменная полусфера, скорее напоминающая по форме не пупок, а женскую грудь, свисала с потолка в гроте Вышка II чуть не до самого пола. На ней немногочисленными посетителями этой удаленной части пещеры были оставлены автографы свечной копотью. На моем снимке эти излишества были заретушированы, чтобы не отвлекать внимания от классической формы этого удивительного образования. Всю конструкцию наискосок пересекала глубокая, скорее всего, сквозная трещина, так что нижняя ее часть держалась буквально «на честном слове».

В путеводителях по пещере это чудо также не упоминается.

В чем причина? Неведомо ...

Может быть, его погубила сквозная трещина. Ведь пещера, живет, разрушается. Ежегодно здесь происходит по несколько крупных обвалов кровли. Мало ли что могло случиться за сорок с лишним лет!

Неожиданно эта тема получила свое развитие уже в XXI веке.

В 2007 году город Кунгур был объявлен не более и не менее, как Пупом Земли! По этому поводу были официальные торжества, на набережной реки Сылвы была открыта скульптурная композиция «Пуп Земли».

С древних времен пуп Земли представлялся, как олицетворение центра Земли, место сообщения трёх стихий, символ накопления позитивной энергии, рождения жизни.

В христианской религии пупом Земли считался Иерусалим.

Так почему же – именно Кунгур?

На этот вопрос городские власти отвечают: «А почему нет? Земля же круглая, кто знает, где у нее пуп. Кунгур более других городов имеет на это право, так как здесь четыре реки, нарушая законы природы, стекаются с четырех сторон света!».

И невдомек инициаторам этой идеи, что реальный, а не выдуманный Пуп Земли действительно находится на окраине Кунгура в недрах Ледяной горы!

Так что, у города есть веские основания претендовать на это почетное звание.

6. И ПОЕХАЛ НА КАВКАЗ...

Кавказский пленник

Несмотря на мою многолетнюю привязанность к Кавказскому региону мне так и не пришлось участвовать ни в исследовании Воронцовских пещер, ни в открытии и первопрохождении рекордной Снежной пещеры, героями которой стали известные ныне спелеологи, знакомые мне по совместным работам в крымских пещерах, такие как Даниил Усиков.

Драматическая история этих лет уже нашла своих летописцев и получила отражение в рассказах и публикациях участников и очевидцев этих событий.

Все дело в том, что мои спелеологические интересы часто не совпадали с научной и производственной тематикой организаций, в которых я работал, или с которыми сотрудничал как геофизик – сейсморазведчик. И это несмотря на то, что Черноморское побережье Краснодарского края и тогдашней Грузинской ССР были постоянными объектами инженерно-геологических изысканий для курортного и рекреационного строительства, как в середине прошлого века, так и в постсоветский период.

Единственным крупным проектом, носившим чисто спелеологический характер, были специализированные комплексные инженерно-геологические и гидрогеологические изыскания района Иверской горы для обустройства Нофвоафонской пещеры в качестве культурно-познавательного природного объекта.

В составе геофизического отряда института «Фундаментпроект», прикомандированного к экспедиции Института минеральных ресурсов АН УССР, мне пришлось проводить геофизические работы как в самой Новоафонской пещере, так и в ближайших ее окрестностях. Руководил работами Виктор Николаевич Дублянский. Здесь же были многие из моих старых друзей и коллег по работам в Крыму.

Приглашение столь внушительной команды специалистов по карсту было вызвано целым рядом неожиданностей, с которыми столкнулись наши грузинские коллеги в процессе реализации проекта, так что у нас появилась легальная возможность хорошо ознакомиться с особенностями района и самой пещеры и подготовить рекомендации по освоению объекта, что и было сделано в течение полевых сезонов 1973 – 74 годов.

Уроки Нового Афона

Нелишне напомнить еще и о том, что любое чудо природы поражает и впечатляет нас лишь в случае не слишком легкой доступности. «Чудо, к которому можно подъехать вплотную и глянуть на него с сиденья автомобиля, быть чудом перестает...»

Василий Песков, «У входа в пещеру», К.П. 17.01.82

Открытие близ Сухуми гигантской пещеры (по объему больше, чем все известные в то время пещеры Крыма, вместе взятые) стало сенсацией начала 60 годов.

На самом высоком правительственном уровне Грузинской ССР было принято решение превратить пещеру в образцово-показательный туристический объект, взяв за образец наилучшие мировые проекты обустройства аналогичных объектов. Причем проделать эту работу надо было собственными силами в сжатые сроки и, по возможности, с минимальными затратами. Был разработан и утвержден проект, открыто финансирование и работы начались.

История открытия пещеры такова.

Издавна внимание местных жителей привлекал большой провал на склоне Иверской горы. Огромный колодец, отвесные стены которого терялись во мраке, получил название Бездонной ямы. Долго не находилось смельчаков, кто рискнул бы спуститься в ее черную пасть. Первую попытку предпринял житель Нового Афона Гиви Смыр. Но добраться до дна без специального снаряжения было невозможно.

В 1961 году для исследования загадочной Бездонной ямы была организована специальная экспедиция. Преодолев все препятствия таинственного провала, штурмовая четверка – Зураб Тинтилозов, Арсен Окроджанашвили, Борис Гергедава и Гиви Смыр – спустились на дно. Толща глины, покрывавшая стены и пол колодца, казалось, свидетельствовала о конце пропасти. Точно так же заканчивались пещеры, расположенные поблизости. Но в одном из небольших отверстий чувствовалась сильная тяга воздуха, и спелеологи поочередно протиснулись вперед. Темнота, поглотившая свет фонарей, говорила о грандиозных, еще невиданных под землей объемах. Так была раскрыта тайна Бездонной ямы и открыто под землей настоящее чудо – Новоафонская пещера.

14 июля 1961 г. штурмовая четверка, преодолев каскад колодцев на глубине 135 м, впервые проникла в зал Анакопия (зал Абхазия).

За этой экспедицией последовали другие. Была составлена карта пещеры, собрано большое количество научного материала. В 1965 году спелеологами был снят фильм о красотах пещеры. Постепенно были открыты и остальные залы пещеры. С 1975 года пещера стала функционировать, как круглогодичный туристический объект.

В 1972 году, еще на этапе оборудования в пещере побывали руководители Комплексной карстовой экспедиции Института минеральных ресурсов АН УССР. Принимал гостей один из первооткрывателей пещеры Зураб Тинтилозов.

Попасть в пещеру можно было через только что пройденный железнодорожный тоннель. Увиденное поражало своими масштабами и грандиозностью замыслов. Грузинских коллег можно было поздравить с несомненным успехом.

В то же время, в процессе знакомства с пещерой крымские специалисты обратили внимание на довольно свежие уровни подземных вод на стенах пещеры, которые ни в коем случае нельзя было считать древними, как это утверждали хозяева пещеры. Уровни находились на разной высоте и накладывались друг на друга, что свидетельствовало о неоднократном повторении паводков.

К сожалению, дальнейшие события развивались не совсем так, как предполагали грузинские коллеги.

При туристическом освоении Новоафонской пещеры планировалось сооружение транспортного тоннеля, заканчивающегося комфортабельными платформами, своего рода «пещерный мини-метрополитен» Однако в 600 м от входа тоннель неожиданно вскрыл до того неизвестную обводненную полость «Сюрприз», которая была связана с подземным озером в пещере 70-метровым сифоном. Зимние паводки 1973 г. вызвали катастрофический подъем и прорыв подземных вод, приведший к полному затоплению тоннеля, и произвели значительные разрушения на поверхности (был промыт овраг глубиной 4 м и повреждено несколько домов). К счастью, авария произошла в выходной день, когда строителей в тоннеле не было, поэтому все обошлось без человеческих жертв. Серьезно пострадали лишь механизмы.

Строительство законсервировали. Летом об этом узнал отдохнувший в Пицунде А.Н. Косыгин. Он позвонил в Москву и распорядился создать специальную комиссию независимых экспертов, которая вскрыла множество недоработок в проекте, вызванных недостаточным инженерно-геологическим и гидрогеологическим обоснованием.

В рекомендациях комиссии содержалось обязательное требование, исследовать не только пещеру, но ее ближние и дальние водосборы. Необходимо также провести хотя бы годичный цикл комплексных гидрогеологических и гидрохимических исследований. Проведение этих работ было поручено крымским карстооведам под руководством Бориса Николаевича Иванова и Виктора Николаевича Дублянского.

Работы 1974 года установили, что отдаленные области питания (массивы Хипста и Гумиста) не имеют отношения к Новоафонской пещере. Ее питают ближние водосборы рек Цквара, Мсра, Псырцха, прорезанные очень красивыми, но трудно проходимыми каньонами. Новоафонская пещера действительно отделена от южной части Иверской горы сбросом, в северном крыле которого находится вскрытая тоннелем пещера Сюрприз. Именно из нее и поступает в паводок вода, а ее пропускная способность определяет высоту подъема уровня воды в пещере. Но самыми интересными оказались годичные наблюдения за режимом Псырцхинских источников ниже пещеры. Они дают воду смешанного состава: карстовую, холодную, гидрокарбонатную кальциевую и термальную, хлоридную натриевую. Состав смеси на протяжении года резко меняется. Это позволило выдвинуть гипотезу о гидротермокарстовом происхождении Новоафонской пещеры.

В конечном итоге, для обеспечения безопасной круглогодичной эксплуатации пещеры, строителям пришлось выполнить гораздо больший объем работ: обход тоннелем полости «Сюрприз», сооружение эстакады в пещере, а затем - наклонной водосбросной штольни.

Первый поезд «пещерного метро» с туристами прошел лишь 1975 году.

Последствия аварии туристы могут наблюдать и сегодня: в нескольких сотнях метров от входа хорошо виден бронированный щит, закрывающий место прорыва. Транспортный тоннель здесь резко поворачивает почти под прямым углом, обходя опасный участок и поезда проходят по значительно удлиненному маршруту, нежели первоначально проектировалось.

Новоафонская пещера - колоссальная карстовая полость, по своим размерам соперничает с самыми именитыми подземельями мира, в том числе с такими гигантами, как Шкоцианская пещера, в Югославии и Карлсбадская в США.

На многие сотни метров протянулись огромные залы и выходящие причудливыми меандрами галереи. Даже самая смелая фантазия не может подсказать воображению, какие тайны скрывают недра Иверской горы, какие чудеса ожидают нас под землёй! Прежде всего поражает необыкновенный пещерный ландшафт: от дикого хаоса сумрачных нижних залов до великолепных сталактитовых дворцов. В пещере можно заглянуть в загадочные зелёные глаза пещерных озёр, услышать неповторимую гармонию звуков и насладиться бесконечной красотой и разнообразием уникальных кристаллических образований.

Экскурсионный маршрут включает залы Анакопия, Спелеологов, Нарта, Оленя, Кораллитовую галерею, Апхерца, галерею Аюхаа и зал Апсны. В зале Москва время от времени проводятся музыкальные концерты. Геликтитовый зал используется в научных целях.

В 1977 году за создание уникального Новоафонского туристического пещерного комплекса группе специалистов присуждена Государственная премия СССР в области науки и техники.

Первоначальные названия залов дважды изменялись на новые: перед открытием пещеры для экскурсий в 1975 году и после грузино-абхазского конфликта 1992-93 гг.

Первооткрыватель пещеры в 1961 году Гиви Шалвович Смыр, с 2001 года является директором комплекса Новоафонских пещер.

Самый большой зал пещеры - зал «Спелеологов». Его длина составляет 260 метров, высота достигает 50 метров, а ширина - до 75 метров.

Однако, такая длина получается лишь в том случае, если считать зал «Спелеологов» и зал «Исчезающего Озера» за один зал. Но и в этом случае, вопреки распространенному мнению, он не будет являться крупнейшим залом Абхазии. Это лишь третий по величине пещерный зал Абхазии после «Тронного» зала в пещере Снежная (длина 309 м., ширина 110, высота 40 м.) и зала «Икс» (так же в пещере Снежная - 270 м на 70 м при высоте до 58 м.)

В то же время Новоафонская пещера не является крупнейшей пещерой Абхазии ни по длине, ни по объёму полости. По объёму она значительно уступает пещере Снежная, а по длине не входит даже в десятку длиннейших пещер Абхазии.

Одной из достопримечательностей зала «Анакопия», является озеро «Анатолия». Площадь озера 1000 м², глубина 26 м, температура

воды 10 градусов Цельсия. Так же, в этом зале находится «Голубое озеро» размером 1250 м²

«Геликтитовый салон», где находится большое количество натёчно-капельных образований - геликтитов, закрыт для посещения туристами и предназначен только для проведения научных исследований.

В пещере находится живописный каменный водопад «Апсны», высота которого 20 метров, ширина - 6 метров.

Новоафонская пещера имеет 4 входа, 3 из которых искусственные (в залах «Анакопия» и «Апсны» - оба входят к подземным железнодорожным станциям), а также специально пробитая из зала «Исчезающего озера» водоотводная галерея. Единственный естественный вход, через который первоначально и проникли в полость можно увидеть в потолке зала «Анакопия». На поверхности этот выход расположен неподалеку от села Эшера, в виде глубокого провала.

Ну, а сама пещера? Грузинские коллеги закончили ее оборудование. Чтобы обеспечить безопасное посещение пещеры, им пришлось пройти наклонный тоннель, соединяющий одно из озер в пещере с Армянским ущельем на поверхности. Этим был существенно нарушен ее водный и воздушный режим, так что дальнейшее ее существование, как естественной карстовой полости потребует больших усилий...

Издержки «шоу-бизнеса»

Цивилизованная судьба Анакопийской пропасти, переименованной впоследствии в Новоафонскую пещеру, в чем-то напоминает судьбы многих талантливых и самобытных эстрадных артистов середины прошлого века, ставших жертвами перемен, произошедших в жизни страны и в отношениях к массовому искусству, очень быстро превратившемуся в «шоу-бизнес».

В одной из своих публикаций в «Комсомольской правде» («У входа в пещеру» КП, 17.01.82), Василий Песков писал:

«Иллюминация пещеры, превращение ее в сугубо зрелищное место, дали бы, наверное, какие-то деньги. Новое ли это дело? Нет. В США я опускался в две таких пещеры. Скажу откровенно: толпы людей у входа, торопливое, рассчитанное по минутам пребывание многочисленных групп под землей и пресловутая иллюминация (Малиновый грот, Голубой, Золотой) оставили ощущение дешевого пошловатого балагана. Природы там никто не видел. Это был вариант «Луна-парка», с эффектом, которого можно достигнуть даже не опу-

скаясь под землю – «Дисней-Ленд» – прекрасное этому доказательство».

О Новоафонской пещере я тоже писал, и тоже в критическом плане.

Конечно, пещера приспособленная к посещению массой людей, должна, по возможности, учитывать разные вкусы, однако, с иллюминированием ее дизайнеры явно перестарались. Тем же недостатком страдает (или страдала ранее, до реконструкции) и Кунгурская ледяная пещера с ее разноцветными гротами, нарочитыми «Метеорами», неестественно подсвеченными ледяными кристаллами и сталактитами.

Свет в пещере – материя тончайшая. Конечно, без света при подземных экскурсиях не обойтись, но здесь необходима точнейшая дозировка, иначе пропадает само ощущение подземного мира, для которого тьма – это естественное состояние, а освещение должно быть если не минимальным, то не превышать некоего порога, за которым феномен подземной полости перестает волновать своей необычностью, а пещерный маршрут перестает отличаться от обычной вечерней прогулки по неудобной каменистой тропе.

Одинокая свеча в подземном гроте способна создать такой глубокий эффект, который не под силу и мощнейшим тысячеваттным прожекторам.

Это похоже на состязание Федора Ивановича Шаляпина с известным оперным певцом того времени (Петровым?), обладавшим мощнейшим басом – кто кого перепоеет в партии Бориса Годунова. Зная, что переорать соперника невозможно, Шаляпин ПРОШЕПТАЛ заключительные слова арии и тем самым сразил наповал и публику и своего оппонента.

В период обустройства Новоафонской пещеры, как туристического объекта (я в это время проводил там геофизические исследования), мне довелось наблюдать, как художник-дизайнер на полном серьезе прикидывал, как будут выглядеть при искусственном освещении разноцветные пластиковые покрытия, которыми он собирался декорировать прогулочные дорожки и переходные мостики будущего туристического маршрута!

После открытия пещеры в качестве туристического объекта мне также пришлось побывать в Новом Афоне и прочувствовать на себе некоторое несовершенство спектакля, разыгрываемого перед экскурсантами на протяжении подземного маршрута, начиная от избилующего банальностями текста экскурсовода и кончая чрезмерными световыми

эффектами, за которыми потерялись естественная плоть и дух уникальной пещеры...

А вот с музыкальным оформлением пещере повезло больше.

Когда участники Всесоюзного совещания по спелеологии и карсту, проходившему в Сухуми, приближались по подземному переходу к залу Иверия, там заканчивался сеанс цветомузыки для очередной группы экскурсантов. Звуки токкаты Баха разносились по всему подземелью. Казалось, что огромная волшебная птица, которую усыпили и заточили в подземную темницу, вдруг проснулась и ищет выхода. Трепещет, бьется о своды, скребет когтями, теряет перья. Изнемогает в борьбе, из последних сил яростно, вновь и вновь обрушивается на неподатливые стены темницы. И звуки борьбы то сотрясают стены, то замирают под сводами, то взлетает вверх, то осыпается хрустальными осколками. И звуки и тени переплелись между собою так, что трудно понять, то ли это - видимые звуки, то ли – звучащие тени...

Да, Баха нужно слушать только в пещере...

И не только Баха. Я уверен, что знаменитое грузинское многоголосье тоже предназначено для пещер. К сожалению, выступления хорового ансамбля здесь происходят чрезвычайно редко, от случая к случаю и нам не удалось его послушать. А жаль...

Впрочем, это мое личное впечатление от одного, довольно давнего посещения. За годы эксплуатации пещеры многие огрехи, наверняка, были исправлены, а сам объект, безусловно, был и остается уникален.

7. ТУРКМЕНИИЯ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ПЕСКИ И ДЖЕЙРАНЫ

Ков-Ата – Отец пещер

Я неоднократно замечал, что самые неожиданные мысли, наблюдения и параллели рождаются не в тишине и покое, а в дороге.

Программа работы комиссии Госстроя СССР по оценке сейсмической опасности строительных объектов в Туркменской ССР, которую мне пришлось возглавлять в 1984 году, кроме ознакомления с работами института Туркменгоспроект предусматривала посещение ряда исторических объектов (например, древней столицы Туркестана – Низы), окрестностей Копет-Дага и знаменитой Бахарденской пещеры.

Два десятка лет пролежала в моем архиве брошюра кандидата геолого-минералогических наук М.А. Ротко, посвященная Бахарденской пещере, которая находится в предгорьях Копет-Дага неподалеку от Ашхабада.

Бахарденская или Дурунская пещера с теплым сероводородным подземным озером носит местное название Коу-Ата, что означает Отец пещер. Название «Коу-Ата», так как оно значит в брошюре, ничего необычного мне не говорило, и, до поры до времени, не привлекало внимания. Для того, чтобы параллель обнаружилась, мне пришлось непосредственно побывать в пещере, точнее, в окрестностях ее, увидеть указатель на шоссе «Ковата» (Ков-Ата) и услышать из уст нашего сопровождающего – сейсмолога Гарагозова, туркмена по национальности, как он произносит это слово: очень мягко и напевно «кё-ё-ёв». И тогда тюркское «кёв» и английское «кейв» (дыра, пустота, пещера, каверна) – неожиданно для меня зазвучали практически идентично!

Итак, параллель проявилась, но осталась загадка: действительно ли это связь корневая, или это просто случайное совпадение, а если действительно, от откуда берется начало – из Азии, или из Европы?

Этимологические исследования на пещерную тематику навели меня на одну любопытную параллель, которую я раньше не замечал, несмотря на ее очевидность.

Этимологические ряды: кёв (коу, ков) – коба (хоба) – кейв;

Или кейв – ков (кёв) – коу – коба (хоба)?

Как на разных языках обозначается понятие «пещера», «пустота»:

Spelaion (греч.) – пещера

Cavitas (лат.) – пустота, пузырек (отсюда – кавитация)

Cave (англ.) – пещера
La kavitee (франц.) – пещера
Die Hohle (нем.) – пещера, пустота
Jaskina (слов.) – пещера
Barlaud (венг.) – пещера
Коба (хоба) – (тат.)
Ков (коу) – (тюрк.) – пещера
Пещера (русск.)
Печера, яскина (укр)

Универсальность обозначения на многих языках – так ли это?

Само происхождение слова «пещера» в русском языке от слов «печь» или «пещь» ассоциируется с черной пастью русской печи, облицовывающей классический зев карстовой пещеры. Маленькие ниши по бокам передней стенки русской печи – «печурки» – пещерки предназначены для хранения всякой мелкой кухонной утвари. Ночлежный грот на Туфовой площадке Кизил-Кобы – наглядная тому иллюстрация. «Подпечка» – или «подпещье» – низкий лаз под печь, куда складывают «рогачи» – ухваты, чапельники и другие длинные приспособления.

В подпечье обитает хранитель избы – домовый...

Река Печора изобилует выходами по берегам карстовых пещер. Псково—Печерский монастырь расположен в массиве красных песчаников, пронизанных многочисленными пустотами. Киево-Печерская Лавра стоит на естественном карстовом лабиринте, расширенном за многие годы существования искусственно и служащим местом культовых отправления, погребений и одновременно – убежищем.

Понятие «печь», «пещь» – всегда связано не только с темнотой, с отверстием в земле, но и с огнем. Пещь адова, Геенна огненная – подземелье, наполненное нестерпимым жаром, населенная страшными существами, слугами сатаны, исчадьями ада – место мучений бесконечных, уготованное смертным за прегрешения жизненные. Место ужасное, куда при жизни, добровольно не смеет заглядывать человек без крайней на то нужды, без риска сгинуть без следа, быть уничтоженным таинственными и беспощадными обитателями.

Украинское слово «печера» почти точно совпадает с русским по значению и содержанию

Немецкое die Hohle (пещера, берлога) происходит от наречия hohl – пустой. Отсюда же – hohlen – долбить, выдалбливать.

Der Tropfstein – капельник (сталактит).

Steter Tropfen höhlt den Stein – капля по капле камень долбит.

Украинское «порожняна» – пустота.

Итак, пещера – это пустота, каверна, полость, отверстие в земле, зев, пасть, логово, берлога, щель, печь, черная, темная, ощеренная, неведомая, страшная пустота, выдолбленная в земле неведомыми и недобрыми силами – отсюда и наиболее распространенные названия пещер.

Но самыми востребованными оказываются названия «Сказка» и «Кристалльная». Только в Калифорнии насчитывается 8 пещер, носящих название «Кристэлл-Кейв».

Как же получают пещеры свои имена?

Самые верные, самые точные, самые выразительные имена дают пещерам местные жители. Эти имена древние, передаются из поколения в поколение.

Имя, точнее название, пещера получает от названия местности или события, связанного с самой пещерой или ее окрестностями, либо с особенностями самой пещеры.

Очень красиво звучат названия пещер на языке коренного народа, населяющего данную местность. Поэтично звучат они и в переводе на русский язык.

Вот некоторые примеры перевода тюркских названий пещер горного Крыма на русский язык:

Куюг-агач – ясень (дерево);

Ябушкан – боярышник;

Тешик – нора;

Борю – волк;

Аю – медведь;

Чагыр – деревянное устройство для подъема снега;

Хосар – колодец;

Буз – лед;

Топсюс – бездонный;

Когурчи (гугерджин) – голубь и.т.д.

Сочетание этих слов мы видим в современных названиях пещер.

Хуже обстоит дело, когда названия пещерам дают первооткрыватели – наши современники, наспех, не считаясь с уже существующими местными названиями. Хорошо еще, если пещеру нарекут в честь крупного ученого – натуралиста, или удачно подберут сочетание места, природных особенностей его, так что имя не диссонирует с окружающим ландшафтом. Еще хуже, когда в порыве тщеславия окрестят найденную пещеру своим именем либо именем своей подруги или жены (шахта Виолы на Караби). Совсем плохо, когда изошряясь в оригинальности и остроумии, первооткрыватели дают название просто непристойное.

Хорошо еще, что названия рассматриваются и утверждаются (или отвергаются) специальными комиссиями.

Чаще всего пещеры наследуют названия объектов окружающей местности – населенные пункты, урочища, горы, реки и т.п. обычно, это очень старые названия (Басман, Биюк-Узенбаш). Причем многие названия состоят из двух или нескольких слов, одно из которых соответствует слову «пещера» (Кристалл-Кейв, Суук-Коба, Эминэ-Баир-Хосар). Часто название увековечивает какое-либо историческое событие или реальную историческую личность (Бин-Баш-Коба, Кара-Мурза). В названиях многих пещер отражаются цветовые и световые эффекты, свойственные этим объектам (Красная, Темная, Желтая, для ледяных – Голубая).

Но лучше всего оставить пещере старое название. Попытаться разыскать и закрепить официально.

Интересно, что во многих местностях существует определенный набор наиболее часто повторяющихся названий даже в разных странах (Темната, Дункель, Летучих мышей, Разбойничья, Медвежья, Барсучья, Волчья, Бездонная, Адова и т.д.)

Примером удачных современных названий может быть шахта «Малиновый звон», когда при первом посещении входной колодец откликнулся мелодичным звоном на нечаянно упавший металлический предмет снаряжения. Или знаменитая шахта «Ход конем» на Чатыр-Даге, запечатлевшая попытку проникновения в расположенный неподалеку Бездонный колодец с помощью обходного маневра.

Несколько расплывчато звучит название «Молочные братья». Со всем неблагозвучно, хотя и натуралистично – «Глотка алкоголика».

Крещение особо не примечательной 80-метровой извилистой шахты «Комсомольская» на Караби вылилось в своеобразный юмористический спектакль. Первопроходцы окрестили эту узкую, извилистую и достаточно трудную для прохождения вертикаль «Клизма», очевидно, за схожесть с клистирной трубкой.

На рассмотрении топонимической комиссией название было единодушно отвергнуто. Решено было наречь новорожденную «Клизму» «Комсомольской», поскольку в открытии ее, естественно, принимали участие комсомольцы. Как ни странно, привились оба названия: в спелеологической среде так и осталась она «Комсомольской клизмой».

Бахарден – дитя термальных вод

Бахарденская пещера является типичным продуктом деятельности высокотемпературных минерализованных карстовых вод.

Процессы спелеогенеза здесь протекают настолько быстро, что описания ее привходовой части, сделанные разными людьми с интервалом в несколько десятков лет, разительно отличаются друг от друга.

На проходившем в 1956 году в МГУ Всесоюзном научном совещании по вопросам изучения карста, всех заинтересовало и даже удивило сообщение профессора Михаила Васильевича Васильева, который утверждал, что во время первого своего посещения Бахардена вход в пещеру был не такой крутой, как сейчас, входных отверстий было только два, 12-метрового обрыва при входе также не было, поэтому войти в пещеру не представляло труда. Профессор Васильев с двумя помощниками делал зарисовки пещеры, промерял в некоторых местах глубину озер и замерял температуру воды.

По его свидетельству в пещере были длинные сталактиты, отсутствующие сейчас, а подземное озеро просматривалось сразу от входа.

Температура воды была значительно выше теперешней, особенно в отдаленном конце озера. Сталактиты располагались в виде красивых ожерелий, которые при освещении изнутри создавали фантастическую картину. Создавалось впечатление, что речь идет о совершенно разных пещерах. На вопрос о времени посещения профессор ответил: – в 1898 году! Так что, ошибка исключалась

Во время посещения пещеры М.А. Ротко в 1958 году входных отверстий было четыре, подземных озер – три. Сохранилась также колония летучих мышей, правда, сильно поредевшая...

Кроме летучих мышей в Бахарденской пещере постоянно обитает около сорока видов различных насекомых – бабочек, жуков, мух – адаптировавшихся к специфически условиям среды.

Гнездятся здесь и несколько десятков диких голубей, найдены воробьи. Из грызунов – туркменская белозубка, персидская песчанка и даже... домашняя мышь.

В озере обитают жуки-плавунцы. Растительности в пещере нет.

Бахарденская пещера расположена в толще верхнеюрских известняков, нередко содержащих прослойки гипса большой мощности (до 8 м) Известняки смяты в складки и разбиты трещинами, по которым свободно циркулирует вода. В районе Бахардена существует крупное тектоническое нарушение горных пород (сброс), который прослеживается вдоль всего Копет-Дагского хребта. Эта зона разрыва с выходами высокотемпературных минерализованных вод, известна как Копетдагская термальная зона. Благодаря высокой температуре термальные воды обладают большой растворяющей способностью, образуя подземные пустоты.

О колебаниях уровня воды в подземном озере можно судить по следам бывшего стояния в виде горизонтальных полос на стенах пещеры.

Копет-Даг – зона высокой сейсмичности, однако, разрушительные воздействия землетрясений не оказали сильного влияния на своды главного зала Бахарденской пещеры.

Имеется редкое документальное свидетельство очевидцев землетрясения в Бахардене:

«В 1929 году, 1 мая, произошло довольно сильное Гермабское землетрясение. В это время группа экскурсантов находилась в пещере. Они услышали под землей сильный гул, и увидели, что озеро словно заколыхалось, на его поверхности заходили пологие волны. Все остальное, кроме мелких камешков, осыпавшихся в этот миг, осталось неподвижным. Удивленные очевидцы даже не обратили внимания на эти толчки, которые, по-видимому, были крайне слабы. Пещера выдержала и дальнейшее испытание во время катастрофического Ашхабадского землетрясения в 1948 году. Ее своды оказались «сверхантисейсмичными». (П. Померанцев, 1955).

Свои впечатления о Бахардене высказала писательница Виктория Токарева в рассказе «Лошади с крыльями»:

«Глубоко в земле, вернее в скале – подземное озеро. Спускаешься вниз, как в шахту, и вдруг среди корней скал опаловое озеро. Вода почти горячая, тридцать семь градусов. И серой пахнет. Как в аду. Входим как в теплую ванну. Как в блаженство.

Тихо. Какая-то особая, неземная тишина. На отвесных скалах – летучие мыши, слепые и мрачные, как посланцы потустороннего мира. И сама – под землей, в восьмом чуде света. Под ногами – километры глубины. Так и сгинешь здесь, захлебнешься горячей серной воды и только летучие мыши сделают почетный вираж.

Потом все вылезли из озера. Поднялись наверх. На землю.

Солнце заходило. Небо было розовое. Горы. И острое, реальное, почти физическое ощущение момента – того самого момента, которому можно сказать: – остановись!».

Прототипы современного георадара

Бахарденская пещера также служит прибежищем значительной популяции летучих мышей. То, что летучие мыши обладают органами чувств, работающими по принципу эхолокации, факт общеизвестный. Механизм излучения и приема сигналов у различных видов летучих мышей изучен достаточно подробно.

История открытия эхолокации связана с именем выдающегося итальянского естествоиспытателя Лазаро Спалленцани (1729 – 1799).

А вот цитата из книги В.П. Морозова «Занимательная биоакустика» М., «Знание», 1983 :

Что видит летучая мышь своими ушами, и что слышит своими глазами?

Летучая мышь – это химера, чудовищное невозможное существо, символ грез, кошмаров, призраков, больного воображения... всеобщая неправильность чудовищность, замеченная в организме летучей мыши, безобразные аномалии в устройстве чувств, допускающие гадкому животному слышать носом и видеть ушами – все это, как будто нарочно, приноровление к тому, чтобы летучая мышь была символом душевного расстройства и безумия. (А. Туассенель , французский натуралист, 1874).

Но то, что существуют некоторые виды птиц, у которых также имеются аналогичные «устройства», менее известно.

Птицы с плачущими голосами.

Трудно сказать, что заставило первых птиц из породы гуахаро избрать в качестве ночлега глухой угол темной пещеры. Еще более странно, что птицы эти обладающие хорошим зрением, кормиться предпочитают по ночам. Казалось бы, это они могли делать и днем, так как основу их рациона составляют плоды деревьев пальмовых пород. В поисках пищи улетают гуахаро за 70-80 километров в ночную темноту, но, лишь только забрезжит рассвет, вся стая спешит к своей пещере и стремительно исчезает в ее глубине. Они летят по темным подземным коридорам, оглашая своды своими странными голосами и каждая находит свое примитивное гнездо на выступе скалы. Здесь родителей ожидают прожорливые, непомерно жирные и беспомощные птенцы, которые весят нередко вдвое больше родителей. Видно, поэтому Александр Гумбольдт и назвал этих птиц латинским именем *Steatornis caripensis* – жирные птицы из Карине, по имени города в Венесуэле, где он посетил пещеру с гуахаро.

Эти многочисленные жирные комки – птенцы гуахаро – издавна были предметом охоты индейцев, которые ухитрялись доставать их из труднодоступных гнезд, находящихся высоко под сводами пещеры. Из желтого жира птенцов индейцы вытапливали прозрачное, ничем не пахнущее и не портящееся масло, служащее им для пищи и освещения.

«Какая ирония судьбы, – замечает в связи с этим американские исследователи Луис и Маргарет Мелина – птицы, столь старательно избегающие света, должны давать масло, которое разгоняет тьму в доме человека!»

В настоящее время доказана эхолокация у гуахаро. Но пользуются птицы эхолокатором только в темноте, так как на свету для ориентировки им вполне достаточно зрения.

По данным американских исследователей, разрешающая способность эхолокации у гуахаро составляет около 20 сантиметров. Причины столь низкой по сравнению с летучими мышами, разрешающей способности, заключается в том, что гуахаро пользуются более низкочастотными локационными сигналами (1,5 – 2,0 кГц).

Слух у гуахаро оказался настроенным именно на эти частоты.

Эхолокационными способностями обладают также некоторые виды стрижей-саланганов, обитающих в юго-восточной Азии на островах Индийского и Тихого океанов.

Птицы эти получили широкую известность благодаря своим съедобным гнездам, которые они строят из собственной слюны. Гнездятся саланганы многочисленными колониями в сотни тысяч и даже миллионы пар, преимущественно в пещерах, где они и строят свои знаменитые «гнезда-кушанья».

Соланганы, в отличие от гуахаро, дневные насекомоядные птицы. Однако, залетая в пещеру, где царит темнота, они вынуждены пользоваться эхолокацией. У спящего салангана эхолокатор не работает. Он может производить локационные импульсы только в полете при взмахиивании крыльями. Полностью прекращает свою работу эхолокатор и на свету.

Частота повторения локационных сигналов – около пяти в секунду. Остается неизвестным механизм излучения, а также особенности слухового анализа отраженных сигналов.

(Владимир Морозов «Занимательная биоакустика», М. 1989. Изд. «Знание»).

Для изучающих эволюцию пещеры представляют собою идеальную лабораторию для исследования адаптаций. Дело не столько в том, что в пещерах на протяжении всего года поддерживается достаточно комфортная температура, влажность и освещенность, сколько в том, что уникальные условия пещерного обитания порождают самые причудливые формы растений и животных. Все участки пещеры – и более освещенные у входа, и глубже лежащие сумрачные, и самые удаленные, где

царит вечная ночь, – служат прибежищем поразительного множества растений и животных.

Голубые глаза гуахаро зрячи, но в темноте он чувствует себя увереннее, ориентируясь подобно летучим мышам, с помощью эха, отражающегося от различных предметов на его пути.

Истинные обитатели пещер никогда не покидают своего убежища и всю жизнь проводят в полной темноте. У таких животных много общих черт не свойственных родственным им животным, обитающим на поверхности земли. Так, например, среди постоянных обитателей пещер вовсе нет крупных животных; пещерные жители – это мелкие существа со слабыми, тонкими, бледными телами. Постоянно живя в условиях высокой влажности, они не нуждаются в волосяном покрове или чешуе для защиты от холода и сырости.

В темноте или не нужны глаза, и они атрофировались, но зато появились длинные усики – органы осязания – и острое обоняние, помогающие отыскивать скудную пищу. Обитатели пещер живут по собственным часам, их активность не связана со сменной дня и ночи. Интересно, что поскольку слепые пещерные животные происходят от зрячих наземных форм, то некоторые из них, например, пещерные саламандры в юном возрасте зрячи. Если личинок этих саламандр специально выращивать на свету, то зрение сохраняется. По-видимому, в бесчисленных поколениях их предков слепота не успела закрепиться в качестве наследственного признака.

(Странный мир пещер. Питер Фарб. «Популярная экология».)

«Тайны» Кугитанга

Большой переполох в пещерном братстве наделала серия публикаций в газете «Труд», посвященная сенсационным открытиям в одном из труднодоступных районов юго-восточной Туркмении.

Фотография, помещенная в газете «Труд» за 17 августа 1984 года, свидетельствует о том, что мумифицированные останки животных в пещере Кугитанг-Тау не есть случайное скопление трупов, могильник, хотя и уникальный, а хорошо организованный музей анималистики. Сцена охоты снежного барса на винторогого барана столь реалистична и динамична, что исключает проявление простой случайности. Она поставлена умелым режиссером, который не только в совершенстве владел материалом, но и хорошо представлял, что в условиях своеобразного микроклимата его произведению суждена очень долгая «жизнь» после физической смерти «моделей».

Судя по описаниям, позы людей и выражения их лиц также не случайны. По-видимому, панорамный зал «пантеон» пещеры Кугитанг-Тау имел не только вертикальную связь с поверхностью земли. Что касается «экспонатов» музея-некрополя, остается гадать, жертвами какой варварской религии они стали.

Пещера названа «кунсткамерой». Так ли это? Отвечает ли название ее содержанию? (содержимому?).

Закончилась публикация цикла статей о пещерах Кугитанг-Тау в газете «Труд».

Шесть довольно пространных (по объему) репортажей с места открытия пещеры «Кунсткамера» передали специальные корреспонденты газеты. Включенные в состав «спортивно-научной» или «научно-спортивной» экспедиции, спецкоры с завидным упорством старались «накачать» из номера в номер «жуткую» информацию о действительных и мнимых тайнах одного из труднодоступных уголков Туркмении.

Скандальная пещера Кугитанг-Тау носит название «Вертикальная». Ее посетили спелеотуристы подмосковной Балашихи и сняли фильм, который будет показан в телевизионном Клубе путешественников.

Последнюю точку в злополучной истории «Пещеры мумий» поставила газета «Труд» (19.06.85).

Пещера была известна давно, называлась «Вертикальная» или «Город мертвых». Довольно обычный вертикальный колодец, никаких признаков гигантских залов или таинственных явлений здесь не обнаружено. Остатки животных – обычное явление в таких морфологических типах пещер довольно хорошо сохранившиеся мумифицированные останки человека... вот и все...

8. ПЕЩЕРЫ ИЛИ КАТАКОМБЫ?

Подмосковные лабиринты

*Не бойся заблудиться в темноте
И захлебнуться пылью – не один ты!
Вперед и вниз! Мы будем на щите!
Мы сами рыли эти лабиринты!*

Вл. Высоцкий

Январь 1983 года. Турбаза «Велегож». Правобережье р. Оки, выходы карстующихся известняков.

То, что творилось в природе в этом январе, напоминало одновременно и весну и осень. Но только внешне. Это уже не была осень, потому что успели раствориться и развеяться терпкие испарения прелых листьев. Но это еще не была весна, потому что в воздухе не ощущалось даже намек на тот особый, пьянящий аромат оттаявшей земли, от которого кружится голова, хочется делать глупости и изъясняться стихами. Это была обычная противоестественная зима. Зима, растерявшая все свои зимние атрибуты, зима по времени года, но не по существу. Лихорадка погоды вызывала лихорадку у людей, особенно тех, которые относятся к категории «метеозависимых», к числу которых принадлежу и я.

Дожи, туман, бесснежье, и слякоть, слякоть...

Двигаться не хотелось, писать – упаси Боже! Об этом даже думать не хотелось. Когда я пытался волевым усилием усадить себя за письменный стол, из моей многострадальной шариковой ручки выползали бесцветные, рахитичные строчки, похожие на недоваренные макароны, от которых становилось еще тоскливее. Надо было срочно менять обстановку, надо было уехать, забиться в глухомань, как говорится, перебить карту. Поэтому я как за спасательный круг ухватился за горящую туристическую путевку в Велегож, что на берегу Оки в Тульской области.

Две недели активного отдыха, лыжных прогулок, раздумий, отливающихся в страницы моей рукописи в часы уединенного и плодотворного труда за письменным столом! Так мечталось, но в действительности было то же самое, что и в Москве, с поправкой на глухомань и отсутствие источников информации (была еще докомпьютерная эпоха).

В отчаянье метался я по территории турбазы между библиотекой и столовой, хватаясь то за одно, то за другое дело, но в результате ничего не мог довести до конца. Наверное, всем пишущим приходилось испытывать такие провалы. Моя же творческая траектория в тот период состояла сплошь из таких провалов.

Казалось бы, чего проще! Масса впечатлений, толстая тетрадь превосходных дневниковых записей, голова набита воспоминаниями, мозги натренированы многолетним знанием предмета, удобная обстановка, тишина.

Но дело не шло, хоть сквозь землю провались! Очевидно, мне просто не хватало той малости, что зовется литературным профессионализмом, наличие которого превращает сухую научную статью в увлекательную повесть о поисках, находках, провалах и удачах и конечной победе разума. Поиск был, находок хватало, отчаянья – с избытком, а вот удачи, победы разума не было... Просто не было его – разума! Какая уж тут победа... В голове – туман, как на улице, белый шум – фон, помехи – те, что забивают полезные сигналы разумной мысли. Из прорех памяти на страницы сыпались разрозненные факты, обрывки воспоминаний, ключья событий. Цельности, связанности – не получалось.

Я искал, мучительно искал тот стержень, на который можно было нанизать по порядку весь этот словесный мусор, я надеялся, что стержень этот, как волшебная палочка превратит булыжники воспоминаний в отполированные узоры агатов, тусклые стекляшки фактов – в бриллианты остроумных мыслей, траченное молью тряпье событий – в кружева и бархат замысловатых сюжетов. Волшебная палочка так и не находилась, а может быть, просто, ингредиенты, которые были в моем распоряжении, не годились для литературного шашлыка.

Понимая всю бесперспективность своих упражнений и несостоятельность претензий, я все-таки не мог бросить это бесполезное занятие.

Не мог, и все тут... На что-то надеялся – на собственное прозрение или преображение, либо на вмешательство доброй феи. Озарение не приходило, а феи в наш рациональный век, наверное, просто перевелись или переквалифицировались в работников турбазы.

Так и лежала моя рукопись неоконченной, а точнее, даже толком не начатой, ибо нельзя назвать работой те отчаянные всплески активности, похожие на судороги пойманной в сеть рыбы, когда ее неумолимо вытягивают на берег.

Подходил к финишу пятый день моего добровольного заточения на турбазе, а за это время я накопал только четыре страницы не от-

носящейся к делу чепухи, да несколько жалких мыслишек-недоносков стыдливо упрятанных между страничками дневника.

Но странно, чем с большим отвращением я изливал на бумагу содержимое моего мыслительного аппарата, тем спокойнее становилось у меня на душе, будто стихали шумы, исчезал фон и обнажались, как в шлихе, золотинки мыслей, готовые к тому, чтобы звено за звеном соединиться в цепочку причинно-следственных связей, и которые можно взять в руки, взвесить, ощутить, оценить, отбросить или оставить (цепь – цепочка – цепкость), чтобы потом отделить от мути, довести до чистоты и не выплеснуть ни одной ценной крупички (ведь считанные!). А для этого нужны и труд и уменье.

Да, зима в этом году выдалась наредкость нестандартная: плюсовая, туманная, бесснежная (а сколько их было потом – нестандартных за эти годы!).

Последнюю надежду на лыжные прогулки влажный язык тумана слизнул два дня тому назад. На дорогах осталась ледяная склизь, на северных склонах в морщинах рельефа сохранилось некоторое подобие пропитанного водой снега, на южных обрывистых склонах правого берега Оки снег сохранился только чисто символически. Наверное, потому, что таять было уже нечему, туман-снегоед счел свою миссию оконченной, и, воспользовавшись темнотой, ночью незаметно улетучился. Пришедший ему на смену ветерок подразогнал тучи и впервые за много недель высветились звезды. К утру настолько подсохло, что я, оставив бесполезные лыжи пылиться за шкафом до лучших времен, рискнул прогуляться пешком. Цель у меня появилась довольно давно, но сначала какая-то смутная, однако потом, когда я на туристской схеме увидел это странное название, цель приняла конкретные очертания в ближайшем пространстве.

Это была пещера и называлась она именем разбойничьего атамана Улая (с ударением на втором слоге). То, что земля на склонах южной экспозиции, как говорят географы, была сухая и обнаженная, позволяло мне надеяться, что я не пройду мимо пещеры, сколь неприметной она ни была.

Типичный закрытый карстовый ландшафт: среди редколесья провальные воронки, глубокие эрозионные врезы, ступенчатый обрыв к реке, обнажения известняков в обрыве и на дне воронок. В обнажениях видны горизонтально залегающие слои серого, прочного известняка, чередующегося с мергелистыми прослоями. В трещины камня вросли узловатые корни деревьев. Я знал, что иду в перспективный карстовый район, знал, что в обнажениях по правому берегу Оки можно встретить

выходы карстующихся известняков и даже отдельные ходы и карстовые полости. Но я никак не предполагал, что рядом с турбазой расположена довольно известная пещера, связанная с именем легендарного участника пугачевского бунта, а впоследствии – разбойного атамана Улая.

Пещера Улая – странное название.

Узнав о существовании пещеры столь знаменитой, я на следующий день отправился на ее поиски. Ориентиров у меня не было, я полагался на собственное чутьё. Правда, не надо было прилагать особенных усилий, так как пещера (точнее, вход в пещеру), располагалась в бору обрыва к реке в нескольких шагах от туристской тропы. Тем не менее, эта маленькая удача меня порадовала: ведь я «открыл» пещеру самостоятельно, никого не расспрашивая.

Просторный вход довольно быстро заканчивался завалом, скорее всего искусственного происхождения, так что подземного путешествия не состоялось, да и не предполагалось изначально: без снаряжения и подготовки, а главное – без четко проставленной цели это мероприятие не имело смысла. Итог – сам факт пребывания и цепочка ассоциаций, разбуженная этим событием, явилось тем самым волшебным стержнем, на который были нанизаны страницы воспоминаний, написанные в Велегоже.

Что касается пещеры атамана Улая, то существует множество легенд и рассказов очевидцев, пытавшихся в разное время проникнуть в нее с большим или меньшим успехом. Есть свидетельства, что некоторым спелеологам удалось проникнуть вглубь пещеры до 400 метров. Легенды утверждают, что система подземелий Улая простирается под руслом Оки и имеет выход на левом берегу реки, но документальных подтверждений не имеется.

Некоторые фактические данные о пещере Улая и ее окрестностях, почерпнутые мною из литературных источников и Интернета много позже, я привожу ниже:

«В двух верстах от Тарусы находится «Улайская гора». Вид этой горы очень живописен, у подножия ее протекает р. Ока, а по вершушкам и склонам растет лес, принадлежащий г. Тарусе. Об этой горе у нас сохранилось много легенд. Старожилы утверждают, что в расщелинах ее находятся пещеры в которых, по преданию, жили разбойники. Утверждают даже, что название горы «Улайская» связано с именем разбойника атамана Улая, сподвижника Кудеяра, который жил в пещерах горы и со своей шайкой наводил страх и панику на окрестных жителей.

На склонах «Улайской горы» построены каменоломни Филатьева, контора и большие балаганы, в которых тешется, распиливается, отделяется и шлифуется камень. Из балаганов во внутрь горы идут под землю коридоры шириною от 2 до 3 аршин, соединяющие их с шахтами, где добывается камень. В некоторых каменоломнях, в особенности принадлежащих г. Губонину и находящихся также в окрестностях г. Тарусы, коридоры углубляются во внутрь горы до нескольких сот сажень. В горе камень расположен слоями – в бесчисленном множестве рядов. В каменоломнях встречаются расщелины.

В окрестностях города Тарусы добывается преимущественно крепкий камень, известный в Москве и других городах под названием «Тарусского мрамора». В каменоломнях Губонина ломается сорт камня под названием «столовый», который при полировке имеет темно-желтый цвет, а у Филатьева вырабатывается сорт камня под названием «московский», при полировке имеющий мутно-сероватый цвет. В последнее время в окрестностях Тарусы разработка камня все более и более развивается. Независимо от некоторых мелких промышленников, на каменоломнях Губонина и Филатьева добывается камня по несколько сот тысяч квадратных аршин и работают несколько сот рабочих.

Рабочие разделяются на четыре разряда: ровщиков, пильщиков, терщиков и каменотесов. Все рабочие содержатся на своих харчах, которые получают из конторских лавок, при этом харчи обходятся рабочему от 7 до 9 рублей в месяц. Самая трудная работа исполняется ровщиками, работающими внутри горы. Зарботки ровщиков колеблются от 0 до 50 рублей в месяц, иногда по несколько недель идет в рядах ломанный камень, за выборку которого ровщики не получают ничего, т.к. работают с аршина годного камня. В таких случаях ровщики проедаются и остаются без заработка, входят в долги к хозяевам. Но за то при цельных слоях камня ровщики имеют легкий и хороший заработок. Пильщики при сдельной работе от 3 до 4 рублей за тысячу квадратных вершков зарабатывают в неделю от 3 до 5 рублей. Терщики в большинстве случаев незрелые, зарабатывают в неделю от 2 р. 50 к. до 3 р. Зарботок каменотесов считается с квадратного аршина и достигает 20 и 30 руб. в месяц.

Добываемый камень летом отправляют на баржах по р. Оке, а зимой на лошадях до ст. Иваново Московско-Курской железной дороги. Местом сбыта служит Москва и другие большие города.

Работы на каменоломнях продолжаются круглый год, зимой камень для предохранения от разрыва морозами сушится в сушилках. Внутри горы, во рвах, работы производятся при керосиновом освещении в жестянках без стекла. Воздух постоянно спертый, пропитан сыростью, га-

рю и копотью, вследствие этого рабочие, главным образом ровщики, всегда бывают закопченными и вымазанными в ламповую сажу.

Для постороннего наблюдателя работы в горе, во рвах, представляются опасными для находящихся там людей. В коридорах и площадках потолки поддерживаются плохо сложенными каменными устоями, на которые положены тонкие жерди. В широком пространстве между жердями в потолках заметны трещины с висящими большими камнями, держащимися только деревянными клиньями. Несмотря на кажущуюся опасность при раскопках бывает мало случаев обвалов потолка и ушибов людей.

Пильщики, терщики и каменотесы работают летом под шатрами на воздухе, а зимою в балаганах, имеющих для вывозки камня плохо затворяющиеся ворота, в щели которых постоянно дует ветер и обдаёт рабочих сыростью и холодом. На полу постоянно грязь, мокрый песок и лёд, т.к. при распиливании камня с песком употребляется вода. Несмотря на постоянную топку балаганных печей, внизу всегда чувствуется холод, а сверху страшная жара.

В этих же балаганах, как нам пришлось наблюдать в прошлую зиму, в каменоломнях Губонина помещаются не только столовые, но и спальни, так что рабочим среди грязи и сырости от пыльной работы и каменной пыли от каменотесной приходится обедать, ужинать и спать. Для спанья рабочих в балагане наверху устроены хоры. В балаганах же Филатьева имеются отдельные столовая и спальня. При всем этом однако, несмотря на зимнюю неприглядную в гигиеническом отношении обстановку рабочих, среди них замечается мало заболеваний». («Горожанин», «Калужские губернские ведомости» № 126 от 24 ноября 1892 года).

Какой удивительный по своей точности, информативности и художественной выразительности репортаж! Здесь не только в деталях описан весь технологический процесс добычи и транспортировки камня, но и рассмотрены бытовые условия и приведены даже заработки рабочих. Так сейчас не пишут. Глядя на заросшие густым лесом берега Оки, трудно поверить, что за сто с лишним лет не осталось никаких видимых следов от этого крупного (по тем временам) и хорошо отлаженного производства. Неужели это время позаботилось о полном уничтожении материальной памяти, кроме... кроме самих катакомб, вход в которые сейчас тоже закрыт. Надо надеяться, что не надолго...

Тарусский район – далеко не единственный район Подмосковья, где долгое время проводилась ломка строительного камня. Добыча белого камня в Подольском районе велась по берегам рек Десны, Пахры, Мочи

и Лубянки. Непосредственно на территории города Подольска каменоломни прямо находятся под городским парком.

В 1969-70 годах Государственный проектный институт «Фундаментпроект», где я тогда работал, выполнял здесь геофизические исследования на участке нового проектируемого микрорайона. Работы эти так и не были завершены, однако по предварительным данным строительство многоэтажных домов на подработанной территории не рекомендовалось.

Известные входы в каменоломни были взорваны в начале 70-х годов, после того, как в них заблудились двое школьников.

Самая известная пещера района – Силикаты. Считается, что именно с нее началось в 60-х годах освоение спелеологами подмосковных каменоломен.

Домодедовский район. Система Никитская – технически наиболее сложная из всех подмосковных систем, представляющая чрезвычайно запутанный лабиринт, до сих пор не имеющий точной топоъемки. Здесь в 1976 году при попытке пробить вертикальный ход на дневную поверхность погиб один из энтузиастов освоения Никитской системы – В. Шагал.

Нижнее Мячково. Здесь расположены наиболее древние из известных разработок белого камня в Подмосковье. Знаменитая Троице-Сергиевская лавра в Загорске (ныне – Сергиевом Посаде) целиком построена из нижнемячковского известняка.

Ну и конечно же, Москва – белокаменная!. Каменоломни на территории Москвы находятся в Крылатском, Хорошове, Шепилихе, Пресне, Дорогомилове, под Воробьевыми горами, на участке, примыкающем к «Мосфильму» и в некоторых других местах.

В этом отношении Москва унаследовала судьбу многих европейских столиц и крупных городов, возведенных из естественного строительного камня, добываемого в непосредственной близости от стройплощадок.

Вечный Рим и прекрасный Париж, Одесса-мама, славный город Керчь и Северная Пальмира – Санкт-Петербург – все они имели прочную строительную базу в виде многокилометровых, разветвленных систем каменоломен, которые неразрывно связаны с историей этих городов и до сих пор продолжают жить своей, покрытой многовековой тайной удивительной жизнью.

Так что, для любителей подземной экзотики всегда находились и найдутся условия для реализации самых дерзких проектов. Как это и произошло в 70-80-е годы минувшего века с Подмосковьем.

Как нас теперь называть?

Эдуард Альфред Мартель, основатель французской спелеологии (1858-1938), так определил свое научное кредо, как исследователя и первооткрывателя подземных горизонтов:

«Искать утешения от огорчений, причиненных тебе людьми, познавая природу и восторгаясь ее чудесами. Без корыстных интересов, без честолюбия любить науку и заниматься ею ради нее самой. А если труды окажутся незначительными, передать орудия труда тому, тому, кто придет на твое место, тихо перейти в вечный покой».

В 1879 г. в Вене было образовано «Объединение исследователей пещер», которое ставило перед собой задачи изучения австрийских пещер, расширения знаний о них, заботу об организации экскурсий.

В 1890 году наука о пещерах обрела имя: Э. Ривьер предложил термин «спелеология» (греч. *speleion* пещера). В 1892 г. После выступления Мартеля на XII Конгрессе французской ассоциации поддержки научных исследований 4 августа 1893 г., термин «спелеология» получил всеобщее признание. В 1895 г. в Париже было основано «Спелеологическое общество Франции», деятельность которого на протяжении более 40 лет была связана с именем Эдуарда Альфреда Мартеля.

Малоизвестный факт из биографии Мартеля. В 1903 году он побывал в России и посетил район нынешнего Большого Сочи. При обследовании одной из мацестинских пещер Мартель отравился сероводородом, потерял сознание и был спасен проводником.

В конце XIX — начале XX вв. спелеологические общества, группы и клубы возникают в десятках стран Европы и Америки. Энтузиасты-спелеологи, число которых неуклонно растет, открывают тысячи новых пещер.

Вторая половина XX в. стала эпохой великих спелеологических открытий. Большую роль в них сыграло развитие и совершенствование технических средств, тактики преодоления различных препятствий,

специального снаряжения, средств связи и жизнеобеспечения при многосуточных экспедициях. Не последнюю роль сыграли и организационные достижения: спелеологические союзы и объединения возникли более чем в ста странах мира.

За период с 1953 по 1997 год состоялось двенадцать Международных спелеологических конгрессов. В 1965 году был создан Международный союз спелеологов (МСС). Рост спелеологических открытий сопровождался не менее бурным потоком научных публикаций, в которых описывались результаты исследований, делались региональные и теоретические обобщения. Перечислить их невозможно, да, вероятно, и не нужно. Более важно другое: коллективные действия спелеологов всех континентов привели к пониманию единства подземного мира, его неделимости государственными границами, высокой экологической ранимости. Пещеры обладают не только удивительными привлекательными, притягательными качествами, но и способностью накапливать и сохранять разнообразную информацию о природных условиях прошлого. Как заметил чешский археолог К. Скленаж, пещеры — «окаменелая память» человечества. Воспользоваться этими сведениями, прочитать каменную летопись, сохранить ее для потомков могут только люди, непосредственно работающие под землей, то есть спелеологи.

В России под словом «спелеология» традиционно понимается не только наука, изучающая пещеры, но и спортивный туризм, связанный с прохождением пещер. На самом деле их следует различать: спелеология — это, в первую очередь, наука, а спортивно-туристические направления, связанные с посещением пещер, относятся к спелеотуризму.

В английском языке эти понятия также строго разделены: научная спелеология — *speleology*, спортивная — *caving*. Одним из сравнительно новых направлений является спелестология, занимающееся исследованием каменоломен и заброшенных горных выработок. Изучением искусственных подземных сооружений, городских коммуникаций и т.д. занимаются «диггеры» — копатели. О происхождении термина «спелеонавтика» будет сказано в разделе, посвященном экспериментам «Вне времени».

Таким образом, сейчас существует несколько достаточно утвердившихся терминов для обозначения тех или иных групп или сообществ исследователей и просто любителей подземных путешествий, имеющих определенную направленность и различающихся:

– предметом изучения (естественные карстовые пещеры (горизонтальные, вертикальные, лабиринтовые, подводные и т.п.); каменолом-

ни и горные выработки; подземные сооружения различного целевого назначения;

– конечной целью посещения (научные исследования, спортивные достижения, отдых, созерцание и т. п.);

– методикой и техникой прохождения изучения и освоения.

О чем не догадывался Тезей (Основы лабиринтоведения).

*Собственно, это не лабиринт, а одно название.
Надо только на каждой развилке
поворачивать направо – вот и все.
Мы обойдем его минут за десять.*

Дж. К. Джером, «Трое в одной лодке»

Первое упоминание о лабиринте относится к мифическим временам древней Греции. Согласно легенде в поэтическом изложении Овидия, первый лабиринт был создан строителем Кносского дворца на острове Крит – Дедалом. В лабиринте обитал полубык–получеловек Минотавр, которого победил легендарный Тезей. Он впервые воспользовался путеводной нитью Ариадны, позволившей ему благополучно выбраться наружу.

Кносский дворец был разрушен во время внутренних войн, затем засыпан пеплов при катастрофическом Санторинском землетрясении 1520 года до новой эры, и, наконец, обнаружен археологом Эвансом во время раскопок 1893-1920 годов.

Во второй половине XX века точная копия лабиринта была построена на острове Крит греческим бизнесменом Ламбридисом, но уже с электрическим освещением, системой сигнализации для заблудившихся и с электронным Минотавром. Но это – развлекательный аттракцион, не более того. А каково приходится человеку, очутившемуся в реальном лабиринте?

Об этом очень точно сказано в стихотворении Валерия Брюсова «Нить Ариадны», написанном 28 октября 1902 года:

*Вперяю взор, бессильный жадный.
Везде кругом сырая мгла,
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?*

*И я один в беззвучном зале,
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали,*

*В бездонном мраке нет дорог.
Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.*

Если вы оказались в полной темноте, то удивитесь, как трудно пойти в том или ином направлении. Действительно, вы не сможете идти по прямой линии, даже если у вас не будет никаких препятствий на пути.

Пройдя несколько шагов, вы начинаете двигаться в сторону и, возможно, через некоторое время опишите полный круг. Для этого даже совсем не обязательно находиться в темноте. Достаточно, что у вас не будет четких ориентиров, позволяющих точно выдерживать заданное направление. Можно блуждать в густом лесу (заблудился в трех соснах).

Нет нужды об этом говорить, ведь вы играли в жмурки и сами прекрасно знаете, что повернувшись два – три раза, вы не сможете сказать, к какой стене вы стоите лицом.

Об ощущениях человека, заблудившегося в лабиринте, рассказал писатель Майн Рид в книге «Охотники за растениями или приключения в Гималайских горах»:

«Охотники не могли определить, день или ночь. Они только гадали об этом, вспоминая, сколько времени прошло с тех пор, как они попали в пещеру, но такого рода суждениям вообще нельзя доверять. Одни считали, что блуждают уже два дня о и одну ночь, а по мнению других они находились в пещере всего сутки. Первые приводили в доказательство тот факт, что они зверски проголодались, значит прошло много времени. Кроме того, они уверяли, что спали именно ночью, ибо инстинкт подсказывал им время отдыха. Однако, после бессонной ночи они вполне могли заснуть в любое время дня.

Люди, находящиеся в темноте, всегда мечтают о свете, и одному из охотников приснилось, что в пещере вдруг стало светло».

Те же ощущения, только в чеканной поэтической форме передал Виктор Гюго в стихотворении «На пороге бесконечности. Созерцания»:

*Мы ловим каждый звук в пространствах опустелых,
Мы слышим: бродит дух в таинственных пределах,
И темнота дрожит;
Порой в плену ночей, в унылой мгле бездонной,
Нам видится: огнем зловецким озаренный,
Вход в вечность приоткрыт...*

Но вернемся к лабиринту, как к математической абстракции. О лабиринтах, как математических моделях, увлекательно рассказано в книге Сергея Боброва «Волшебный Двурог». Для того, чтобы попасть в волшебную математическую страну, герой книги, школьник седьмого класса, должен попасть в центр запутанного лабиринта и вернуться обратно, что он и делает, воспользовавшись так называемым «правилом одной руки» (неважно, правой или левой). После этого испытания сопровождающее мальчика фантастическое существо – квадратный корень Радикс, читает ему лекцию об основах лабиринтоведения.

Теория лабиринтоведения должна дать ответ на два ключевых вопроса, имеющих практическое значение:

– Можно ли обойти лабиринт любой сложности так, чтобы не пропустить ни одного закоулка, и, в то же время, не делать лишних передвижений.

– Можно ли найти кратчайший путь к центру лабиринта.

Предлагая читателю различные по сложности модели лабиринтов (тупик, петля и т. д.), и рассматривая их с точки зрения математической теории, называемой топологией, лектор переходит от топографического плана лабиринта к топологической схеме его обхода. Вот тут–то и выявляется одно общее правило, зная которое невозможно заблудиться в любом, без исключения, самом затейливом лабиринте. Это так называемое правило «двойного обхода», которое гарантирует исследователю не только возвращение наружу, но и полный обход всех разветвленных сколь угодно сложно связанной системе ходов.

Сущность этого правила понятна, а как быть с кратчайшим расстоянием? Здесь двойное правило бессильно. Здесь поможет только точный план. Существует только один способ кратчайшего обхода, но он скорее умозрительный, чем практический. Хорошо, если кто-то позаботился о плане заранее. Ну, а если плен приходится составлять самому, да еще в темноте? Как тут не вспомнить о путеводной нити Ариадны! А поможет ли в лабиринте путеводная нить?

Знаменитый американский исследователь пещер Уильям Холидей по этому поводу пошутил: – если пещера такова, что для ее обхода можно воспользоваться клубком ниток, то ее можно спокойно обойти без этого клубка. (Если вы можете унести с собой такое количество шпагата, чтобы от этого был толк, то пещера недостаточно велика, чтобы в ней заблудиться. Дж. Джексон, спелеолог из штата Индиана).

Знание приемов топографии и маркшейдерии позволяет составлять точные планы любых подземелий – будь то катакомбы, заброшенные рудники или карстовые пещеры.

Так где же начало того конца, которым оканчивается начало? – вопрошал в свое время Козьма Прутков.

А вот как изменилось за два последних века отношение человека к лабиринту, как источнику человеческих эмоций:

Конец XVIII века – Извивы лабиринта не ласкают взгляд. (Александр Поп, «Опыты о морали», 1781 г.).

Конец XX века – Лабиринт – тот же тупик, просто там не так скучно. (К. Мелихан, Л.Г. №19, 11 мая 1983 г.).

...если бы мы захотели и отважились создать архитектуру, которая бы отражала собою наши души... нам пришлось бы взять за образец лабиринт.

Нищие.

Значит, самое главное – не столько захотеть, сколько отважиться на создание архитектурного отображения человеческой души!

Лабиринты Киево-Печерской лавры могут служить лишь весьма приближенной моделью человеческой души, и это несмотря на то, что они являются прибежищем (или вместилищем?) стольких праведных христианских душ.

Киевские пещеры

*Тают зеленые свечи,
Тускло мерцает кадило,
Что-то по самые плечи
В землю сейчас уходило.
Чьи-то беззвучно уста
Молят дыханья у плит.
Кто-то, нагнувшись, «с креста»
Желтой водой их поит...
«Скоро ль?» – Терпение скоро...
Звоном наполнились уши,
А чернота коридора
Все безответней и глуше...
Нет, не хочу, не хочу!
Как ? ни людей, ни пути?
Гасит дыханье свечу,
Тише... ты должен ползти.*

Иннокентий. Анненский

9. ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ...

Страхи мнимые и действительные

*...Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,
Средь ужасов и мрака потонуть...*

А. Блок, «Песнь ада»

«...к печальному царству Гадеса ведут бездонные пропасти, которые начинаются на поверхности земли. Мрачные реки текут там, а души умерших оглашают своими стенаниями их берега. Там, во тьме, бродит ужасный призрак Эмпуга на своих ослиных ногах. Он заманивает людей хитростью и, затащив их куда-нибудь в укромный уголок, выпивает их кровь, а затем с жадностью набрасывается на полуживые тела. Ужасно царство Гадеса и ненавистно оно людям».

Гесиод, философ и поэт, «Теогония»

Начну с цитаты: «Люди всегда избегали пустынь, горных пиков, пещер, морских глубин, болот. Когда-то они боялись ночной темноты, населяя ее привидениями и духами. Их мучил страх перед неизвестностью. Большинство подвигов по покорению горных вершин, пещер и переходу через пустыни совершено на памяти ныне живущих людей (новая техника, научные достижения). Странно, что мы запоздали с освоением этих мест. У нас появилось телевидение и атомная бомба, прежде чем был покоен Эверест. В Бразилии в руинах затерянного города люди каменного века наблюдают за спутниками.»

(Уильям Малвихимл «Пески Калахари»).

Трудно согласиться с автором этих строк. Достаточно вспомнить легендарных шерпов, исконных жителей Гималаев. Или туарегов, прекрасно приспособленных для жизни в пустыне. А как быть с многочисленными находками следов пребывания древнейших антропоидов в столь труднодоступных уголках пещер, которые лишь случайно были открыты в наше благословенное время новой техники и научных достижений?

В то же время, атавистический страх перед темнотой не является привилегией наших суеверных предков. Он в одинаковой степени присущ и современным людям, обогаченным (или отягощенным?) грузом всевозможных знаний естественной истории, только проявляется может быть в других формах. Да и сам автор цитируемых строк опровергает домыслы своих героев, повествуя о бесстрашных бушменах, которые не только способны были жить в условиях безводной пусты-

ни, но создали замечательные образцы пещерной живописи... Так в чем же дело? В каких генетических программах заложены у человека это стремление к неизведанному?

Генрих Гейне считает, что *Nogrog vacui* – боязнь пустоты – которую мы приписываем природе, фактически является врожденной человеческому сердцу.

По мнению Гумбольдта, в самых различных и самых примитивных языках существует некоторое число образов, которые одинаковы, потому что они зиждутся на природе нашего разума и наших чувств.

«Повсюду мрак связан с представлением о смерти. Пещера Карипе – это Тартар древних греков, и гуахаро, парящие над потолком и испускающие жалобные крики, напоминают птиц, летающих над Стиксом...»

(А. Гумбольдт, сентябрь 1799 г., пещера Карипе, Бразилия).

XX век мало что добавил в копилку наших знаний о природе различных страхов и фобий, связанных с пещерами и сопровождающей их вечной тьмой.

Высказывания наших современников почти текстуально совпадают с рассуждениями и древних мыслителей, и естествоиспытателей XVIII – XIX веков касающимися этой темы.

Боязнь темноты перешла к нам, наверно, от тех времен, когда нашим что ни на есть дальние предки сидели где-нибудь в пещере у огня, а дикие звери подкарауливали их на каждом шагу, стоило только отойти хотя бы за три дерева. Ночь в те времена была враждебной стихией для человека, ибо она делала его вполне беспомощным.

Вл. Солоухин, «Трудная наука»

Ночь жгуче почернела, это была вспышка темноты. Все налилось кромешной тьмой, и оттуда, из теплой бездны, дохнуло приятным детским страхом. Там бесшумно скользили мохнатые хищники, кто-то притаился в засаде.

Д. Гранин, «Картина»

Помню, возле нашего деревенского дома был колодец. Он притягивал к себе, маня заглянуть в его обрамленную мхом глубину. Крикнешь – и звук камнем падает на далекое дно, а потом медленно всплывает, перекатываясь по черным бревнам сруба. Казалось, колодец так глубок, что уходит куда-то к центру земли.

Вл. Панков, «Путешествие в геокосмос», С.Р., 03.07.85

Gluckauf! – в этом «глюкауф» заключались все страхи подземной жизни, все надежды на то, чтобы живым выбраться из глубины земли и снова увидеть озаренное звездами небо.

В. Пиккуль, «Цветы в облаках», С.Р., 16.11.86

Но, как всегда, только языком поэзии можно передать главные переживания человека, отважившегося переступить порог между привычным мироощущением и неизведанностью подземелья:

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами
И нет преград меж ней и нами,-
Вот отчего нам ночь страшна!
Ф. Тютчев*

*Не верь мечте, что может где-то кто-то
Жить средь погасших звезд там, в высоте,
Иль сотрясти могучие ворота,
Что Бог воздвиг, – не верь, не верь мечте.
Ведь свет – не свет, когда он тьмы не встретит.*

Дон Маркис

Мефистофель:

*...Там, в пространстве, в пропасти глубокой,
Нет ничего, там шаг не слышен твой,
Там нет опоры, почвы под тобой.*

Гете, «Фауст»

*Ступлю вперед – навстречу мрак,
Ступлю назад – слепая мгла...*

А. Блок, «Книга о свете и тени»

Творение рук человеческих не может быть примитивным.

*Наскальная-то живопись понятней,
чем левая. Та – суше и темней.
Быть может к предкам двинем, на попятный,
не разгадав секреты тех теней,
не разгадав секреты тех мазков
и тайны одиноких тех мозгов?*

Борис Слуцкий

Первое документальное упоминание об искусстве эпохи палеолита относится еще к 1575 году. К настоящему времени во Франции открыты более 120 пещер с древними наскальными рисунками.

Французских археологов можно в очередной раз поздравить с большим научным открытием. Производя раскопки в заброшенном известняковом карьере близ города Периче на юго-западе страны они открыли заваленный ход в пещеру. А после того, как проникли в нее, увидели целую картинную галерею. Стены пещеры расписаны многочисленными рисунками с изображениями мамонтов, диких лошадей, других животных, а также цветов. Возраст творений доисторического художника (или художников) не менее 25 тысяч лет. Найдены также различные орудия труда которыми пользовался человек приблизительно в ту же пору.

Почему же современного человека не оставляют равнодушным эти художественные послания, донесшие до нас через тысячелетия его живое восприятие окружающего мира. Антуан де Сент Экзюпери считал, что наш предок когда-то нарисовал оленя на сводах пещеры и спустя двести тысяч лет движение человеческой руки еще излучает его тепло. И поэтому волнует нас, продолжается в нас. Быть может, эта энергетика, сконцентрированная в пещерных рисунках, не дает оборваться связям между столь далекими поколениями людей?

На стенах и потолках пещер нет прямоугольного обрамления, вообще нет рамок, нет границ, в которых мы привыкли воспринимать произведения живописи.

В пещерах с росписями палеолита образы в свете факела возникают из каменного чрева Земли и погружаются в его глубины, череда образов, кажется, может идти бесконечно долго от зрителя, не повторяя в точности ни одного прежнего сюжета и вместе с тем ритмично чередуя противоположные по современному символическому смыслу группы изображений, согласно неповторимому естественному рельефу каждой пещеры.

В этих сырых подземных полостях свет фонаря может вырвать из тьмы не только образы могучих млекопитающих, но порой и контур рыбы или змеи и фигуру птицы.

Тогда особенно наглядно предстанут в первобытном их осмыслении и выражении все четыре стихии природы (огонь, земля, вода, воздух), от которых через много тысячелетий отправлялась мысль античных мудрецов в поисках взаимосвязи явлений.

Но и за сотни веков до них, пытаясь постичь взаимосвязи небесных и земных ритмов бытия, человеческого и животного мира, палеолитический человек передавал свое изумление, потрясение, прозрение во взаимопроникающих ритмах орнамента и календаря, в первобытных канонах скульптуры и математики, живописи и биологии.

Согретые теплом его творящих рук, эти шедевры открывали для будущих поколений непреходящее единство познания истины и красоты мира.

«Спящая красавица»

«В Змеиной горе, в пещере длиной около 45 метров на стенке с левой стороны, обнаружено изображение женской головы азиатского типа.

О том, что в пещере есть изображение женщины, было ранее известно жителям села Ново-Хатуничи. Но дошло ли до нас это изображение из прошлого века, или сделано кем-нибудь из местных художников, установить может только лишь специалист. Однако, по типу лица есть основание предполагать, что изваяние сделано аборигенами в прошлом веке».

(Из письма ученого секретаря Приморского географического общества СССР В.Г. Приходько академику А.П.Окладникову)

«Обнаружено на стене изображение головы женщины азиатского типа. По всей вероятности, это изображение современное, потому что профессор Куренцов был в этой пещере более 10 лет назад и не видел этого изображения».

(Из письма спелеолога-любителя Ефрема Гавриловича Лешона академику Окладникову).

Два письма, содержащие совершенно разные оценки одного и того же изображения, найденного сравнительно недавно в Приморском крае.

А вот как комментирует находку «Спящей красавицы» сам академик Окладников:

«Перед нами на отвесной стене грота из мрака выступало лицо – живое, человеческое. Нечто совершенно неожиданное, своеобразное! Это было то, о чем фотография могла дать только приблизительное и упрощенное представление. Да, конечно, мой спутник Лешок был по своему прав, когда окрестил пещеру именем «Спящей красавицы». С первого взгляда она, эта скульптура производила впечатление женской головы. Так изящны были формы этого лица, так тонки линии резьбы, которыми неведомый скульптор оконтурил ее глаза и рот. И столь же нежно был оформлен подбородок, узкий и тонкий. Но стоило взглянуть на нее с другой стороны, не в фас, а сбоку, или в другом ракурсе – сверху и скульптура мгновенно меняла облик. В ней выступало новое начало, суровое и жестокое. Властные, сухие губы, замкнутые печатью вечного безмолвия.

Слегка прищуренные глаза, от которых исходило впечатление жестокости и сосредоточенной внутренней силы. Голова покоилась на

длинном сталагмите, представлявшем естественную шею скульптуры. Скульптор не прикоснулся к нему резцом, да этого и не нужно было. Выпуклая, изящная шея только усиливала общее впечатление аристократичности, спокойствия и даже какой-то надменности, а может и отрешенности от мира. Словом, скульптура Пейшулинской пещеры изображала, скорее всего, какого-то знатного воина – аристократа. И уж, конечно, сразу отпала мысль о том, что ее мог выполнить ради шутки фальсификатор, какой-нибудь художник нашего времени. На ней лежал явственный отпечаток прошедших веков. С нами своим необычным языком говорил настоящий мастер, художник высокого класса, достигший высот культуры своего времени, а не простой ремесленник».

Для проходившей в 1981 году в Париже выставки «Наука на службе искусства» был создан полный дубликат одного из залов пещеры Ласко. Методом фотостереограмметрии был точно воссоздан рельеф сводов подземного зала. Их изготовили из пластмассовых блоков на фанерном каркасе.

На поверхность пластмассы нанесли 200 фотографических «переводных картинок» размером 80 X 60 см.

Эффект был полным и выставка имела большой успех. К сожалению, в Париже не нашлось помещения для постоянной экспозиции, и сейчас макет, разобранный на части, хранится в подвале одного из музеев.

(Bildung Wissenschaft, №9, 1981. НУЖ, 12-81).

Пещерное искусство. Пунктирный след веков... Тропинка длиной в тысячелетия.

Творчество доисторических художников исполнено глубокого общечеловеческого смысла. Его отличает единство идеи при разнообразии изобразительной формы.

Grotta Azurra (Подводные пещеры)

*Мне так бы хотелось, хотелось бы мне
Когда-нибудь, где-нибудь выйти из дому
И вдруг очутиться вверху, в глубине,
Внутри и снаружи, где все по другому.*

В. Высоцкий

Прикосновение к подводным пещерам и гротам, расположенным в прибрежной полосе Черноморья, не имеет ничего общего с преодолением сифонов в обводненных пещерах горного Крыма. Ни по сложности прохождения, ни по богатству красок и световых эффектов, возникающих при взаимодействии тени, света и морской воды.

Сестры Цветаевы оставили свои яркие и колоритные воспоминания о подводных пещерах Капри и Карадага:

Медленно рассветало. По поднимающимся в этом рассвете скалам серая сизость ползла по уступам, тая, правда сизую синеватость, тусклую. Но когда в некоем обманутого ожидания, я опустил глаза, – в том, что было водяным полом грота, сверкнул синий огонь, будто вспыхнула там сапфировая лампа, гномья...

Что это? Показалось? Но уже сверкали вокруг лодки, медленно ехавшей, синие огни, голубые струи. Мы ехали по горячей синеве! Что заставило оторваться от чуда? Тишина над нами? Нет, невозможное на земле зрелище: скалы струились голубыми теньями по синим уступам волшебных сводов. Высоких, как первые на свете горы. Лодка плыла из залы в залу по синему водяному дворцу.

Память о Гроуте Фей, в розовом и пурпурном закате плыла, как сон со мной, в Лазоревом гроте. Тут не было факелов. Своды сами светились невиданным на земле светом. Не рассветало, нет, – и может быть даже наоборот, – рассвет ведь, имея началом тьму ночи, через синеву голубеет, серее и превращается в белизну дня. А тут – из сперва разорвавшихся стен грота, вдруг поползших вверх, проступилась легкая высь, голубая и стала литься вниз, по уступам расступившихся сводов, ниже, кругом, вдаль, вглубь. Сбрасывая только что бывший пепел, как кожу змея. Но и ее уже, как ненужную ветошь, сбрасывал разгоравшийся голубой огонь, уступая себя еще более синему. Так расцветает, вставая солнце, но и солнце, поднимаясь, бледнеет, а это – а это уже захватывало дыхание – почти нестерпим глазам праздник зрения! Разум отказывается верить в этот фантастический цвет.

Анастасия Цветаева «Поездка к Горькому»

А это – вход в Аид. Сюда Орфей входил за Эвридикой. Входим и мы. Света нет, как не было и тогда, только искры морской воды, забрасываемой нашими веслами на наседающие, но все-таки расступающиеся – как расступались и тогда – базальтовые стены. Конец гроту, то есть выхода входу, но не помню, прорезали ли мы скалу насквозь, то есть оказались ли мы под воротами, или повернув на каком-нибудь морском озере свою рыбу-пилу вернулись по своим, уже сглаженным следам – не знаю. Исчезло. Помню только вход в Аид.

– В Аид надо входить по одному. Сколько водили меня по черным ходам жизни, заводили и бросали, – выбирайся как знаешь. Что я в

жизни видела, кроме черного хода? И чернейших людских ходов? А вот что: вход в Аид!

Марина Цветаева, «Живое о живом», Кара-Даг.

*На сверкающем глассере белом
Мы заехали в каменный грот,
И скала опрокинутым телом
Заслонила от нас небосвод.
Здесь, в подземном мерцании зала,
Над лагуной прозрачной воды,
Мы и сами прозрачными стали,
Как фигурки из тонкой слюды.
И в большой кристаллической чаше
С удивлением глядя на нас,
Отраженья неясные наши
Засияли миллионами глаз.*

Ник. Заболоцкий, «Морская прогулка»

Сравнить восторженное, поэтическое описание Голубого грота можно в какой-то степени с моими первыми впечатлениями о подводном гроте и тоннелях на мысе Тарханкут и подводных пещерах Сердоликовой бухты.

Тарханкут – 1967 год. Подводные пещеры, полузатопленный тоннель со сквозным отверстием в кровле. Таинственный полумрак сводов и ослепительная белизна известнякового ложа. Запах иода и ласковое похлопывание волны – как ладошкой. Крабы и зеленушки. Вздохи и лепет прибоя, юркие обитатели, сиреневые сумерки, рассеянное освещение, идущее откуда-то извне, живительная прохлада после раскаленных скал...

Карадаг. Прохождение подводного тоннеля под скалой – волнующая операция, но условия несравнимы с пещерами. Во-первых, температура воды – на 10-12 градусов выше, чем в пещерах; во-вторых, – видимость значительно более лучшая; в-третьих, богатство световых и цветовых сочетаний придает морским подводным гротам неповторимое очарование.

«На Тарханкутском полуострове есть чрезвычайно интересное место. В нескольких километрах к югу от Оленевки поднимаются обрывистые известняковые массивы (Большой и Малый Атлеш). На этом участке побережье изобилует пещерами, гротами, нагромождениями глыб. Очень живописны бесконечные береговые обрывы, глубокие

гроты и пещеры с мерцающими блестками проникающего в них света, желтые пляжи уютных бухт, голубое небо, синее море». (В. Лебединский. «С геологическим молотком по Крыму»).

Пещеры Полярного Урала

Наиболее раннее известное упоминание о пещерах Северного Приуралья содержится на карте мира, составленной итальянским монахом Мауро около 1459 года (Материалы для истории географического атласа России, 1871, стр. II – IV). Оригинал находится в Венеции во Дворце дождей.

Страна Пермия и ее обитатели пермяки «...далее к северу они живут в пещерах и под землю вследствие чрезмерной стужи...»

(Скорее всего, речь идет об углубленных в землю жилищах древних обитателей Севера).

Первые достоверные сведения о пещерах Северного Урала относятся к XVIII веку. (Управляющий Уральскими казенными заводами генерал Вильгельм де Геннин – выдающийся инженер). «При реке Яйве положение реки весьма крутое и камень весь голой не имать на себе лесов. В оной горе или камне скважине величиной показуетца снизу, яко очаг печной, а когда по оной для просмотра с великим трудом взошел, то та скважина вличиной оказалась, что можно в ней каретой с шестью лошадьми въехать. Свод имеет от природы своей плоский и страшной; понеже оной камень при верхнем своде расщелился и висит. А внутрь видна великая глубина, якобы пропасть, в которую для усмотрения подлинной глубины оной пропасти конца бросали с огнем бересту; но только самую глубь оной ямы или пропасти достигнуть зрением не могли...»

(Де Геннин, 1828, стр.98-99. Соликамский район).

«... и подобные жилища имеются в России и в Сибири в большом числе. Такие же (пещеры), должно быть, находятся по реке Печоре (откуда происходит ее название), но я их не видел».

Из книги «Северная и восточная часть Европы и Азии» – Филипп Иоганн Штраленберг (шведский офицер, содержавшийся в плену в Тобольске).

Географ, капитан Н.П. Рычков совершил маршрут по реке Колве и посетил Дивью пещеру.

«Сия пещера есть не что иное, игралище или действие подземных вод... водяных капель, которые, садясь на твердый камень, превращаются в горный жир и, окаменев, составляют различные удивления до-

стойные вещи. Иногда слились они наподобие искусством сделанных столба, инде висят на верху храмины, как свечи из белого воска, нарочно будто поставленные для освещения храмины».

(Рычков, 1772, стр. 88 – 119).

В 1772 году академик И.И. Лепехин совершил путешествие в заповедную тундру:

«Вся Самоядская земля нынешней Мезенской округе наполнена запустевшими жилищами некоего древнего народа. Находят оные на многих местах, при озерах на тундре и в лесах при речках, сделанных в горах и холмах наподобие пещер с отверстиями, подобными дверям.»

(Лепехин, 1805, стр. 203).

Встречаются наивные сопоставления древнего этнического и топонимического понятия «пещеры» и «Печора» с русским словом «пещеры».

(Лербегр, 1819, Шренк, 1848).

Л. Лиходеев «Богатая снежинка» (О Кунгурской пещере):

Когда романтика регламентируется, она превращается в отчетное мероприятие. И тогда умолкает легенда, мертвеют камни, а дороги и тропы превращаются в пути сообщения.

Путь к пещере полон контрастов.

«... не очень опрятное помещение с небольшой кассовой амбразурой и двумя вертящимися витринами с видами великих пещер. Если какие-либо родители не пожелают, чтобы их чадо стало спелеологом, пусть покажут ему эти витрины.

Эфемерная красота, которую нельзя потрогать руками.

Озеро небывалой, немислимой прозрачности и неземного покоя... хотелось стоять и мечтать и пребывать в этом невесомом состоянии, которое не так уж часто встречается в будничной суете...»

У входа в Капову пещеру

Когда-то было такое: зимний Урал, нетронутый снег перед входом в Капову пещеру. Там, в глубине, известные на весь мир древнейшие наскальные рисунки. Мы, семеро студентов МГУ, только что сбросили рюкзаки и теперь меняем телогрейки на легкие штормовки – под землей должно быть на 10-12 градусов теплее. Мы хотим осмотреть начальную часть пещеры, где завтра предстоит работать нашей научно-спортивной экспедиции.

Собрались, шагнули в грот и замерли. На пути встал перелесок из ледяных сталагмитов. Были прямые, но больше наклонных под самыми невероятными углами. Увесистые, в человеческий рост, канделябры, и рядом – тонкие, похожие на лыжные палки, они рельефно выделялись в свете зимнего морозного дня на темном фоне свода пещеры. Удивленное молчание... и чье-то тихое «ах!». Хрустальный звон в ответ. Расколовшись на мелкие кусочки, лежали у наших ног и ледяные канделябры и лыжные палки... Мы с сожалением фотографировали обломки и оставшиеся кое-где столбики.

Встряхнуло воздух случайное восклицание, и повалились неустойчивые ледяные сталактиты. Вот он, спусковой крючок. Да, чтобы ему сработать, нужна была особая обстановка пещер, где выросли странные, ветвящиеся, наклонные сталагмиты. В обычных условиях «открытого всем ветрам» мира такие внутренние напряжения давно разрешились бы сами собой или вообще не смогли бы возникнуть.

(Л.Алексеева. «Небесные сполохи и земные заботы» М.: «Знание», 1985).

Ледяные пещеры Антарктиды

До сих пор речь шла о мире камня, где лед играл роль естественного заполнителя подземного пространства, то есть, вспомогательного декоративного материала, создающего своеобразные причудливые формы и оптические эффекты. Во всех этих случаях приоритет архитектурного построения подобных ледяных пещер принадлежит, все-таки, камню. А что если роль породообразующего минерал возьмет на себя именно лед? И где найти такие условия, чтобы масса льда была достаточной для того, чтобы разместить в своем чреве солидные галереи и залы, а время существования позволило бы проявиться основным циклам развития подобных сооружений.

Такие условия могут существовать либо в зонах высокогорных ледников, либо на островах, расположенных в высоких широтах Северного Ледовитого океана, либо в условиях континентальных глетчеров Антарктиды.

О своем посещении ледяных пещер Антарктиды рассказал путешественник и писатель Рыбаков в книге «Под водой в Антарктиде»:

«Одно из самых ярких впечатлений об Антарктиде оставляет посещение пещер, образованных в недрах айсберга.

Отверстие вело в овальный тоннель диаметром около 5 метров. Волнистая поверхность стен светилась мягким сиреневым светом.

Ощущение свечения создавалось бликами на гребнях ледяных волн и переливами света на кристаллах инея. Конец тоннеля терялся в толще айсберга и был завален глыбами льда, но одно из боковых отверстий выходило наружу.

Эту пещеру мы посетили зимой, когда мороз сковал море. Там, где ранее была вода, простирался гладкий ледяной пол. С потолка и стен шатрового зала свисала фигурная бахрома кристаллов инея. Стены и потолок в залах, куда снаружи попадал воздух, также покрыты инеем.

В теплое время года айсберг, как огромный холодильник, конденсирует влагу из воздуха. Кристаллы инея и снежинки, увеличенные во много раз, достигают в диаметре нескольких десятков сантиметров. Эти ажурные создания природы так хрупки и изящны, что от малейшего звука и движения воздуха осыпаются с хрустальным звоном. Сопровождаемые этим нежнейшим аккомпанементом, мы двинулись дальше и через узкий, слегка наклонный проход проникли в следующий зал. Далее просматривались еще несколько залов, наполненных необычным сочным фиолетово-синим светом. Ледяные стены, идеально отполированные, словно оптическая система зеркал, передавали лучи света от входа в глубину, и совершенно неожиданно в темноте на стенах высвечивались отдельные участки льда. Под ногами у нас – нежнейшая поросль ледяных кристаллов, и мы долго стояли раздумывая, идти дальше, или вернуться, оставив нетронутой эту красоту...

Чем глубже мы продвигались в толщу айсберга, тем темнее становилось. Слабо светящаяся сиреневая мгла скрадывала размеры свободного пространства. Пламя свечи чуть колыхалось под слабым потоком воздуха, на ледяных стенах вспыхнула феерия красок. Невозможно выразить словами все великолепие и разнообразие оттенков света, плясавших перед нами».

И опять возникает вопрос: нужно ли подсвечивать цветными прожекторами ледяные образования в Кунгурской других ледяных пещерах? По-моему, это равносильно тому, чтобы пытаться улучшить игру самоцветного камня с помощью фольги-подложки.

Рукотворный лабиринт за Полярным кругом.

«Ничто не вечно под Луною, за исключением вечной мерзлоты». Так утверждают ученые – геокриологи (мерзлотоведы). Конечно, это явное преувеличение, однако, по сравнению с быстротечной человеческой жизнью может сойти за приближенную рабочую гипотезу.

Проблемы строительства в зоне вечной мерзлоты привели к необходимости изучения свойств мерзлых пород в обстановке, максимально приближенной к реальным условиям строительства и эксплуатации, то есть непосредственно внутри мерзлоты.

С этой целью в начале 30-х годов в Заполярье были созданы три научно-исследовательских мерзлотных станции с искусственными подземельями, позволяющими вести круглогодичные наблюдения, фиксируя малейшие изменения в поведении такой капризной и чувствительной субстанции, как вечная (точнее, многолетняя) мерзлота.

Станции располагались в Якутске, Игарке и Вилуйске.

В Игарке в 1930 г. была открыта сначала научная лаборатория, а в 1931 г. – Игарская научно-исследовательская мерзлотная станция (ИНИМС) Института мерзлотоведения Сибирского отделения АН СССР. До настоящего времени она сохранилась в Игарке, правда, стала называться Игарской геокриологической лабораторией.

Подземная лаборатория ИНИМС была создана с целью изучения многолетнемёрзлых грунтов.

В декабре 1936 года мерзлотоведы приступили к выработке большого опытного подземелья. При этом строителей интересовали эксплуатационные вопросы, в частности, возможность создания дополнительного охлаждения грунтов за счет зимней вентиляции и возможности использования подобных подземных сооружений в качестве естественных холодильников и транспортных магистралей. Разработанная схема зимней вентиляции подземелья была позднее реализована в Кунгурской пещере, о чем я упоминал в соответствующей главе.

Строительство велось с большими перерывами. Сначала были вырыты шахтные колодцы глубиной 8,65 м (восточная шахта) и 6,94 м (западная шахта). Затем работы по заглублению были приостановлены и начаты встречные штреки сводчатой формы высотой 2 м. В марте 1938 г. встречные штреки обеих шахт сомкнулись. По обеим сторонам главного тоннеля были оборудованы камеры-термостаты, круглогодично сохраняющие постоянную отрицательную температуру окружающего подземного пространства ($-2,2\text{ }^{\circ}\text{C}$). Позднее был пробит наклонный тоннель и оборудована камера на глубине 14 м ($-0,6\text{ }^{\circ}\text{C}$).

В 1965 г. в одной из камер подземелья был создан Музей вечной мерзлоты. Идею создания такого музея высказал Михаил Иванович Сумгин – основоположник советского мерзлотоведения, автор много-

численных научных работ, первого учебника для студентов факультета мерзлотоведения МГУ, руководитель Комиссии (впоследствии Комитета) по вечной мерзлоте при Академии наук СССР.

Игарская подземная лаборатория была первым искусственным сооружением, построенным в вечномерзлом грунте. Позднее по опыту этого сооружения в хозяйственных целях были созданы склады-холодильники: в 40-х годах в Усть-Порту на рыбоконсервном заводе – склад-холодильник для хранения рыбы, в 50-х годах – на оптовой базе Игарторга – склад для хранения скоропортящихся продуктов. Свое назначение эти сооружения полностью оправдали.

Воплощая в жизнь идею М.И. Сумгина о сохранении документов, музейных и исторических ценностей в подземных хранилищах, сотрудники Игарской НИМС 6 апреля 1950 г. произвели закладку в пол одной из камер контейнера с газетами военного периода – «Правды», «Известий», «Труда» и «Красноярского рабочего».

Вскрытие контейнера будет приурочено к 100-летию со Дня Победы – 9 мая 2045 г.

Музей в вечной мерзлоте не имеет аналогов. Это единственный в мире музей, стабильно сохраняющий температурный режим вечной мерзлоты, ее первозданную красоту и хрупкость.

Несмотря на пессимистические прогнозы о последствиях глобального потепления климата, сотрудники музея вечной мерзлоты особых тревог не испытывают. Проблема потепления может представлять реальную угрозу, прежде всего, регионам с тёплым климатом. В северных же широтах запас холода достаточно велик.

Мне посчастливилось в середине 70-х годов работать в Игарском мерзлотном подземелье, где я проводил серию заключительных экспериментов для своей кандидатской диссертации.

Конечно, нельзя сравнивать этот локальный подземный полигон с многокилометровыми лабиринтами каменоломен, однако, условия работы в нем мало отличались от условий Кунгурской пещеры, разве что, комфорта побольше, да выход ближе.

В этом подземелье невозможно заблудиться даже при полном отсутствии освещения.

После суточного дежурства в мерзлотной камере самым приятным занятием было для нас посещение парной в расположенной поблизости бане Рыбкомбината.

Сделанные по рекомендациям игарских ученых подземные складские помещения, в которых мне также довелось поработать, по раз-

мерам и строению соизмеримы с привычными системами подмосковных каменоломен. Правда, в них намного холоднее.

Заключительным аккордом полевого сезона стало путешествие по Енисею от Игарки до Красноярска на туристическом теплоходе с циклом лекций об Игарском подземелье, Кунгурской пещере, Якутской мерзлоте и перспективах освоения Российского Заполярья.

А 15 октября 2010 года «Игарская мерзлотка» торжественно отметила свой 80-летний юбилей.

Пещеры и архитектура

Тринадцать спиц соединяются в одной пустой ступице, и от того что не существует, от пустоты в ступице зависит польза колеса. Из глины делается сосуд и от того, что не существует, от пустоты сосуда, зависит его польза. Прodelывают двери и окна в доме, и от того, что не существует, от пустого пространства, зависит польза дома. Потому, когда вещи полезны, только то, что в них не существует, делает их таковыми.

Лао-Тзы

Пожалуй, ни одна область человеческой культуры не связана с столь тесно с пещерами, как архитектура.

Такие формы организации пространства, как свод, купол, арка – чисто пещерные, естественные геометрические очертания, соответствующие наиболее устойчивым и экономичным физическим объемам пришли в архитектуру именно из пещер.

Не только формы рациональной организации, но и формы наиболее гармоничного заполнения пространства заимствованы архитектурой у природы. Сталактиты, сталагмиты, сталагматы – наиболее распространенные украшения подземных дворцов – стали традиционными элементами архитектуры с древнейших времен до современности.

Типичная для стран востока «арочно-сталактитовая» архитектура мусульманских мечетей – яркий тому пример эстетического решения организации форм и заполнения объема. А предтечей арочно-сталактитового стиля наверняка явились пещерные храмы-капища зороастрийцев – огнепоклонников. Да и сам материал – гипс – традиционный для техники арочно-сталактитовой школы, взят от самой природы – материал карстовых пещер.

*... глаза вперяются в окрестный мрак,
Лица давно забытые виденья.*

*Но в океане первозданной мглы
Нет голосов и нет травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы.*

Н.Гумилев «Больной», (1905?)

*Там конструкции странной
Кто-то строит мосты
Из теней, из тумана,
Из цветной темноты.*

В Шефнер, «Открытая ночь», 1976

*.. Под поседевшим камнем, под курганом,
Глядел он на труды гигантов. Нерушимо
Стояла та древняя пещера,
И каменные своды опирались
На толстые могучие столбы...*

Англо-саксонский эпос «Беовульф», (IX в н. э.)

*Осмыслен, высветлен весь мир в уме,
Всем правит мера, всюду строй царит,
И только в глубине подспудно спит
Тоска по крови, по судьбе, по тьме...*

*Герман Гессе, собственного сочинения Иозефа Кнехта,
стихи школяра и студента*

Пещерные жилища

*... Если колыбелью органической жизни на нашей
планете был океан, то колыбелью человечества
были, видимо, пещеры. Это первые жилища, первые
крепости, первые храмы. Не случайно древние мифы
помещали в пещеры символы смерти и посмертных
кар грешников.*

А. Жабин, «Жизнь минералов»

На заре человечества пещеры использовались как жилища, хранилища, капища, убежища.

Людей было мало, пещер хватало на все и на всех.

Потом наступил жилищный кризис, человек стал осваивать землю. Когда же свободной земли не стало хватать, человечество вновь обратило свой взор под землю.

Шахты и рудники, метрополитен и хранилища стратегических запасов, убежища и лечебницы, гаражи и подземные концертные залы, скотомогильники и мусоросборники...

И, наконец, опять – подземные жилища. Назад, в пещеры!

Около 8000 испанцев живут в настоящее время в... пещерах! Однако, сравнение с жизнью их первобытных предков здесь явно неуместно. Большинство пещер оборудовано водопроводом и канализацией. Почти над каждым пещерным жилищем возвышается телевизионная антенна. Пещеры пользуются большой популярностью, поскольку и летом и зимой в них комфортная температура.

Стоимость комфортабельной пещеры выше по сравнению с обычными жилищами, поэтому жизнь там по карману далеко не каждому...

*Век
из изб,
и пещер,
и хижин,
перегнавший в отдельность квартир,
на тебя троглодит обижен:
отличает теплый сортир!*

Б. Слуцкий

Древние подземные поселения коренных жителей Бразилии – индейцев обнаружены археологами на юге страны. Они состоят из 25 пещер, соединенных между собой подземными ходами. На территории поселения, датируемого девятым веком нашей эры, найдены орудия труда и охоты. Обнаружены также осколки керамической посуды, украшенной рисунками.

*Смеркается... и день уходит не спеша.
Тьма из пещеры луч закатный гонит.
И гаснет луч... а может быть душа
Того, что жил когда-то в Кро-маньоне?*

*Ральф Парро, литературный критик отдела искусства
газеты «Западная Франция», «Образы предысторий»*

Пещера Марка Твена

*«...они блуждали извилистыми проходами, держа
свои факелы над головами...»*

Марк Твен, «Приключения Тома Сойера»

В самом начале этой книги я неосмотрительно заявил, что мое вступление на «тропу подземной ночи» началась внезапно, без каких-либо прелюдий, а главное, без какой-то внутренней потребности и серьёзных внешних причин. Написал, прочитал, задумался и понял, что покривил душой. В действительности же, вирус «пещерной болезни», который я,

сам того не ведая, подхватил в восьмилетнем возрасте, дремал во мне, не причиняя беспокойства целых двадцать лет, дожидаясь своего часа. А подхватил я инфекцию, прочитав первую, и, наверное, самую светлую в своей жизни книгу – «Приключения Тома Сойера».

В нашей стране хорошо знают имя автора этой книги, американского писателя Марка Твена, но, вероятно, немногим известно, что в двух милях южнее городка Ганнибал (штат Миссури), где Марк Твен (Сэмюэль Клеменс) провел свое детство, расположена пещера, носящая имя знаменитого писателя. Первоначально она называлась пещерой Симса, в честь охотника Джонни Симса, который первым открыл ее в 1819 году.

Позже пещера была названа Селитряной, а затем Макдовельской. Название это было известно и юному Клеменсу.

Вход в пещеру, длина которой, по данным 1930 года, составляла свыше трех километров, находился у подножья лесистого известнякового холма под названием Кейв Холоу (Пещерное дупло).

В конце XIX века многие пароходы, идущие по Миссисипи, останавливались у пещеры. Вагонетка с лошадиной тягой перевозила в пещеру посетителей. (А.В. Шурубор, «Пещеры», вып. 5-6).

Юный Сэм Клеменс неоднократно посещал пещеру и прекрасно изучил ее. Сильное впечатление, которое произвела подземная обстановка на будущего писателя, не только сохранилось у него на всю жизнь. Он сумел донести свои яркие переживания до многих поколений читателей-подростков, сверстников обаятельного и бесстрашного героя книги – Тома Сойера.

В мировой литературе вряд ли найдется более реалистичное описание пещеры, чем в книге Марка Твена, однако секрет ее воздействия на читателя заключается не столько в правдивом и доходчивом повествовании о подземных приключениях заблудившихся подростков, сколько в показе становления мужского характера и чувства ответственности за судьбу близкого человека, без чего не может сформироваться настоящий мужчина, способный найти выход из любой жизненной ситуации.

Причем столь мощный эмоциональный импульс юный читатель получает именно в том возрасте, когда его психика наиболее подготовлена к такому восприятию, а художественная форма способствует наилучшему усвоению.

Теперь я понимаю, что урок Тома Сойера не прошел для меня бесследно.

Мне остается только мысленно поблагодарить писателя за такой щедрый и своевременный подарок...

Пещера Чирак-Таш

Пещера Чирак-Таш, расположенная на Памире в борту отвесного каньона, практически недоступна человеку.

Легенда связывает пещеру с несметными сокровищами, укрытыми в свое время караванщиками от разбойников. Примороженные к стене ночью куски парного лошадиного мяса послужили ступенями своеобразной лестницы, по которой удалось достигнуть входного отверстия. Утреннее солнце разрушило лестницу и отрезало путь к сокровищам.

Попытки проникнуть в пещеру были предприняты в 1933 и 1937 годах, но тщетно.

Лишь в 1958 году альпинист Якушкин достиг входа в пещеру, но ничего примечательного, кроме орлиного яйца не обнаружил. Предполагают, что сокровища погребены под обвалом каменного свода в глубине пещеры.

В пещере наблюдается довольно интенсивное свечение стен, имеемое местными жителями «глаза дракона». Объяснение простое – в потолке пещеры имеется два отверстия, в которые проникает дневной свет и ложится на стену двумя пятнами.

Возле этих отверстий гнездятся орлы. Там же находятся довольно солидные натечные образования мумии, происхождение которого связано с преобразованием органических остатков гнездилищ.

Труднодоступные пещеры зачастую использовали отшельники в качестве убежищ, позволяющих надежно уединиться от мирской суеты.

Такие пещеры-скиты встречаются на Кавказе. Одну из них – Бетлеми – описал Илья Чавчавадзе в стихотворении «Гандегили» (отшельник):

*На склоне царственной Мкинвари,
Высокой даже для орлов,
Кого века короновали
Венцом нетающих снегов...
Там в старину, пленен Эдемом,
Пещеру вырубил монах...
Досель зовется «Вифлиемом»
Затвор, иссеченный во льдах,
Гора кончается откосом
И образует узкий грот,
Гнездом орлиным над утесом
Чернеет издали проход.
И, грозно лязгая над бездной,
Лишь цепь ведет к подножью льда,
И только цепью той железной
Подняться сможете туда.*

Зоопарк под землей

На юге Франции в департаменте Арденн, создан зоологический сад, который находится в карстовой пещере на глубине двухсот метров. Здесь собраны представители животного мира, постоянно обитающие под землей без дневного света – земноводные, рачки, пауки, летучие мыши и другие.

(Знание – сила. № 12, 1984.)

Молнии и пещеры

Натуралист Жозеф Буже и физик Камил Дозер на основании многочисленных наблюдений показали, что молнии поражают чаще всего породы, обладающие высокой электропроводностью (сланцы, граниты) и места их геологических контактов.

Древние, часто показывающие себя тонкими и проницательными наблюдателями, возможно заметили, что пещеры «привлекают» молнии, и создали миф о подземном происхождении молний. Можно считать установленным факт зависимости ударов молний от радиоактивности (ионизации) горных пород. Наибольшая – для гранитов, наименьшая – для известняков. Исключение составляют входы в пещеры из которых исходят потоки ионизированного воздуха.

Характеры пещер

Пещеры учат терпению. В долгие часы вынужденного ожидания проявляется характер человека – суетливый и нетерпеливый, серьезный и сосредоточенный, общительный или замкнутый, шумливый или тихий, деятельный или пассивный – все эти черты особенно проявляются в одиночестве. Жаль, что не всегда можно наблюдать одинокого спелеолога со стороны.

Перелистывая свои старые записные книжки я наткнулся на одну любопытную запись, сделанную уже после нескольких лет занятия спелеологией. Тогда я записал, что пещеры, как и люди, имеют своё неповторимое лицо. Теперь я могу с уверенностью сказать, что это наблюдение (или утверждение, или замечание) справедливо только отчасти.

Пещеры обладают ещё и индивидуальным характером. По тому впечатлению, которое пещеры оказывают на исследователя или наблюдателя, их можно отождествлять не только с людьми, но и с предметами, событиями и даже литературными произведениями.

Красная пещера произвела на меня впечатление увлекательного исторического романа с хорошо очерченной сюжетной линией. Рома-

на, страницы которого создавались не только на моих глазах, но и при моём участии. Романа, к которому я возвращался по нескольку раз и каждый раз открывал для себя новые подробности, краски, детали, забытые или ускользнувшие при первом прочтении – посещении.

Спокойное повествование, как течение подземной реки по главным сюжетным линиям – магистральным галереям – надёжным, как тоннели метрополитена, неожиданно дробится головокружительными каскадами, исчезает в циклопических нагромождениях обвальных залов. Изощёренная фантазия зала Сказок контрастирует с зачитанными страницами – этажами Ветровой части – Иель-Кобы.

Шахта «Монастырь-Чокрак» исполнена спокойствия и величия. Здесь все монументально, все открыто, все располагает к спокойному созерцанию и чуждо проявлению суетливости, нервозности и нетерпения.

Шахта Кастере – само изящество и завершённая красота, не требующая дополнительного вмешательства посторонних сил. И все это сочетается с почти домашним уютом и обустроенностью. Здесь хочется остаться. На какое-то время..

Капризная красавица – Вив ля Пе – пещера с двойным дном. Пришедшего она сразу очаровывает совершенством и изяществом верхнего зала. Но стоит только захотеть поближе познакомиться с ней, как она способна приоткрыть тайны своего сокровенного нутра, от которых может нездоровиться.

Пещеры, как люди – индивидуальны и неповторимы, и каждая требует вдумчивого подхода...

*Храня завет родных поверий –
Питать к греху стыдливый страх,
Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.*

*...В моей душе так было гулко
В пеленках камня и кремней...*

С. Есенин, «Город», 1915

10. НА ЗОВ БЕЗДНЫ

Дорога в ближний геокосмос

«Все великие чудеса природы, украшающие лик земли, каждое по-своему, как магнит притягивают и влекут к себе человечество, бросая свойственные им особые вызовы померяться силами с образующими их стихиями.»

Чарльз Стонор

Четыре стихии – земная твердь, вода, воздух и огонь, четыре сферы – литосфера, гидросфера, атмосфера и пиросфера, которые создают нашу Землю и окружают околоземное пространство во все времена и народы привлекали философов, мыслителей, естествоиспытателей и неравнодушных людей своей простотой, и, в то же время, загадочностью, своей необходимостью и достаточностью для зарождения, развития и поддержания жизни.

На долю прошедшего века выпали наиболее впечатляющие исследования и открытия, которые, как по количеству и разнообразию так и по результатам, не только далеко продвинули наши знания и расширили границы изведенного во всех перечисленных сферах, но и породили созвездие выдающихся имен, сконцентрированных на сравнительно коротком по историческим меркам временном отрезке, так что можно без преувеличения считать, что произошли они одновременно.

Мало того, все эти масштабные по своему влиянию на развитие естественных наук исследования выполнены не только людьми, относящимися к одному поколению (разница в датах рождения едва превышает четверть века), но и к одной национальности – все они (за исключением Гаруна Тазиева) – французы, рожденные с солнцем в крови.

Так почему же именно французы стали первооткрывателями во многих направлениях, ведущих человечество по пути освоения ближнего геокосмоса?

Какое счастливое сочетание природных и генетических факторов способствовало появлению на научном небосводе такого блистательного созвездия имен, прославивших свою страну, свой народ и свое поколение?

Ответ на эти вопросы можно попытаться найти в философском наследии мыслителей прошлого века, в частности, философа Альфреда Фуллье. (Психология французского народа. СПб., 1899).

Народы бывают оптимистами, когда они обладают очень развитым мускульно – сангвиническим темпераментом, а также когда они окружены веселой, радующей сердце природой. Тогда они склонны жертвовать будущим, в котором никогда не сомневаются, ради настоящего момента.

Воля сохранила у французского народа тот порывистый, центростремительный и прямолинейный характер, каким она отличалась уже у галлов. Физиолог сказал бы, что импульсивный механизм берет в нем верх над задерживающим.

Характер чувствительности и воли определяет собой не только форму и естественные свойства ума, но также и выбор предметов, на которые направляется мысль. Можно поэтому предвидеть, что французскому уму наиболее отвечают общественные и гуманитарные идеи.

Француз действует по принципу: «все ясно мыслимое истинно», поэтому, так как всякая истина должна быть универсальной, идеи возводятся в законы, и, наконец, так как сама всеобщность неполна, если не охватывает собой фактов, идеи требуют обращения в действия. Эта потребность в объективной реализации настоятельна. Интеллектуальное нетерпение не мирится ни с какими компромиссами.

Следует сразу отметить, что формирование единой французской нации на европейском континенте было весьма затруднено существенным различием природных условий южной и северной Франции.

Южные французы (гасконцы, провансальцы) мускулисты, гибки, имеют нервные движения, смуглый цвет кожи и черные волосы. Они любят много говорить, при этом часто вдаваясь в преувеличения. Не случайно существует французская поговорка: хвастлив как гасконец.

Северные французы (бретонцы, нормандцы, фламандцы) менее подвижны, более хладнокровны и уравновешены. Их характеризует упорство, настойчивость. Они полны самообладания, сдержаны, осторожны в суждениях и враждебны к преувеличениям. Северяне также обладают любовью к точности языка.

Тайная мечта каждого француза – быть похожим на Сирано де Бержерака, замечательного поэта и философа, хвастуна и щеголя, который, как и д'Артаньян, был гасконцем, способным сокрушить любого, кто осмелился бы над ним посмеяться.

Итак, французские северяне и южане в достаточной мере несходны, чтобы попытаться создать независимые государства. Что же объединило их в единую нацию? И есть ли у французов общие черты, образующие единый характер, отличный от других этносов?

С точки зрения Всеведения, французский народ является инвариантом развития Вселенского сознания.

Макроструктура французского характера строится как служение общественной правде с активным пробиванием великих идей в жизнь.

Для него характерны увлеченность различными философскими веяниями; интерес к новым идеям и концепциям; приложение великих идей к жизни; любовь к экспериментированию (французы – экспериментаторы по природе); стремление быть на высоте требований современности; уважение к развитому интеллекту и высокому профессионализму; преклонение перед разумом и интеллектуальной деятельностью.

Француз – всегда немного гасконец, даже когда по происхождению кельт или франк.

У натур, характеризующихся живой впечатлительностью и порывистой волей, можно ожидать встретить ум также решительный и прямолинейный, который, подобно лучу света, устремляется вперед, не оглядываясь вокруг себя.

Девиз Сирано де Бержерака вполне мог бы поместить на своем гербе каждый из выдающихся исследователей XX века, наших современников, посвятивших жизнь изучению такой, казалось бы досканально обследованной нашей планеты:

*Дорогу, дорогу гасконцам!
Мы юга родного сыны,
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены...*

Франция и весь мир гордятся ее славными сынами – плеядой наших современников, бесстрашных исследователей земли, ее воздушного пространства, ее океанов, недр, вулканов и подземных гротов – Антуаном де Сент-Экзюпери, Ивом Кусто, Аленом Бомбаром, Гаруном Тазиевым... Среди них почетное место принадлежит и Норберу Кастере.

Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери

(29 июня 1900, Лион, Франция – 31 июля 1944)

Зорко лишь одно сердце.

Самого главного глазами не увидишь.

*Антуан де Сент Экзюпери,
«Маленький принц»*

*Шагая от заблуждения к заблуждению,
человек находит в конце концов путь,
ведущий его к свету.*

Антуан де Сент Экзюпери, «Планета людей»

Авиатор, гражданский и военный летчик, эссеист и поэт, Антуан де Сент-Экзюпери принадлежит

к числу немногих романистов и философов действия, которых породила Франция. В отличие от Киплинга он не просто восторгался людьми действия. Он сам участвовал в деяниях, которые описал. На протяжении десяти лет он летал то над Рио-де-Оро, то над Андийскими Кордильерами, он затерялся в пустыне и был спасен владыками песков. Однажды он упал в Средиземное море, а в другой раз – на горные цепи Гватемалы. Он сражался в воздухе в 1940 году и погиб в 1944 году.

Покорители Южной Атлантики – Мермоз и Гийоме – были его друзьями. Отсюда та достоверность, которая звучит в каждом его слове, отсюда же берет начало и жизненный стоицизм, ибо деяние раскрывает лучшие качества человека. Так характеризовал его Андре Моруа.

Как человек, преданный воздушной стихии, Экзюпери неоднократно высказывался о пользе авиации для научных исследований. Несомненно, способ перемещения исследователя оказывает влияние на ход исследований.

В то же время Ален Бомбар утверждал, для того, чтобы познать океан, надо смотреть на него в упор, а не с палубы океанского лайнера. Именно такая близость к жизни самого предмета изучения и важна для получения достоверных научных результатов.

Казалось бы, два взаимоисключающих мнения по одному и тому же вопросу – о способе передвижения ученого относительно предмета исследования, но диалектика научного исследования такова, что всесторонняя и наиболее полная оценок объекта может быть получена только с различных точек зрения.

*Вернувшись из объятий звезд и неба,
Земные истины пытаюсь вновь постичь,
Проникнуть в глубину, где раньше не был,
От главного пустое отделить...*

*Лишь дух, коснувшись глины, жизнь ей дарит,
И сущность человека будит в ней,
Потоком лучших чувств и мыслей правит,
В огне сжигая серость тусклых дней.*

*Задув внутри свечу, погубишь душу,
И если все живое в ней умрет, –
Обыденность, как жажда, все иссушит,
Погибшее зерно не даст свой плод...*

*Нам важно видеть смысл в своем движении,
Биенье сердца чувствовать всегда...
Вновь ощутить земное притяженье –
Я возвращаюсь от далеких звезд сюда.*

В этом отрывке сфокусировалась вся философия, все мировоззрение, все порывы и устремления лучших представителей французской нации.

Жак-Ив Кусто

(11 июня 1910, Сен-Андре-де-Кюбзак, Бордо, Франция – 25 июня 1997, Париж, Франция)

– знаменитый французский исследователь Мирового океана, фотограф, режиссёр, изобретатель, автор множества книг и фильмов.

Являлся членом Французской академии. Командор Ордена Почётного легиона. Известен как Капитан Кусто.

Имя этого француза вошло в перечень основных символов и понятий XX века.

Редкий человек на вопрос «кто самый знаменитый путешественник прошлого столетия?» не ответит: «Жак-Ив Кусто». И на то есть веские причины.

Начнём с того, что Жак-Ив Кусто – изобретатель акваланга. Именно благодаря его настойчивости, решительности и отваге появился этот мобильный аппарат для подводного плавания. В 1943 году, следуя пожеланиям и основываясь на практическом опыте любителя-ныряльщика Ж.-И. Кусто, инженер Эмиль Ганьян сконструировал «подводные лёгкие». И с этого момента началась новая эра освоения человеком мирового океана.

Согласно его первой книге, «В мире безмолвия», Кусто начал погружаться в воду, используя маску, трубку и ласты, вместе с Фредериком Дюма и Филиппом Талье в 1938 году.

В 1943 году он испытал первый прототип акваланга, разработанный им совместно с Эмилем Ганьяном. Это впервые позволило проводить длительные подводные исследования, что в значительной степени способствовало улучшению современных знаний о подводном мире. Кусто стал создателем водонепроницаемых камер и осветительных приборов, а также изобрёл первую подводную телевизионную систему.

Кусто любил называть себя «океанографическим техником». Он был, в действительности, выдающимся шоуменом, педагогом и любителем природы. Его работа для многих людей открыла «голубой континент».

Его работа также позволила создать новый тип научной коммуникации, критикуемой в то время некоторыми академиками. Так называемый «дивульгационизм», простой способ обмена научными концепциями, начал вскоре использоваться и в других дисциплинах и стал одним из наиболее важных характеристик современного телевидения.

В 1950 году он арендовал корабль «Калипсо» у Томаса Лоэла Гиннеса за символический один франк в год. Судно было оборудовано мобильной лабораторией для проведения исследований в открытом океане и подводных съёмок.

С 1957 года был директором Океанографического музея Монако.

В мае 1985 года команда Кусто обзавелась ещё одним судном. Это двухмачтовая яхта «Алкиона» (Alcyon) с экспериментальным турбопарусом, использующим для получения тяги эффект Магнуса.

Кусто скончался 25 июня 1997 года. Общество Кусто и его французский партнер «Команда Кусто», основанный Жаком-Ивом Кусто, действуют и сегодня.

Ален Бомбар

(27 октября 1924, Париж – 19 июля 2005, Тулон)

– французский врач, биолог,
путешественник и политик.

*Чтобы познать океан,
надо смотреть на него
не с палубы океанского
лайнера.*

Ален Бомбар

Алену Бомбару было 28 лет, когда он поставил на себе смертельно опасный опыт. Проверая на практике основные положения своей теории выживания человека в экстремальных условиях, он решил на надувном спасательном плоту, без каких бы то ни было запасов продовольствия пересечь Атлантический океан.

Специалисты (медики, спасатели, моряки, кораблестроители) называли готовящийся эксперимент «бредовым» и «еретическим».

«Еретик» – так, собственно, и окрестил Ален Бомбар судёнышко, на котором ему предстояло совершить океанское путешествие. Но для начала необходимо было испытать как плавучее средство, так и самого мореплавателя. В мае 1952 года «Еретик», на борту которого находился Бомбар и английский яхтсмен Пальмер, стартовал из Монте-Карло. Две недели пребывания на плоту в Средиземном море убедили Бомбара в принципиальной правильности его теории, а вот Пальмер убедил себя в обратном и отказался от продолжения эксперимента. Так что в атлантический поход Бомбар отправился в одиночестве.

Один на один с океаном, затерянный среди волн, отчаяния и страха, учёный более двух месяцев – шестьдесят пять дней (с 19 октября по 22 декабря 1952 года!) – боролся за жизнь.

Он питался пойманной рыбой и планктоном. Он пил только морскую (если посчастливится, дождевую) воду и сок тех же рыб. Его испепеляло солнце и изматывали ураганы.

Он не раз был на краю гибели. Но выжил! И этим подарил надежду всем, кто после кораблекрушения мог оказаться в подобных условиях.

Гарун Тазиев (11 мая 1914 – 2 февраля 1998) – французский геолог и вулканолог, автор книг и фильмов о вулканах.

Такую чудовищную пещеру можно было только придумать. Иероним Босх, Гюстав Доре и Эдгар По вместе взятые, не сумели бы создать более дьявольской людоедской глотки! Вход в нее был ярко красным, а со свода свисали сталактиты, похожие на клыки огненного тираннозавра. Нутро пещеры было цвета жидкого золота...

Гарун Тазиев, «Запах серы»

Энциклопедии и словари спорят по поводу того, кем же считать Гаруна Тазиева, – бельгийским или французским учёным-вулканологом. Следует отметить, Гарун Тазиев почти наш соотечественник.

Гарун Тазиев родился в Варшаве (в то время – Российская империя). Его отец, татарин по национальности, был врачом, а мать – полька – химиком. Отец скончался во время Первой мировой войны. После Октябрьской революции Гарун Тазиев оказался в эмиграции. В 1917 году он вместе с матерью эмигрировал в Бельгию и там жил на положении беженца без гражданства, и только в 1936 году получил бельгийское гражданство. В это время он учился на геолога в Льежском университете и одновременно на агронома в Gembloux. В 1938 году он получил диплом агронома. Во время Второй мировой войны образование пришлось прервать и только в 1944 году он смог получить диплом геолога. Сам Гарун Тазиев во время войны принимал активное участие в движении Сопротивления.

После окончания войны он стал работать в французских колониях, но первой его работой была должность геолога на оловянных рудниках в Катанге (Бельгийское Конго). В 1948 году он наблюдал извержение вулкана Китуро и это определило его дальнейшие интересы. С этого момента он начал изучать вулканы. В 1957 году он становится доцентом в Брюссельском университете и возглавляет национальный центр вулканологии. С 1958 года он становится доцентом Парижского факультета естественных наук и директором по вулканологии Парижского института физики Земли. Тазиев совершил множество исследований вулканов в различных местах планеты: Этна, Стромболи, Эребус, Долина тысячи

дымов на Аляске, Суфриер на Гваделупе, Монт-Пеле на Мартинике. О своих исследованиях он написал большое число научных трудов и популярных книг. Всего им было написано 23 книги о вулканах. Кроме того он снял большое число фильмов о вулканах планеты.

Несмотря на то, что вулканология была основным увлечением Гаруна Тазиева, именно он был наиболее близок к изучению подземных пустот, правда не карстового, а вулканического происхождения, о чем свидетельствует его высказывание, взятое в качестве эпитафии к этому разделу.

С 1984 по 1986 годы он был государственным секретарем при премьер-министре Франции, ответственным за предупреждение главных технологических и природных опасностей. Он был президентом высшего Комитета вулканических опасностей с 1988 по 1995 годы, и членом общества Philomatique и Explorer клуб Нью-Йорка.

Гарун Тазиев скончался в Париже и был похоронен на кладбище Пасси в парижском квартале Пасси.

Норбер Кастере (1897-1987).

Подземный мир больше, чем что бы то ни было, предрасполагает к созерцанию, неумолимо поражая воображение торжественностью и величием...

Норбер Кастере, «Зов бездны», 1959

Норбер Кастере – гасконец и так же отважен и храбр, как Сирано, или другой его земляк – д'Артаньян, – и почти так же знаменит, как они.

Но славу свою Кастере добыл не на полях сражений, а глубоко под землёй. Более полувека провёл он в подземных лабиринтах, исследуя мрачные, безмолвные пещеры, пробираясь по их узким лазам и бесщётное количество раз рискуя жизнью.

Может быть, он был какой-то аномалией, неведомым мутантом по сравнению с другими своими земляками? Нет. Великого писателя, ученого и гуманиста Сирано де Берже-

рака и великого ученого, писателя и гуманиста Норбера Кастере роднит не только Гасконь, но и мужество, огромная творческая энергия, стремление к прекрасному, к новому, еще никем не изведенному, романтике открытий и подвигов, благородство и отвага, в сочетании с точным расчетом и мастерством в своем деле. Так охарактеризовал личность Норбера Кастере археолог, доктор исторических наук Георгий Борисович Федоров в своем предисловии к одной из его книг.

Недаром Норбер Кастере на полу первого же открытого им в жизни подземного коридора ножом начертил изречение, которое Ростан вложил в уста героя своей знаменитой пьесы Сирано де Бержерака:

Вдвойне прекрасно то, что бесполезно!

Эти качества роднят Кастере, представителя одной из самых молодых и бурно развивающихся в наше время наук – спелеологии, с другим его прославленным соотечественником, тоже талантливейшим писателем и представителем одной из самых современных профессий – авиации, с Антуаном Сент-Экзюпери. Недаром Кастере так любил Сент-Экзюпери, недаром эпитафией к одной из самых замечательных своих новелл «По следам пещерного человека» он поставил слова Экзюпери: «Земля дает нам больше знаний, чем все книги».

Чему нас научил Норбер Кастере

*Не берите с меня пример, но следуйте моим советам.
Никогда не спускайтесь под землю в одиночку: это
безумная затея, которая мне удавалась, но мне
просто везло.*

Норбер Кастере. Моя жизнь под землей

«Зов бездны» Норбер Кастере ощутил почти во младенчестве. В пятилетнем возрасте во время семейной прогулки он оказался в гроте.

Впечатления были столь сильны, что и по прошествии многих лет он сохранил их в памяти: «Я находился в сердце тайны, чувствовал себя на пороге нового, сурового мира, о существовании которого и не подозревал; мне хотелось дойти до конца грота, где дневной свет никогда не пронизывает темноту. Я был очень поражён, услышав и убедившись сам, что существует «вечный мрак». Кто-то рядом произнёс эти слова, и они захватили меня, преследовали всю юность и продолжают и теперь будить во мне всегда живой, никогда не приупляющийся магический отклик».

С двенадцати лет Кастере принялся самостоятельно исследовать пещеры и пропасти родной Гаскони. Его увлечение не осталось незамеченным окружающими, которые стали называть Норбера «маньяком» и «искателем кладов». Но уже в 26 лет он сделал поистине сенсационное открытие. В пещере Монтеспан им был обнаружен «подземный музей доисторического искусства». Потрясённые специалисты установили, что найденные Кастере наскальные изображения и глиняные скульптуры относятся к началу мадленской эпохи (15000 лет до н.э.).

Затем последовали другие важнейшие открытия не только во Франции, но в Испании и Марокко. К 1960 году Кастере «отработал» уже свыше 1500 пещер.

В свои исследования он вовлекал почти всех близких ему людей: мать, брата, жену, четырёх дочерей и сына. Так что некоторые обнаруженные семейством Кастере пещеры и пропасти носят имена их первооткрывателей

Фундаментальные труды знаменитого спелеолога пополнили фонды многих научных библиотек. Норбер Кастере оказался блестящим популяризатором. Его книги о путешествиях по подземным дворцам и шахтам, написанные для взрослых и юных читателей, переведены на многие языки мира, в том числе и на русский.

По мере того, как книги Норбера Кастере появлялись в нашей стране и мгновенно исчезали, оседаая в личных библиотеках, не успев вдосталь покрасоваться на прилавках книжных магазинов, у меня накопилась целая тетрадь афористических высказываний автора, в которых он раскрывает сущность таких понятий, как вечность, бесконечность, жажда познания, стремление к истине, проявляющихся в редкие моменты слияния человеческого интеллекта с Великой Тριάдой подземного мира, где царит МРАК, УЕДИНЕНИЕ и БЕЗМОЛВИЕ.

Вот эти плоды размышлений человека, посвятившего изучению и осмыслению пещерного мира всю свою сознательную жизнь:

Пожалеет тех, кто не умеет уединяться и сосредоточиваться, кто способен путешествовать, осматриваться и восторгаться только совместно с другими людьми. (10 лет под землей).

Мрак, Уединение, Безмолвие в самом деле, кроме физической пользы, приносят сосредоточенность, прилив воспоминаний о пережитых опытах и размышлений о поучительных уроках.

Подземный мир больше, чем что бы то ни было, предрасполагает к созерцанию, неумолимо поражая воображение торжественностью и величием... (Зов бездны).

Момент, когда спелеолог входит в только что открытый подземный коридор или зал, где до него не ступала нога человека, всегда бывает торжественным.

Любую мечту, любую надежду может позволить себе в эту минуту исследователь, как бы ни был он выдержан или скептически настроен (впрочем, скептиков среди спелеологов, насколько мне известно, не существует!).

Душу его неудержимо влечет неизвестность и страстная жажда открытия. И ни один исследователь, ни один открыватель новых путей, в какой бы области он не искал, не в силах противиться этому влечению, этому зову, этой страсти к открытиям и неизвестности.

На земле осталось еще достаточно непокоренных вершин и неисследованных подземных лабиринтов, чтобы удовлетворить самых смелых альпинистов и спелеологов, ищущих непроторенных путей и необычных ощущений. (Полвека под землей).

Торжественная тишина, абсолютное одиночество, которые, конечно, многим бы показались однообразными, вызывающими лишь смертельную скуку и тоску, действовали на меня как талисман. Я испытывал величайший внутренний покой и уносился мыслями вдаль. По прихоти воображения я воскрешал давние времена и пытался представить себе наших далеких предков, которые бродили по тем же пещерам, по которым бродил теперь я, ища в пыли веков их следы.

Спускаясь под землю я всегда испытываю притягательную силу и необычное очарование этого странного мира, где чувствуешь себя словно перенесенным в иную жизнь. Сотни часов, проведенных под землей, сотни километров, пройденных по подземным лабиринтам – порой на коленях или ползком, - не утомили, не разочаровали и не пресытили меня.

Глубокая древность нашей планеты, ее вечная юность, бесчисленные загадки и тайны, скрытые в ее недрах, неудержимо влекут меня в таинственное царство минералов. И сегодня, как и в годы моих первых подземных исследований, я не знаю волнения более трепетного, чем то, которое я испытываю, углубляясь во мрак неведомой доселе пещеры или пропасти, где лишь капли воды, падающие звеня с высо-

ких сводов, нарушают своей бесхитростной мелодией вечную тишину и покой загадочных подземных миров.

Для истинного спелеолога никакое самое роскошное издание, никакие театральные эффекты не заменят и не затмят скромного грота, в котором человек может спокойно предаваться размышлениям и вести немой диалог с природой, а это становится возможным и даже неизбежным под сенью пещер. Любая позолота удивительно легко блекнет и стирается, не выдерживая сравнения с великолепием подземелий.

Человек не создан жить в одиночестве, это неоспоримый факт, но он также не создан, чтобы вечно раздваиваться, разбрасываться, невольно расточать свою силу и нравственно расшатываться. А лишь в подземном уединении можно очиститься, сбросить с себя груз забот, набраться новых душевных сил...

Накопление научных знаний и притягательная сила неизвестного, призыв тишины, несравненные интеллектуальные радости вполне окупают мучительные и трудные минуты, когда тащишься весь в грязи, преодолеваешь головокружение и обдираешь кожу и колени...

... подземное царство, из которого каждый раз возвращаешься очистившись душой и более счастливым, не может надоесть. (Моя жизнь под землей).

Эти высказывания невозможно комментировать. Их нужно носить в сердце. Им нужно следовать. Следовать тем, кто подобно Норберу Кастере решился вступить на Тропу подземной ночи...

11. ВЕЛИКАЯ ТРИАДА ПОДЗЕМЕЛЬЯ: ТЬМА – ТИШИНА – ОДИНОЧЕСТВО

*Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне.
Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре – голубые химеры
Смотрят в зеркало ярких небес...*

А. Блок, 1902

Я долго примеривался к написанию этой главы, но никак не мог решиться начать свое повествование. И не потому, что нечего было сказать, а потому, что тема эта является ключевой для всех людей, так или иначе сопричастных к общению с подземным миром. И еще потому, что эта сокровенная тема волнует не только того, кто при жизни приобщился к довольно малочисленному племени пещерников, но и практически каждого жителя земли, обреченного по окончании жизненного пути на вечное погружение в мир ТЬМЫ, ТИШИНЫ и ОДИНОЧЕСТВА. (Никак не подберу подходящее понятие, нет такого слова в человеческом лексиконе, которое отражало бы самую сущность великого таинства – слияния ЧЕЛОВЕКА с ВЕЧНОСТЬЮ).

На эту извечную тему написано и сказано столько проникновенных слов, что прибавить что-то новое – ой, как трудно! Особенно, после того, как обуревающие простого смертного чувства выразил Александр Блок:

*Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда – в хаос межмирный,
Куда склоняется твой день...*

А. Блок, «Экклизиаст»

А вот высказывание пессимиста:

*Когда настанет час похмелья,
Когда придёт расплаты срок,
Нас примет космос подземелья,
Где очень низкий потолок.*

Валентин Гафт

А так трактует тему оптимист:

*Не потому ли дарит ночь
Живому мудрая природа,
Чтобы, привыкнув, превозмочь
Мрак окончательный ухода?*

Фазиль Искандер, «Элегия»

Проникнув под землю, человек не сразу подпадает под воздействие Великой Триады. Сначала – темнота. Отсутствие естественного освещения начинает сказываться уже с первых же шагов под каменным небом. Тишина под землей – тоже относительна. Просто, исчезают привычные земные источники звуков и заменяются новыми. Полное одиночество проявляется только в определенных и довольно редких ситуациях, когда человек сознательно уединяется на более или менее длительное время.

Представить себе постоянное совместное воздействие этой триады также невозможно, как и пытаться осмыслить в рациональных понятиях триединство православной Троицы. Это надо принимать на веру. (Кстати, время под землей тоже начинает изменять привычные ритмы, но это уже четвертое измерение в нашей системе координат, и об этом – отдельная глава).

Тем не менее, попытки как-то объяснить тройственный феномен, хотя бы на философском уровне, пытаясь приближенно смоделировать влияние каждого фактора по отдельности или попарно, предпринимались во все времена и всеми народами, начиная от доисторических времен и до современности. Над этим бились лучшее умы человечества – религиозные деятели, философы, писатели, поэты, художники.

*...Столь зоркий зрачок, пронизающий бездны,
Был слеп и не видел зияющей бездны.
Под куполом синим, под кругом луны
Бывает, что зрячие ослеплены.
В могилу никто не стремится на свете,
Но кто ее может избежать?..*

Хосров Дехлеви, «Исчезновение Бахрама в подземелье»

ТЕМНОТА – классический и важнейший из факторов, определяющих наше поведение под землёй

*Был прав творец, навек определив
Границы тьмы и горизонты света...*

П. Проскурин, «Зов вершин», апрель

Почти всю информацию об окружающем мире человек получает через органы зрения.

Чистоте и достоверности зрительной информации в христианской религии отведена главенствующая роль. Евангелие от Матфея, VI, 22-23, гласит:

«Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то тело твоё будет светло. Если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма?».

Для обозначения отсутствия света существует множество определений (мгла, темнота, мрак, тьма и так далее), масса метафор и широкая шкала степеней сравнения, учитывающая малейшие нюансы света – и цветорегистрации.

Прежде всего, следует различать понятия «темнота» и «тьма».

Понятие «темнота» – относительно. В помещении или на улице может быть темнее или светлее, в зависимости от уровня нашего восприятия, которое определяется параметрами источника и приемника световой информации.

Понятие «тьма» абсолютно. Оно подразумевает полное отсутствие световой информации.

Вероятно, единственными объектами во Вселенной, где возможно существование АБСОЛЮТНОЙ ТЬМЫ, являются черные дыры, но экспериментально проверить это невозможно, так как обмен любой информацией с черными дырами полностью исключен.

Не потому ли Норбер Кастере выбрал своим девизом латинское изречение, которое начертал на своем комбинезоне:

Nox – illuminata mea! (Ночь – мой свет!).

В связи с этим высказыванием особый интерес представляют свидетельства незрячих людей, впервые побывавших настоящей пещере.

В тетралогии С. Сома «Катакомбный итог, книга третья» есть уникальный рассказ о незрячей девушке Карине, которая в компании автора совершила благополучное путешествие по Никитским катакомбам и подробно описала свои ощущения.

К сожалению, в книге не сказано, слепорожденная Карина, или ее слепота – следствие более поздней болезни. Правда, некоторые высказывания самой Карины и комментарии автора книги свидетельствуют о том, что девушка способна фиксировать яркий направленный свет электрического фонарика, но не более того. Тем не менее, случай поразительный, позволяющий несколько пересмотреть ставшими привычными наши представления о возможностях наших органов чувств в экстремальных условиях.

ТИШИНА является вторым основным фактором подземного пространства

*А тишь такая хрупкая,
Из тонкого стекла:
Сдавил чуть-чуть, и хрупнула,
Со звоном умерла...*

Ал. Суворов (слепо-глухо-немой)

Тишина, также как и темнота является понятием относительным.

Под землей отсутствуют привычные шумы, создающие постоянный, но практически мало замечаемый на поверхности акустический фон, сопровождающий нас всю жизнь, за исключением кратковременных медицинских обследований слуха в сурдокамере.

Отсутствие внешних слуховых раздражителей человек пытается компенсировать повышенным вниманием к внутренним шумам организма: биению сердца, шуму кровотока, постоянному или периодическому звону в ушах, возникающему вследствие расстройств функционирования слухового нерва.

Основным источником акустических эффектов в пещерах является вода. Грохот подземных водопадов, журчание потока, мелодичный перезвон капли, изредка прерываемые отдаленным гулом или вздохом – вот основная палитра звукового сопровождения подземных странствий.

*Бездна бездну призывает голосом водопадов твоих;
Все воды твои и волны твои прошли надо мною...*

Псалтирь Давида, пс. 41, ст. 8

Я уже упоминал о тех удивительных акустических эффектах, которые создает журчание подземного ручья и мелодия сталактитовой капли. Они сродни звуковым галлюцинациям, и даже могут сопро-

вождаться необычными световыми вспышками, возникающими в обостренном нервном восприятии слушателя:

*«Я слышал голос женщины, поющей в темноте.
Можете ли вы допустить, что малюсенький, задушевный
светлый голосок способен победить темноту?
Думали ли вы, что крохотный голос, прозвучавший
и миг растаявший, может взять, да и превратить
темноту вокруг вас и внутри вас в сияние солнечного дня?
Если вы этого не допускаете,
если вы этого не думаете, послушайте светлый, полный любви
и веры голос женщины, звучащий в темноте.»*

Назым Хикмет

И сравнительно редки, но тем более значимы периоды первозданной тишины, нарушаемые лишь собственным дыханием.

*Есть под землей места, где как на горных пиках,
Вдруг понимаешь всю тщету людских страстей
И видишь, как ты мал в сравнении с великой
Загадкой вечной тьмы и грозных пропастей.
Там ночи нет конца: в пещерах, в переходах,
Где некогда поток бурлящий грохотал,
Теперь безмолвно все, лишь каменные своды
Возносят в темноту торжественный хорал...*

*Ральф Парро, «Пещеры». Вступительное стихотворение
к поэме «Мрак и молчание»*

Пожалуй, никто так поэтично, и, одновременно так точно, не выразил сущность совместного влияния тишины и темноты на процесс художественного творчества, как сделал это известный писатель и эссеист Александр Генис в своем превосходном эссе «Темнота и тишина. Искусство вычитания». (Нью-Йорк, 1996-1997). Автор, конечно, имел ввиду литературное творчество, но его афористические формулировки, доведенные до прозрачности и лаконизма математических формул, без сокращений и без кавычек можно отнести к обсуждаемой здесь проблеме:

Темнота и тишина – формы негативного познания. В темноте мы ничего не видим, в тишине – ничего не слышим. Но часто вычитание дает больше, чем сложение.

Темнота и тишина и вправду умеют затягивать в себя. Вектор тишины и темноты направлен внутрь. Эта воронка ведет никуда, ибо

другим, узким концом она соединяется с космосом, с бездной, с пустотой, с тем, что не имеет ни названия, и – главное – меры. (Черная дыра! Ю.Б.).

Темнота и тишина – понятия связанные, хотя они и внеположны друг другу. Как килограмм и километр. Родство их объясняет не внутренняя близость, а одинаковое отношение к нам, к миру.

Темнота и тишина – условия существования нашего альтернативного сознания; это – координаты, в которых разворачивается нечто независимое от обычной жизни

Темнота и тишина – сцена, на которой выступают тени нашего Я. Молчаливые, но не немые, они умеют говорить, только когда мы молчим.

Пятна отрицания прихотливо разбросаны по миру. Как смерть – жизни, они дарят ему сразу и законченность и бесконечность.

Мы привыкли считать ткань бытия сплошной. Но только невидимые прорехи придают ей форму, структуру, красоту. Тут, как и всюду, опыт темноты и тишины нагляден. Если, конечно, помнить, что в их антимире наглядно то, чего не видно.

Здесь секрет тишины и темноты, здесь их глубина и основательность. Здесь их прелесть как красота и прелесть как соблазн. Тишина и темнота – условия существования всего безотносительного и абсолютного.

Тишина и темнота ничему не соразмерны, ни на что не похожи. Тишина и темнота пожирают меру, уничтожают сравнительную степень, избавляют от масштаба. Тишина и темнота – особое сито: все, что протекло сквозь него, лишается размеров. Темнота и тишина – комната ожидания, где нам нечего делать, кроме как ждать, когда произойдет то, что не может не произойти.

А вот еще некоторые высказывания известных деятелей культуры, касающиеся восприятия музыки, которые имеют прямое отношение к пещерной тематике:

«Звук должен быть окутан тишиной. Звук должен покоиться в тишине, как драгоценный камень в бархатной шкатулке.»

Генрих Нейгауз «О тишине»

Воздействие музыки на наше настроение возрастает, когда она чередуется с тишиной, в которой можно услышать биение собственного сердца, шорохи трав, шелест листьев. В тишине повышается чувствительность слуховых анализаторов и звуки воспринимаются значительно

но полнее и эмоциональнее. Известен факт: людей, которые провели несколько дней в сурдокамере, любая музыка трогает до слез.

В. Петрушин

Тишина не слышна ушам, но слышна сердцу. О, тишина, как чувствую, переживаю и люблю я твои голоса, твою музыку.

Эффенди Капиев

Мы слышим только шелест крыльев, на самом же деле в подземной обители звучит чудовищный хор.

Ян Линдبلاد, «В краю Гоацинов»

О том, какое новое звучание приобретает органная музыка Баха под землей, я уже упоминал в главе, посвященной Новоафонской пещере.

Теперь – об ОДИНОЧЕСТВЕ в пещерах.

Вдвоем привидения не увидишь.

Испанская пословица

Любое посещение пещер – как правило, мероприятие коллективное (какое скучное слово «мероприятие»! Порождение совковой эпохи, когда каждому человеческому поступку присваивался номенклатурный жетон – «принятие мер».)

Один из заветов Норбера Кастере гласит:

«Не уподобляйтесь мне. Никогда не посещайте пещеры в одиночку!»

Правда, в этом случае он имел ввиду соблюдение элементарных правил безопасности, когда исследователь-одиночка под землей подвергается неизмеримо большему риску, чем вдвоем с напарником или в группе.

Покуда человек жив, он при всем желании не может остаться в одиночестве. И единственный спутник жизни, с которым человек обречен не расставаться ни при каких обстоятельствах, это он сам. Здесь речь не идет о каких либо аномалиях или патологиях. В пещеры, как правило, ходят «нормальные» люди, не страдающие отклонениями психики (хотя есть и такие!). Но даже если речь идет о специальном научном эксперименте, в котором одиночество – есть непременно условие получения результатов эксперимента, как в случае с Мишелем Сиффром – уйти от своего «alter ego» невозможно. Иное дело, если это напарник или исследовательская группа.

А вот восприятие впечатлений от подземного мира, получаемые в одиночку или группой – совершенно различные.

Еще Аристотелю принадлежит высказывание: «Тот, кто находит удовольствие в уединении, либо дикий зверь, либо бог».

Выходит, человек, находящийся один в подземелье, уподобляется либо Минотавру, либо Творцу – какое начало перевесит.

Коллективные посещения пещерных объектов (я не случайно употребляю это словосочетание «пещерные объекты», имея в виду специально оборудованные пещеры, где процесс ознакомления с чудесами подземного мира поставлен на поток, а количество экскурсантов в группе достигает нескольких десятков), дают очень слабое и чрезвычайно искаженное представление о подземном мире. Здесь все расписано, здесь все рассчитано, здесь все дозировано. Всем поровну одного и того же коктейля. И реакция на происходящее – стандартная.

А вот такие мысли могут придти в голову только пещернику-одиночке:

*В пещерах потайных,
От всех людей далекий,
О мире позабыв,
Я складывал стихи,
И эхо мне в ответ звучало...*

Ронсар

Ибо, только в условиях полной изоляции от внешнего мира, как говорил Анри де Денье:

«И мы в безмолвной тишине услышим шепот тайн природы...»

Но самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека – это ощущение таинственности, по словам Альберта Эйнштейна.

Темнота родит свет, оставаясь всегда его врагом.

Темноты нет, потому что и ночью мы видим. Видим ночь.

Наедине с собою человек не одинок.

Из афоризмов В. Кубанева, 1937-39 г.г.

*Вот кто-то с ласковым пристрастьем
Со всех сторон протянет тьму,
И я упьюсь недолгим счастьем:
Быть без людей, быть одному!*

В. Брюсов, «Быть без людей», 1907

Время, какое ты в подземном мире?

*А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса...*

Вл. Высоцкий

Парадоксальная постановка вопроса о том, что же оно такое – время – требует не менее неожиданного ответа. Такое под силу либо писателям-фантастам, либо одаренным поэтам.

Рэй Брэдбери – один из немногих мыслителей, которому пришла в голову мысль представить, какое оно время на слух. И он тут же уподобил его воде, струящейся во тьме пещеры.

Одно из стихотворений Евгения Евтушенко так и называется:

«Я слышу время...»:

*Я время ощущаю
Только ночью,
Тогда
Мне слышен
Гулкий бой часов,
Секунды
Собираются в минуты,
И тьма распахивает
Створки окон.
Я слышу время,
Вот
Оно идет
И заполняет
Сразу полземли.*

Тот факт, что мысли о времени одолевают человека чаще всего в ночной тишине и темноте, далеко не нов. Каждому человеку не раз приходилось задумываться о парадоксах времени, и происходило это, по большей части, именно в ночные часы, во время бессонницы.

У Пушкина даже есть стихотворение на эту тему, которое так и называется «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы»:

*Мне не спится, нет огня,
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучно
Раздается близ меня...*

Подобная мысль высказывается и на страницах романа Ремарка «Триумфальная арка» – «Ночью время стоит. Идут только часы».

С Ремарком полемизирует неизвестный автор, который утверждает: «Часы не шли. Они, осознавая всю важность своей миссии, стояли... на страже времени».

Создается впечатление, что только под землей, в пещерах существуют наиболее подходящие условия, когда человек может как-то сопоставить и осмыслить свои взаимоотношения с пространством и временем.

Вот два высказывания, которые подтверждают тезис, что именно пещеры являются местом откровения, способным, если не приоткрыть, то хотя бы обозначить парадоксы времени, которые тщетно пытается постигнуть человек на всем протяжении своей истории:

«...Кажется, здесь медленно стекало время, постепенно застывая, превращаясь в разноцветную каменную массу...»

А. Грачев, о Карлюкской пещере

«...Уснуло время в каменных страницах...»

В.Терехов, Крым, 1965

Валерий Брюсов прямо указывает на существование антипода нашему привычному земному миру, где властвуют иные взаимоотношения между человеком и пространством, временем и вечностью:

Два равных мира есть, две равные стихии:

Мир дня и ночи, мир безумства и ума,

Но тяжки грани их – часы полуночные,

Когда не властен свет и растворилась тьма.

В. Брюсов «Раньше утра»

Но ведь ВРЕМЯ и ВЕЧНОСТЬ – это совершенно разные понятия! Понятие вечности образно попытался не выразить, а просто представить себе автор удивительного по силе проникновения в суть вещей стихотворного цикла «Зов вершин» Петр Проскурин. ВЕЧНОСТЬ – это там

...где жизнь теряет все свои права,

Где время в чаше первородства дремлет

Вобрав в себя и завтра и вчера...

Интересно, что Петр Проскурин, хорошо известный читателям, как автор современных исторических романов, совершенно незнаком широкой публике, как поэт философского направления. Его глубоко лирический цикл «Зов вершин» старательно замалчивался, поскольку содержащиеся в нем философско-мистические откровения плохо увязывались с официально одобренной литературно-политическим ареопагом исторической прозой.

Пригодность подземной среды для изучения биологических ритмов сна и чувства времени у человека это также особая и до конца не написанная страница освоения подземного пространства, хотя бы потому, что в пещерах

*...и ночь идет,
Которая не ведает рассвета.*

А. Ахматова, в сб. «Бег времени»

С приходом в спелеологию Мишеля Сиффра наступил этап, когда внимание исследователей переключилось с объекта (пещеры) на субъект (спелеолога).

Потеряв субъективное представление о времени в период своего первого пребывания в добровольном заточении в пещере Скарассон в 1962 году, Мишель Сиффр не утратил объективный ритм бодрствования и сна, равный в среднем 24 часам 30 минутам. Это означало, что внутренний ритм организма человека представляет своего рода точные и надежные часы, регулирующие процессы жизнедеятельности организма человека в условиях полного отсутствия привычных, видимых, периодических ориентиров (астрономических, механических, социальных и пр.).

Сломать, разрушить эти часы могло только лишь... время, то есть достаточно длительное пребывание в условиях полной изоляции и потери ориентиров во времени.

Этот вывод как-будто бы подтверждали результаты следующих экспериментов, когда у всех участников рано или поздно появлялся 48-часовой ритм.

Доказательство должен был добыть сам Мишель Сиффр путем повторного длительного эксперимента, гораздо более длительного, чем первый.

«Через десять лет я повторю свой эксперимент, чтобы выяснить, сохранились ли у меня те же реакции» – заявил Мишель Сиффр 26 сентября 1962 года.

А 14 февраля 1972 года он провел 205 суток под землей в пещере Миднайт.

Вот результаты его наблюдений:

1962 – бодрствование – 9,5; сон – 15; всего примерно 24,4 часа;

1972 – бодрствование – 7,5; сон – 20,5; всего примерно 28,0 часов.

Удалось установить, что при отсутствии ориентиров во времени нарушается память.

Выяснилось, что возраст также оказывает сильное влияние на «биологические часы» человека:

Вот некоторые дневниковые записи Мишеля Сиффра:

Периоды сновидений прямо пропорциональны интенсивности получения информации в период бодрствования. Это подтверждает гипотезу о том, что сновидения представляют собой образное усвоение информации мозгом.

Лабораторный комфорт не всегда является залогом успеха эксперимента. Изолируясь от внешнего мира, исследователь хочет сломать привычные рамки, внести беспорядок во все аспекты жизнедеятельности. Экспериментаторы хотят не просто установить пределы сопротивляемости организма. Их цель – открыть новое оружие, способное отодвинуть эти границы как можно дальше и позволить человеку путем специальных тренировок превзойти установленный природой «лимит».

Зачем нужна наша работа? Меня всегда влекли космос и подводный мир. Вот почему, думая о трудностях, которые поджидают исследователей этих стихий, я начал эксперименты с выключением из времени. Вот почему, подобно космонавтам, я назвал своих товарищей «спелеонавтами».

12. ОДУХОТВОРЕННОСТЬ ПЕЩЕР

Ищите редактора

Когда я читал и перечитывал книги Норбера Кастере, меня не покидало чувство удивления и недоумения, почему так мало пишет Кастере о своих переживаниях, связанных с культом пещер, ибо не мог человек – подвижник (а иначе как «подвижничество») нельзя охарактеризовать всю жизнь и деятельность Кастере) не создать культа из своего пожизненного призвания и не рассказать об этом на страницах своих произведений.

Я чувствовал, что этого **не может не быть!**

Воистину, перефразируя известную французскую поговорку «ищи редактора!», я получил ответ на этот вопрос.

В своей рецензии на первую книгу Кастере, вышедшую в Светском Союзе в 1957 году «Десять лет под землей» писатель Юрий Олеша писал: «...та же красота и сила природы, та же красота и сила человека...». (Л.Г. 19 января 1957 г., стр.3).

Именно в слиянии природы и человека рождается красота, сила и одухотворенность, которая так завораживает и заражает читателя! Именно одухотворенность отличает произведение искусства (даже если оно посвящено научной тематике), написанное энтузиастом ученым от сухого протокольного «географического» описания, кстати, так свойственного многим научным публикациям по спелеологии и карсту.

А ведь достаточно вспомнить зачаровывающие «географические» описания природы академика Обручева! Или отчеты академика Мушкетова об изысканиях на трассе Транссибирской железнодорожной магистрали.

Известный географ и карстовед Н.А. Гвоздецкий, автор многочисленных работ по карсту, редактор ряда переводных книг по спелеологии в том числе книг Норбера Кастере «Зов бездны» и «Моя жизнь под землей», в послесловии к последней книге, вышедшей в СССР в 1974 году сделал поразительное признание, которое я не могу не процитировать полностью:

«Настоящее издание книги Н. Кастере «Моя жизнь под землей» почти полностью воспроизводит текст оригинального французского издания. Опущена лишь последняя глава «Одухотворенность в пещерах», дословно – «Spiritualite spelunce», которая, подобно опущенному в русском издании конце книги «Зов бездны», *не представляет интереса*

для этой серии «Путешествия, открытия, исследования». (Курсив мой, Ю.Б.). И это высказывание принадлежало человеку, который много лет являлся признанным авторитетом в области спелеологии.

Здесь Гвоздецкий, как редактор, берет на себя смелость выступать вершителем истины в последней инстанции, определяя, что представляет, а что не представляет интерес для российских читателей!

Что же побудило (или заставило?) этого «редактора» совершить столь чудовищную вивисекцию, надругательство над творчеством действительно преданного делу своей жизни человека! Разъять тело, вырвать душу, выхолостить сущность законченного произведения, лишить его самого главного – духа творения! Да еще и признаться в этом через много лет... (Не покаяться, а оправдать содеянное!).

Если это его собственное убеждение, то как надо не любить своего читателя и не доверять ему, дозируя информацию, дабы не завелись у него в голове крамольные мысли.

Если же таково было обязательное требование свыше, то можно согласиться, что стоило пожертвовать частью материала, чтобы донести до читателя основное содержание книги, предоставив событиям развиваться в соответствии с изменением идеологической обстановки в стране.

Когда я вплотную приступил к написанию книги, то прежде всего решил, что пришла пора восстановить для российских читателей полный текст упомянутых выше произведений Норбера Кастере, без чего невозможно составить всестороннее представление об этой многосторонней личности. Мне повезло: в Библиотеке иностранной литературы быстро отыскался вожделенный экземпляр книги Кастере «Моя жизнь под землей» на французском языке, и опущенная ранее глава «Одухотворенность пещер» наконец-то, была переведена на русский язык.

Конечно молодого советского читателя 50-х годов необязательно было посвящать в религиозно-мистические откровения автора, даже в связи с пещерной тематикой, как считали тогдашние идеологи от науки, но на рубеже столетий совершенно необходимо осветить и эту грань спелеологической эпопеи Норбера Кастере, тем более, что речь идет не только (да и не столько) об отпращивании определенных религиозных обрядов, сколько о том духовном стержне, которым были связаны члены французского спелеологического братства.

И «Молитва спелеолога», которой завершается глава – это не просто молитвенное обращение к Творцу, но и поэтически выраженное спелеологическое кредо автора.

Используя подстрочник французского оригинала, я попытался сделать литературный перевод стихотворения Ральфа Парро.

Привожу эту главу в полном виде, как она того и заслуживает. (Уверен, что перевод этой главы был сделан ранее, и только по цензурным соображениям не дошел до читателя.).

Spiritualite des Cavernes

Духовное притяжение пещер. Норбер Кастере

Необходимость давать полное описание привела меня к изложению того, как я, любитель пещер, стал писателем и докладчиком. Обойти это молчанием означало бы скрыть важный, несмотря ни на что, этап моего существования: тот самый, в течение которого я, пером и словом, пытался и прилагал усилия к тому, чтобы заставить узнать и, если это возможно, полюбить подземные миры.

Смею надеяться, что мои книги и мой голос более или менее хорошо передали и заставили разделить мою страсть. Некоторые из моих книг имели успех; некоторые из моих бесед привели меня к убеждению в том, что я был понят, и к соответствующему удовлетворению.

Это большое подспорье для того, кто восхваляет и защищает свою деятельность, априорно считающуюся слишком оригинальной, слишком опасной или бесполезной.

Книга и публичная лекция также были для меня – я не могу ни забывать, ни скрывать этого – моим заработком, необходимым оправданием и вознаграждением, без которых чистая спелеология была бы безвыходным путём, тем самым, о котором мой отец с полным основанием говорил, «что он не приводит ни к чему» – разумеется, с материальной точки зрения.

Такие не признанные, не вознаграждаемые наука и деятельность как подземные исследования – бедный родственник всех других форм изучения и исследований – смогли прокормить самого человека и его пятерых детей только благодаря поддержке книги и публичной лекции.

Однако успех книжного дела, как и законное удовлетворение от публичной лекции, – это всего лишь какая-то скромная соседка спелеологии; и если совокупность обстоятельств, которые я, конечно же, не предвидел, привела меня к тому, чтобы писать, а также выступать с публичными лекциями, то это именно против моей воли: не из-за личного увлечения, и я первый удивляюсь, когда я думаю об этом. Для истинного спелеолога никакое роскошное издание, никакая театральная декорация не заменят и не вытеснят самый скромный грот, где можно

размышлять и продолжать этот немой диалог между человеком и природой, который позволяет и порождает темнота пещер. Любая позолота бледнеет и в высшей степени затушевывается по сравнению с великолепием подземного мира.

Человек не создан для того, чтобы жить одному, но еще меньше он создан для того, чтобы раздваиваться, разбрасываться, растрчивать себя и морально расшатываться. Так что только в подземном одиночестве можно прийти к прояснению мыслей, просветлению, возобновить контакт с самим собой, восстановить свой потенциал.

В этой среде обнаруживается также материал для физических упражнений – забытых, которыми пренебрегают, а они тренируют мышцы и организм. Определенные спортивные качества требуются и вносят свой вклад для того, чтобы подниматься по гладкой веревке, спускаться и карабкаться на сотни метров по тонким и гибким лестницам, которые раскачиваются в пустоте; чтобы ползти и изгибаться в узких проходах и тесных каналах; чтобы барахтаться и плавать в ледяной воде; чтобы носить невероятные грузы при переходах и в ситуациях, столь же невероятных.

К этим проявлениям, чисто и по существу физическим и спортивным, добавляется в гармоничном сочетании – здоровый дух в здоровом теле – такое дополнение как созерцательный элемент, научный и духовный. – ценная и неоценимая добыча того, что встречается и что можно изучать под землей.

Здесь рассудок оживляет, очищает, оправдывает всё. Самый грязный, самый оборванный, в лохмотьях, спелеолог, больше всего проникнувший в недра земли, может очиститься, высвободиться, возвыситься, если у него для этого имеются интеллектуальные и духовные возможности.

Достижения науки, притягательная сила неизвестного, зов тишины, несравнимые наслаждения духа стоят того, чтобы жалко и с трудом тащиться в грязи, не считаться с головокружением или пораниться об острые скалы.

Чтобы отправиться под землю, недостаточно оснаститься материально; необходимо также подготовиться к этому и вооружиться морально, так как в глубине пещер есть чем удивлять и волновать самое неотесанное существо, о чем заставить мечтать поэта и философа, чем вызвать увлечение или замешательство у ученого. В этой особой области есть также о чем размышлять и создание чего просить.

Это означает, что спелеология не является и никогда не сможет быть массовым спортом или массовым видом деятельности, развлечением

для внушительной людской вереницы или наукой для всех. Умозрительные построения, которые она предоставляет разуму, могут вспыхивать, давать себе свободный ход и достигать своего полного расцвета только в тишине и в сосредоточении. Похоже на то, что ничего полезного, ничего выгодного не может родиться под землей в шуме и в невздержанной активности.

То, что мы излагаем здесь, наверное, не появлялось на страницах, где излагаются дорогие старые воспоминания, из которых мы перечислили и запомнили только анекдотическую и живописную сторону. Но эти воспоминания, представленные в такой манере, не были бы реальным отражением полувекового хода подземных исследований.

В завершающей главе наших Мемуаров мы считаем нужным настаивать на одном более личном и более интимном замечании: на том духовном аспекте и на тех размышлениях, которые величие подземных миров всегда внушает человеку, перемещающемуся в одиночестве в недрах земли, где человек угадывает и обнаруживает на каждом шагу след Божьего преста.

Его присутствие наши далекие предки – носители ориньякской и магдаленской культуры, эти охотники на мамонтов и зубров, первые предчувствовали и почувствовали его – они, которые сделали из некоторых пещер свои священные храмы, тайные места, где они зывали к Великому Духу. В некоторых других глубоких местах, где они бродили при слабом свете дымных факелов и лампочек, работающих на жире, пещерные люди приступали к церемониям инициации, колдовства, магии и погребения. На скалистых стенках темных вестибюлей они рисовали и писали красками фрески с изображениями животных с поразительными техникой и реализмом, у которых вдохновение магического происхождения свидетельствуют о старании и о потребности в духовности. Эти люди, которые верили в целый пантеон, навсегда таинственный, секрет которого они унесли, были в постоянном общении с божествами и с оккультными силами, которые в своей борьбе и в своих невзгодах они рисовали благодаря своему воображению и зывали к ним.

Частое посещение подземных мест, размышления в одиночестве и в тишине глубоких пещер, конечно, были плодотворными для интеллектуальной и духовной эволюции наших доисторических предков, которые сумели справиться с величайшей священной задачей завоевания и сохранения, во тьме веков, звания царя творения, и которые, если выражение не слишком смелое, сами были их предками и сделали из нас то, чем мы являемся.

После них, начиная с рассвета исторических времён, многие народы, также пораженные таинственностью и величием подземных мест, вырыли подземные храмы, построенные из крытых галерей и зарытых в землю доменов.

Но, возможно, никакая религия не обладала такой близостью и такими связями с подземным миром, как христианская религия.

Следует ли напомнить о том, что пещеры сыграли важную роль во многих событиях, о которых рассказывается в Библии.

Следует ли напомнить о бесчисленных легионах отшельников и святых, которые жили в гротах в состояниях раскаяния или умерщвления плоти, с трудом воображимых. Следует ли напоминать о жизни, церемониях и погребениях первых христиан в катакомбах. И как можно было бы забыть о том, что Христос родился в Вифлееме в пещере; что он прославил пещеры Сидна Аисса или Энгадди, где он постился, Элеона или Учения, где он научил своих учеников молитве Отче Наш; забыть пещеру Гефсимана или Агонии, где он бодрствовал и молился в ту самую ночь, когда его схватили; и наконец, Гроб Господний, в который было уложено его тело; подземную погребальную камеру, вырытую в скале; воспоминание о погребальных пещерах, где, начиная с самого древнего мира, люди хоронили своих мертвецов.

В процессе наших исследований в ста двадцати гротах и пропастях, которые мы обследовали (наши Мемуары не упоминают об этом и учитывают только сорок из них), у нас иногда было свободное время для того, чтобы размышлять, предаваться духовному созерцанию и молиться в тех местах, которые нам казались предназначенными для этого, поскольку Дух Божий, который вездесущ, веет также и в больших пещерах и пропастях Земли: «Дрожите от радости, глубины Земли», Пророк Исайя, 44-23; «Бездны и пропасти, восхвалите Господа», Псалом 148.

Вот в таком-то одиночестве и в потемках, куда ничто существующее на поверхности земли не может проникнуть, я однажды выбрал мой девиз спелеолога, в некоторой степени эзотерический: Ночь – мой свет, который был взят из великолепного псалма 138 и который присоединяется к этой захватывающей цитате из Леона Блуа: «Он идет в черной бесконечности, неся перед собой своё сердце, как факел».

В ходе подземных заседаний мы имели также привилегию присутствовать на некоторых исключительных церемониях.

В 1945 году, первый раз в мире, была отслужена месса в глубине пропасти. В данном случае речь шла не о крайности, перегибе, не о неуместной и достойной порицания оригинальности, а о том, чтобы заполнить пробел, который мы считали достойным сожаления.

Месса была отслужена во всех местах мира, даже на море, также как и на горных пиках; на полях сражений, в траншеях и даже в воздушном просторе. И только одни пропасти – эти естественные храмы земли – ждали этого освящения. Благодаря Господу это освящения недр земли имело место, и это руками и через посредство одного молодого священника из Беарна – аббата Лафарга, окруженного шестью пиренейскими спелеологами.

Выбранным углублением была пропасть д'Эспаррос в Верхних Пиренеях, а точным местом был феерический зал, расположенный на глубине в сто двадцать метров, по великолепию своего обрамления из драпировок и чистых, не запятнанных сталактитов превосходящий самые прекрасные архитектурные творения человека.

15 апреля 1945 года, ровно в полночь, зазвонил колокол, чтобы объявить о том, что месса в первый раз состоится в глубине пропасти.

За этой церемонией последовала другая, не менее исключительная и назидательная: открытие и благословение статуи Девы. Если статуи Мадонны существуют в большом количестве по всему миру, в самых разных местах и с самыми разнообразными именами этой святой, то не было места на большой глубине для Девы, к которой могли бы взывать все те, кто занимается опасной специальностью спуска в пропасти. (См. фото Мадонны пещерной в пещере Кастере на Караби, 1963 год. Ю.Б.).

Именно это было осуществлено после того, как мой друг Жермен Гатте прикрепил к одной колонне из оникса статуэтку, которая почиталась в его семье уже около двухсот лет.

Отныне эта Дева, установленная под новым именем Богоматерь Пропастей, возвышается и бдит во тьме пропасти д'Эспаррос, где она является Царицей блаженного одиночества. Да будет угодно спелеологам и всем тем, кто работает под землей, считать её своей покровительницей и молиться о её божественной защите в час опасности.

Через два года – в 1947 – мне была предоставлена возможность присутствовать на второй подземной мессе в глубине пропасти Энн-Морт в департаменте Верхняя Гаронна.

В зале, хаотическом и шумном от грохота водопада, который обрушивается с высоты ста метров в нижележащий колодец, аббат Доминик Катала возымел привилегию и заслугу совершения богослужения перед группой спелеологов, промокших и дрожащих. Он отслужил эту мессу за успех нашей опасной экспедиции, за защиту членов группы, а также в память спелеологов, погибших под землей. В тот же вечер в полночь, вместе с Марселем Лубеном, который был тяжело ранен в этой пропасти четыре года тому назад, я достиг дна этой зловещей

Энн-Морт, которая со своими 446 метрами стала тогда самой глубокой пропастью Франции.

По окончании этой мессы, отслуженной на глубине в двести пятьдесят метров, наш друг, кинорежиссер и спелеолог Марсель Ишаэ – а ведь юмор никогда не утрачивает своих прав – сказал аббату Катала: «В общем, это была низкая месса!».

Месса д'Эспаррос обрела торжественность и исключительную важность, поскольку она отмечала скромную, но реальную дату в анналах христианства.

Месса Энн-Морт имела несколько иные резонансы, поскольку она непосредственно предшествовала спуску под опасным водопадом высотой в сто метров и в следующие нижележащие колодцы авангардной группы из семи человек, двое из которых – туда, куда ещё не спускались, – должны были в этот день установить рекорд Франции по глубине спуска.

На третьей подземной мессе – в 1954 году – в пропасти де-ла-Пьер-Сен-Мартен присутствовал только бельгийский священник-рабочий (священник, живущий жизнью рабочего. Как В.Г., «Французско-русский словарь») Жак Атту и два его прислужника во время мессы – мой друг Жозеф Делтей и я. Эта месса, отслуженная рядом с гробом из дюралюминия, содержащим останки Марселя Лубена, носила отпечаток серьёзности и грусти, о которых легко догадаться. Её отслужили за упокой души нашего покойного друга и соратника, а также за успех маневров, которые мы собирались предпринять и которые числились среди самых опасных, какие я только знал: это был подъем гроба, который лежал на глубине в четыреста метров по вертикали.

На следующий год – в 1955 – ещё одна похоронная церемония, ещё одна месса, которую отслужил Р.П.Гонен в пещере де-ла-Сигалер (в департаменте Арьеж) за упокой души нашего молодого брюссельского друга Мишеля де Доннэ – жертвы самоотверженности, утонувшего во время внезапного подъема воды в подземном потоке, в то время как он спешил вплавь в ледяной воде на помощь своим товарищам, попавшим в беду.

В 1955 году снова – ещё одна месса, отслуженная в подземной реке де-ла-Буиш, недалеко от города Фуа, его высокопреосвященством господином Гийе – епископом из Памье – была отслужена в присутствии группы французских и английских аквалангистов. Эти спелеологи собирались погрузиться в конечный сифон, который я открыл в 1938 году, в трех километрах от входа, и к которому я собирался их вести в компании Жозефа Делтея.

Следуя Евангелию, его высокопреосвященство господин Гийе обратился к присутствующим в выражениях, присущих обстоятельствам, и в рамках церемонии. Он сделал это со всей простотой, но в то же время в чрезвычайно возвышенном духе.

«Ваши имена, господа, останутся, вероятно, связанными с какой-нибудь пропастью, с каким-нибудь подземным залом, с каким-нибудь проходом, с каким-нибудь водопадом, и голос какого-нибудь гида передаст их в уши туристов, может быть безразличных.

Но какое это имеет значение для вас? Что важно для вас – так это чистая радость от сделанного открытия, эта радость, которая наиболее близка к радости Господа, к созидательной радости Господа, который на заре мира дал нам Библию, увидел, что его творение прекрасно и несет доброту. Спелеология – это спорт и, следует это отметить, один из редких бескорыстных видов спорта. Вы работаете, господа, не для того, чтобы получить какой-то приз, чтобы унести какой-нибудь кубок; вас не поддерживают, не возбуждают аплодисменты энтузиастов, неистовый трепет толпы, скопившейся на скамейках или на лужайке стадиона. Но нам хорошо известно, какой тщательной подготовки, какой строгой тренировки, каких тяжелых и порой героических усилий требует от вас каждая из ваших экспедиций. К такому усилию, к этому разумному напряжению всего существа добавляется риск – серьезные риски исследований в глубине земли: разрыв кабеля, внезапное наводнение, обвал.

Вы из тех, кто не только не избегает трудностей, а даже напротив – ищет их. Вы из тех, кто любит жить в опасности. Ваша честность, исключая всякий корыстный интерес, ваше мужество, сочетающееся с терпением и не выставляемое напоказ, ваш дух коллективизма, доходящий иногда до героизма, когда речь идет, как в прошлом году, поднять вверх, к дневному свету, разбитое тело одного из ваших товарищей. Эти естественные добродетели спелеолога, какой урок, дорогие мои друзья, дают они тому поколению, которое нацеливается прежде всего на эффективность, на быстрый и блестящий результат, тому поколению, которое позволяет размягнуть себя комфортом и легкой жизнью, тому поколению, основной движущей силой которого являются эгоизм и дух наживы. (Как своевременно звучат эти слова в наши дни! Ю.Б.)

Спелеология, господа, это не только наука и спорт – это школа высоких моральных качеств. Спасибо за тот урок, который вы нам даёте. Как пронизывая тонкий слой нашей человеческой истории, так и погружаясь в тысячелетнюю стратификацию доисторических эпох, спелеологи проникают в самое сердце Эволюции и сотворения мира, и тем самым они приближаются к их создателю – Богу.

«Вечная тишина этих бесконечных пространств пугает меня», – писал Паскаль об огромных межзвёздных просторах. Наука об этих пещерах, где ваш голос звучит в первый раз, глубоко волнует вас, а эта тишина вполне естественно приводит вас – я в этом глубоко уверен – к диалогу между человеком и его Создателем, как и первых пещерных людей, предыстория которых говорит нам о том, что они были существами религиозными.

Вы захотели отметить эту новую разведочную работу Лабуша такой церемонией, которая является одновременно выражением почтения к Создателю красоты этого мира и призывом к защите ваших работ. Вы, являющиеся католиками, вы знаете, вы верите, что Христос, воплощенный две тысячи лет тому назад, невидимо, но очень реально присутствует в этой церкви, в этой пещере, которую века за веками построили в его славу. Он вовсе не чувствовал себя там не в своей тарелке – если я осмелюсь использовать это столь привычное выражение. Не появился ли он сам, Он, сын Божий, в пещере?»

По заверении этой епископской мессы – это был первый раз, когда какой-то епископ совершал богослужение под землей, – его высокопреосвященство Гийе продвинулся ещё на километр в лодке, до подножия первого водопада, где он дал свое благословения аквалангистам, которые шли строем, один за другим, прежде чем погрузиться в тот сомнительный сифон, который остановил меня двенадцать лет тому назад и который, кстати сказать, оказался непрístupным, будучи слишком глубоким и слишком узким.

В предыдущей главе мы уже рассказывали о том, что в 1957 году священник Скаутов Спелеологов в Экс-ан-Провансе господин Р.П.Фреми отслужил мессу в пропасти Реймонд в департаменте Верхняя Гаронна по случаю моего шестидесятилетия и моего подземного юбилея.

Деревенский алтарь, украшенный горными цветами, был сооружен на одной естественной эстраде из нагроможденных скал, в центре прекрасного стрельчатого зала. Во время церемонии присутствующие, состоящие из двадцати шести провансальских и пиренейских спелеологов, пели во весь голос, и это пение ещё долго раздавалось под тысячелетними сводами.

За мессой последовали самые тёплые изъявления чувств, когда мои молодые друзья вручили мне «почетную лампу», а также громадный пирог, на котором я должен был задуть свечи, и набор бутылок шампанского, которые были выпиты за успех осуществляемой кампании и за здоровье «юбиляра».

«Шестидесятилетний спелеолог», будучи должным ответить на столько изъявлений почтения и дружбы, сделал это в виде туманной речи, некоторые отрывки из которой были спасены от забвения одним импровизированным стенографистом.

«Меня особенно трогает то, что эта пропасть, которую я только что открыл, была сегодня же освящена подземной мессой, отслуженной нашим священником господином Р.П. Фреми. Годовщина моего шестидесятилетия, одухотворённая мессой и отпразднованная вашими проявлениями столь сердечного отношения – всё это проникло мне прямо в сердце, в душу, следовало бы мне сказать. Для меня это самое лучшее и самое успокаивающее из церковных поминовений в настоящий момент, всегда с отпечатком меланхолии, когда чувствуешь, что необходимо подумать об уходе на покой, об уходе, который я позволяю себе, несмотря ни на что, предусмотреть только как постепенный, не слишком внезапный и не окончательный... Я получил свою долю, щедрую и долговременную, и я благодарю Господа за то, что он сделал эту мою долю столь прекрасной. До такой степени, что я желаю вам всем, присутствующим здесь, изведать такие же приключения и такие же моменты спортивных и научных радостей, какие испытал я под землей, и вкушать их там в течение столь же долгого времени.»

Прошло три года после этой годовщины и, благодарение Богу, я продолжаю спускаться под землю по старой привычке, которая представляет из себя непреодолимую страсть.

В тот момент, когда я пишу эти строки, я только что поднялся на Пуи-дю-Ван – Сважину Ветра, – которая с её шестьюстами пятидесяти семью метрами считается четвертой пропастью в мире.

Конечно, я не спускался до самого дна, потому что мое место больше не числится в бригадах аквалангистов. Но я достиг отметки в 200 метров, и там я прохаживался, в одиночестве, в одном из самых обширных известных залов, который является также одним из самых хаотических. Я долго бродил там в обстановке суровой, дикой и поистине величественной, воскресая там в памяти всю мою карьеру, гораздо более насыщенную и многообразную, чем её представляют страницы этой книги, которая является как бы автобиографией – произведением, которое всегда трудно писать. Но мог ли я распространяться дальше, в то время как у меня такое чувство, что я и так слишком много рассказал и может быть утомил читателя.

В этом августе месяце 1960 года, когда я блуждал, со своим фонарем в руках, в хаосе Зала Ветра, я вновь испытал эмоции и радости моего наполовину подземного существования и я ещё раз убедился и повто-

рил себе, что от этого подземного мира, откуда человек возвращается всегда более чистым и более счастливым, никогда не устает.

Дойдя до предела этого безмерного нефа длиной в триста пятьдесят метров – Зала Ветра, – я сел на одну скалу, погасил свою лампу, и там, в непроглядной и вечной тьме, я воскресил в памяти и призвал ту, которая когда-то сопровождала меня и помогала мне под землей с таким рвением и мужеством. Как обычно, я ощутил тогда чьё-то присутствие: хрупкий и нежный призрак Элизабет возле меня, со мной, на несколько мгновений...

Потом я вспомнил об одном обещании, данном моему другу и коллеге-спелеологу Ральфу Парро – этому утонченному подземному поэту: об обещании произнести однажды громким голосом, в глубине пропасти, его Молитву Спелеолога.

Моя непослушная память так никогда и не смогла удержать более двух строф из трех, но я зачитал их наизусть с увлечением, ибо они содержат всю спелеологию и дороги моему сердцу спелеолога:

*Господь мой, Ты поместил меня в этот земной мир,
Где я могу созерцать синее небо, вселенную,
А я выбрал пропасть и глубокую пещеру,
Где древние видели врата Ада,
Так как бездна наполнена неизвестным великолепием,
Которое во тьме прославляет Твое имя.
А тот, кто воспламенится, поднимаясь к облакам,
Вновь оказывается ~~на земле~~ в своём ранге незрелого плода.
Господь мой, Ты сотворил подземные красоты,
Одобрение риска и цену усилия...
Храни меня, столь хрупкого, в этих изнуряющих краях,
Где за Покоем иногда таится Смерть.
Защищай меня от волны внезапного гнева,
От спазма, от ~~скажины~~ и от ~~рытвины~~,
От западной темноты и от ненадежного утеса.
И когда, наконец, для меня настанет час
Также уходить к той стране, что там наверху,
Будь милосерден, Господь, к моей наивной душе
И прими у себя бедного спелеолога.*

Норбер Кастере. Январь-май 1960 года.

Замок Кастель-Мурлон,

Город Сен-Годенс (департамент Верхняя Гаронна),

Подстрочный перевод с французского Ларисы Епифановой

*Молитва спелеолога.
(Ральф Парро)*

*Ты уготовал мне, Господь, блаженный мир земной,
Где б мог я небо созерцать и звезды в час ночной.
Но я избрал удел иной – милей мне пропасть та,
Где люди мнили с древних пор лишь адские врата.
Привычной тверди антипод, каким астральным он
Благоговеньем тишины и мрака напоён!
Воспрянув к облакам, спешит воспламениться тот,
Кто бранный путь свой завершит, как незрелый плод.
Мне ж мир подземной красоты – награда за труды,
Цена за риск, что выбрал я. Но выбор дал мне Ты!
Так охраняй меня, Господь, удел столь хрупок мой.
Ведь Смерть подстерегает плоть, где чудится Покой.
Один неосторожный шаг – не миновать беды!
Вмиг поглотит зловецкий мрак неверные следы...
Таит капканы темнота и ненадежен склон.
Здесь даже музыка не та. Другой здесь даже стон...
И в час, когда придет пора на суд явиться Твой,
Будь милосерден до конца к наивному душой.
Дай в горнем царстве мне найти приют в конце пути.
Дай спелеологу покой извечный обрести!..*

(Литературный перевод Ю.Баулина, октябрь, 2011)

13. РОССИЙСКОЙ СПЕЛЕОЛОГИИ ПОЛВЕКА

Я считаю, что нет ни высот, ни глубин, которых человек при помощи Разума не мог бы достичь.

*Генерал сэр Джон Хант,
начальник победоносной экспедиции на Эверест.
1953 г.*

За полвека сменилось три поколения российских спелеологов.

Себя я отношу (хотя бы по возрасту, а не по заслугам) к старшему поколению – первой генерации пещерных людей середины XX века, которое вместе с Виктором Дублянским и Владимиром Илюхиным стояло у истоков нового направления науки о земле – спелеологии, в рамках возможностей, предоставленной политической системой страны, основанной на тотальной централизации и зарегулированию всех без исключения способов проявления научной, художественной, спортивной и просто нестандартной деятельности.

70-80-е годы характеризуются как приход под землю второй волны романтиков. Это было время «пещерного Ренессанса», отмеченное открытием и обследованием наиболее впечатляющих шахт и пещер, позволивших российской спелеологии выйти на мировой уровень. В этот период, благодаря естественному процессу технической революции, совпавшему по времени с пробуждением социальной активности в стране, тяга к овладению подземным пространством приняла массовый характер, что не могло не привести к дифференциации интересов и созданию новой идеологии значительной части уже сформировавшихся пещерников, не желающих втискиваться в ограниченные рамки официального спелеотуризма.

Наконец, на рубеже столетий возникло новое направление – диггерство – тут же вошедшее в конфликт с определенными структурами государственной машины, предназначенной оберегать подземное пространство городов, промышленных и военных объектов от любого проникновения посторонних, какими бы благими намерениями они не руководствовались.

Этот период характеризуется приходом нового поколения, которое больше не нуждалось в параллельном освоении новых территорий в виде гипертрофированных порождений эпохи коммунальных квартир и общежитий под землей.

Однако, может быть, свойственное человеку стремление к новизне и глубоко заложенная в человеческой природе потребность познать не-

познанное, спроецированные на сложившиеся ранее социально трансформированные формы активного поиска стресса путем освоения новых средовых условий, доставшиеся нам от биологических предков и являются побуждающей силой для всех поколений исследователей подземного пространства?

Не исключено, что природа заложила во все живое стремление к активному овладению непривычными «средовыми условиями», и это стремление осуществляется всякий раз, как в популяции возникает «дефицит рассогласования» со ставшей уже привычной средой.

С точки зрения этой гипотезы, выдвинутой Б. Алякринским и С. Степановой («По закону ритма», И. Н. 1985), можно полагать, что завоевание новых условий обитания в процессе биологической эволюции происходит и направляется задачей активного поиска физиологического стресса, определенного разлада с окружающей средой. Проникновение в новую среду совершенствуют приспособительные механизмы и тем самым создает предпосылки для еще большего расширения среды обитания. Не является ли активный поиск стресса движущей силой прогресса эволюции живых систем?

А может, все проще? Может активный поиск альтернативной среды обитания вызван не биологическими, а социальными условиями, которые складывались на определенных этапах развития человеческого общества, как это было в эпоху возникновения христианства?

Подобное противостояние определенной части социума агрессивным попыткам правящей системы искоренить зарождающиеся ростки нового мировоззрения, идущие наперекор основным догматам правящей системы и породило волну бегства в параллельные миры, реальные или виртуальные, дабы сохранить себя, как биологические объекты.

Так случилось в России на рубеже 70-х – 80-х годов XX века, предшествующих развалу последней российской империи – авторитарной системы, не допускавшей параллельного существования другого образа мышления в любом его проявлении.

К сожалению, высшие интересы Государственной Системы диаметрально разошлись с интересами адептов реальных спелеосистем. Тотальная система ни в коем случае не могла позволить существование любых параллельных структур, организация и конечные цели которых хоть в чем-то отклонялись от единого стандарта. Конфликтная ситуация этих лет приняла самые уродливые очертания и подробно описана во многих публикациях последних лет.

Но тут я вплотную подхожу некоей невидимой, но четко ощущаемой границе, переходить которую не имею морального права, так как непосредственного участия в этих событиях не принимал, а судить о них могу только на основании рассказов очевидцев, в той или иной степени страдающих субъективизмом.

К сожалению, как и у многих, переваливших к этому времени за полувековой рубеж, у меня возникли проблемы со здоровьем, резко сменились научные и производственные ориентиры, период активного увлечения пещерами завершился. Вместе с ним закрылась моя страничка в летописи российской спелеологии.

Это, однако, не означает, что я либо деградировал как специалист в данном направлении, либо стал ярким противником изучения и освоения катакомб и других искусственных подземных сооружений.

В начале 50-х годов, в период работы на Кавказе в составе Кубанской геофизической экспедиции, мне пришлось не просто побывать, а детально изучать многие действующие и заброшенные рудники.

Свинцово-цинковые шахты Садона, Бурона, Верхнего Згида, Тибско-Мамисонское месторождение киновари, заброшенные бельгийские штольни Дзуариккау, наконец, знаменитый вольфрамомолибденовый комбинат Тырны-Ауза в Приэльбрусье – это только один из этапов моей многолетней подземной геофизической эпопеи. Так что, опыта не занимать.

И теперь, когда я сталкиваюсь с определенными попытками части спелеобратства заняться самостоятельным освоением отработанного подземного пространства, я не могу не высказать своего отрицательного отношения к этой затее. Тем более, что где-то я уже наткнулся на призыв, разрешить использование в этих целях законсервированный комплекс Тырны-Ауза.

Во-первых, Тырны-Ауз представляет собой сложнейший трехмерный лабиринт, начиненный отслужившей свои сроки техникой. В нем уже много лет не проводится необходимых профилактических работ, обеспечивающих необходимый минимум безопасности, что делает его крайне опасным для любых посещений, тем более, для активного неконтролируемого использования.

Во-вторых, судя по последней информации, его прочно оккупировали местные боевики-экстремисты, вытеснить которых из этого хорошо укрепленного лабиринта – задача не из легких даже для специальных подразделений.

В-третьих, все подземные сооружения подпадают под действие Закона об охране недр..., который еще никто не отменял.

Примерно также обстоит дело и с другими, выведенными из эксплуатации подземными объектами.

Что касается каменоломен и других искусственных лабиринтов, то любители их исследования должны руководствоваться прежде всего, целесообразностью и здравым смыслом. Как-никак, но все они являются объектами повышенной опасности.

Лично для себя вопрос «катакомбы или пещеры?», я давно решил в пользу пещер.

Пусть не осудят меня за это спелеонавты, спелестологи, диггеры, приверженцы кейвинга или кейвлайвинга и другие достойные представители подземного братства...

Подобная дифференциация своим возникновением обязана не только естественному развитию интереса, проявляемого к «ближнему геокосмосу», лежащему у нас под ногами.

Роль катализатора этого процесса принадлежит, прежде всего, революционному изменению политической, социальной и, как следствие, географической обстановки на постсоветском пространстве, последствия которого соизмеримы только с последствиями глобальных природных катастроф.

То, что на протяжении десятилетий было естественным, как дыхание, в одночасье стало затруднительным, и даже просто невозможным, во всяком случае, на какой-то ощутимо длительный период.

Пещеры Крыма и Подолии перешли под юрисдикцию Украины, обширные спелеопространства оказались в зоне вооруженного конфликта между Грузией и Абхазией, перспективнейший карстовый район Кугитанга в нынешнем Туркменистане практически полностью изолирован от внешнего мира. Да и по России сейчас не очень-то наездиться – налетаешься...

Но осталось стремление к свободе, к открытиям, которое неподвластно никаким границам, никаким запретам, ибо оно заложено в человеке на генном уровне и не может быть отменено никаким «Новым Законом Природы», даже если на нем будет стоять «Большая Королевская Печать».

Полувековая история российского «андеграунда» переполнена именами, фактами и объектами, одно только перечисление которых составит солидный список. Кроме того, драматические коллизии прошедших лет требуют бережного отношения и непредвзятости освещения

в печати (очередной парадокс по отношению к предмету разговора). Мои потуги привести в этой главе хотя бы хронологический перечень основных исторических фактов потерпели крах, вследствие ощутимых информационных провалов, вызванных неординарными событиями, приведшими к демонтажу тоталитарной системы, на фоне которых потускнела история российского подполья.

Но самое главное препятствие – потеря чувства резонанса с предметом исследования, без которого любая, самая увлекательная и драматичная история превращается в сухой протокольный перечень дат и названий, мало что говорящий сердцу и летописца и читателя.

Только тогда история российской спелеологии может приобрести наполненность и звучание, как в стихотворении Анны Ахматовой «Таинственные страницы»:

*И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке...*

14. ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

*Познай, где свет, поймешь, где тьма...
Экклизиаст*

Общеизвестно, что эмоциональное воздействие природы на психику человека основано на законах контраста.

Степень восприятия человеком событий, явлений или материальных объектов тем выше, чем выше контраст воспринимаемого с привычными условиями жизни.

При первом посещении пещер контраст обстановки подземного мира бывает столь разителен, что по уровню эмоционального воздействия пещеры можно сопоставить, разве что с космическими полетами. (или ядерными катаклизмами)...

Контраст света и тьмы, свободы и ограниченности пространства, уюта и дискомфорта, действительных преград и мнимых опасностей способен поразить, испугать, парализовать новичка, отринуть, или наоборот, пробудить любопытство, жажду проникновения, активизировать мышцы и мозг, как это произошло с Норбером Кастере.

Необычность и совершенство пещерного убранства могут так глубоко подействовать на неопита, что превратят его навсегда в восторженного раба, фанатичного служителя и ревностного почитателя подземелий.

А далее – обычная логическая цепочка: от восторженного созерцания к сосредоточенному наблюдению, углубленному научному обобщению и постижению закономерностей – именно то, что приносит законченное эмоциональное удовлетворение.

Так случилось со многими известными мне спелеологами

Но так не случилось со мной, ибо пройдя первый этап, я не задержался на втором, чуть-чуть коснулся третьего и практически не добрался до четвертого... Поэтому могу твердо сказать: я не стал настоящим спелеологом...

Заключительная часть работы над книгой образно свелась к процессу фотопечати в период черно-белой фотографии: манипулирование со светом-тенью, когда автор пытается с помощью нехитрых приемов подчеркнуть или приглушить то, что ему представляется **нбе** важным либо неприемлемым. И добивается при этом желаемого эффекта!

Передвигаясь вокруг натечной композиции центрального зала шахты Кастере, я смог добиться таких изобразительных решений, которые

немыслимы в условиях неограниченного пространства на поверхности земли при использовании полной цветовой гаммы!

Отсюда принцип, ставший эпиграфом к этому заключительному разделу книги: «Познай, где свет, поймешь, где тьма...».

Моим будущим оппонентам и критикам хочу напомнить, что это было время младенчества и юности советской спелеологии, период «Когда деревья были большими», рекорды – маленькими, а фотографии – черно-белыми...

В моем архиве бережно хранится фотография, сделанная в августе 1982 года в окрестностях Чатыр-Дага. На снимке – группа участников III Всесоюзного совещания по спелеологии и глубинному карсту, проходившего в Алуште. Я не помню их всех поименно, более того, даже точно не знаю, откуда они приехали в Крым на своей машине, оборудованной под передвижную спелеобазу – из Перми, или из Свердловска, а может, еще откуда-то. Возраст участников колеблется от 20-25 до 45-50 лет. Значит, сейчас самым старшим – уже под 80... Но не это главное.

Теперь, по прошествии тридцати лет, когда я смотрю на эти одухотворенные лица (иного определения невозможно подобрать!), меня поражает вдохновенное выражение единства (не по мандату партии!), а по общей цели, по той внутренней идее, которая привела столь разных людей на Тропу подземной ночи.

Фотография знаковая. Я назвал ее «Пещерные люди XX века».

Именно к ним адресуется послание А.С. Пушкина, 19 октября 1827 г.:

*Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!*

15. БИБЛИОГРАФИЯ.

- Гвоздецкий Н.А. По зарубежной Европе. Изд-во Московского Университета. 1970.
- Гвоздецкий Н.А. Карст. М.: «Мысль». 1981.
- Гуслицер Б.Н., Канивец В.Н. Пещеры Печорского Урала, «Наука», М-Л, 1965.
- Домбровский О.И., Щепинский А.А., Дублянский В.Н., Гончаров В.П., Иванов Б.Н.
- Дорофеев Е.П., Лукин В.С., Кунгурская Ледяная пещера. Путеводитель-атлас. Пермское книжное издательство, 1970.
- Дублянский В. Н., Гончаров В. П. В глубинах подземного мира. Симферополь, изд-во «Крым», 1970.
- Дублянский В. Н., Илюхин В. В. Вслед за каплей воды. М., «Мысль», 1971.
- Дублянский В. Н., Шутов Ю. И. Коррозионно-эрозионные карстовые полости горного Крыма. В кн.: «Пещеры», вып. 12—13, 1972.
- Дублянский В. Н., Шутов Ю. И. Коррозионно-нивальные карстовые полости горного Крыма. Изв. ВГО, 1967, № 6.
- Дублянский В.Н. Занимательная спелеология. Изд-во «Урал ДЕВ@? 2000/ Дублянский В.Н. Карстовые пещеры и шахты Горного Крыма. Изд-во «Наука». Л. 1977.
- Дублянский В.Н. Пещеры Крыма. Научно-популярный очерк. Симферополь, Изд-во «Таврия», 1977.
- Дублянский В.Н., Зеленин Г.А. Чудеса подземного мира. Симферополь, 1965.
- Дублянский В.Н., Илюхин В.В. Крупнейшие карстовые пещеры и шахты СССР. М.: Изд-во «Наука», 1982.
- Дублянский В.Н., Ломаев А.А. Карстовые пещеры Украины. Киев, «Наукова Думка», 1980.
- Душевский В.П., Чиннов П.В., Шутов Ю.И., Чатыр-Даг. Путеводитель. Изд-во «Таврия», Симферополь, 1975.
- Иванов Б. Н. Карст Крыма и его значение в народном хозяйстве. Труды МОИП, т. 12, 1962.
- Илюхин В.В., Дублянский В.Н. Путешествия под землёй. Изд-во «Физкультура и спорт», Москва, 1981.
- Исследование карстовых пещер в целях использования их в качестве экскурсионных объектов. Тезисы докладов Всесоюзного совещания. 17-23 ноября 1978 года, Сухуми.
- Как раскрываются тайны. Симферополь, Крымиздат, 1962.
- Кастере Н. Десять лет под землей. М., «Мысль», 1956.
- Кастере Н. Зов бездны. М., 1962.
- Кастере Н. Моя жизнь под землёй. Изд-во «Мысль», Москва, 1974.

- Кастере Н. Полвека под землей. М., «Дет. Лит.», 1975.
- Кастере Н. Тридцать лет под землей. М., «Мысль», 1964.
- Максимович Г.А., Рубель Р.Б., На земле и под землей. Средне-Уральское книжное издательство. Свердловск, 1966.
- Мальцев В.А. Пещера мечты. Пещера судьбы. «Астрель», 1997.
- Перепелицын А.А. Россия подземная. Неизвестный мир у нас под ногами – М.; Вече, 2006 – 352 с.: ил – (Путеводитель сталкера)..
- Пещеры Грузии. Спелеологический сборник. Изд-во «Мецниереба», Тбилиси, 1978.
- Пещеры Урала. Изд-во «Физкультура и спорт», Москва, 1971.
- Пещеры. Вып. 10 – 11, Пермь, 1971.
- Пещеры. Вып. 6(7), Пермь, 1966.
- Проблемы изучения карстовых полостей гор южных областей СССР. Ташкент. Изд-во «ФАН» Узбекской ССР. 1983.
- Ротко Бахарденская пещера. Ашхабад. 1962.
- Сифр М. Один в глубинах земли. Изд-во «Мир», Москва, 1966.
- Сифр М. В безднах земли. Изд-во «Прогресс», М, 1982.
- Смирнов В. В глубинах пещер. Симферополь, 1964.
- Смирнов В. В мире вечного мрака. М., 1964.
- Сом С. Катакомбный итог. 2010.
- Танасийчук В.Н. Под землей с фотоаппаратом. Изд-во «Детская литература». М. 1974.
- Танасийчук В.Н. Мы едем на край света. Изд-во «Детская литература». М. 1974.
- Танасийчук В.Н. Подземные дворцы. Изд-во «Детская литература». М. 1978.
- Тинтилозов З.К. Анакорийская пропасть. (Опыт комплексной спелеологической характеристики), Тбилиси, 1968.
- Труды Комплексной карстовой экспедиции АН УССР, Выпуск 1 Исследования карста Крыма. Киев, 1963.
- Фульье А. Психология французского народа. СПб., 1899.
- Холидей У. Приключения под землей. М., 1963.
- Чикишев А.Г. Пещеры на территории СССР, Изд-во «Наука», М., 1973.
- Чупилов. Б.П. Нагорье Караби. Путеводитель. Изд-во «Таврия», 1975.
- Шутов Ю.И. Большой Каньон Крыма. Путеводитель. Изд-во «Таврия», Симферополь, 1990
- Шутов Ю.И. Большой Каньон. Путеводитель. Изд-во «Таврия», Симферополь, 1977.
- Якуч Ласло. В подземном царстве. Государственное издательство географической литературы. Москва, 1963.
- Jaskyne na Slovensku. Anton Droppa. Obzor/1967

Содержание

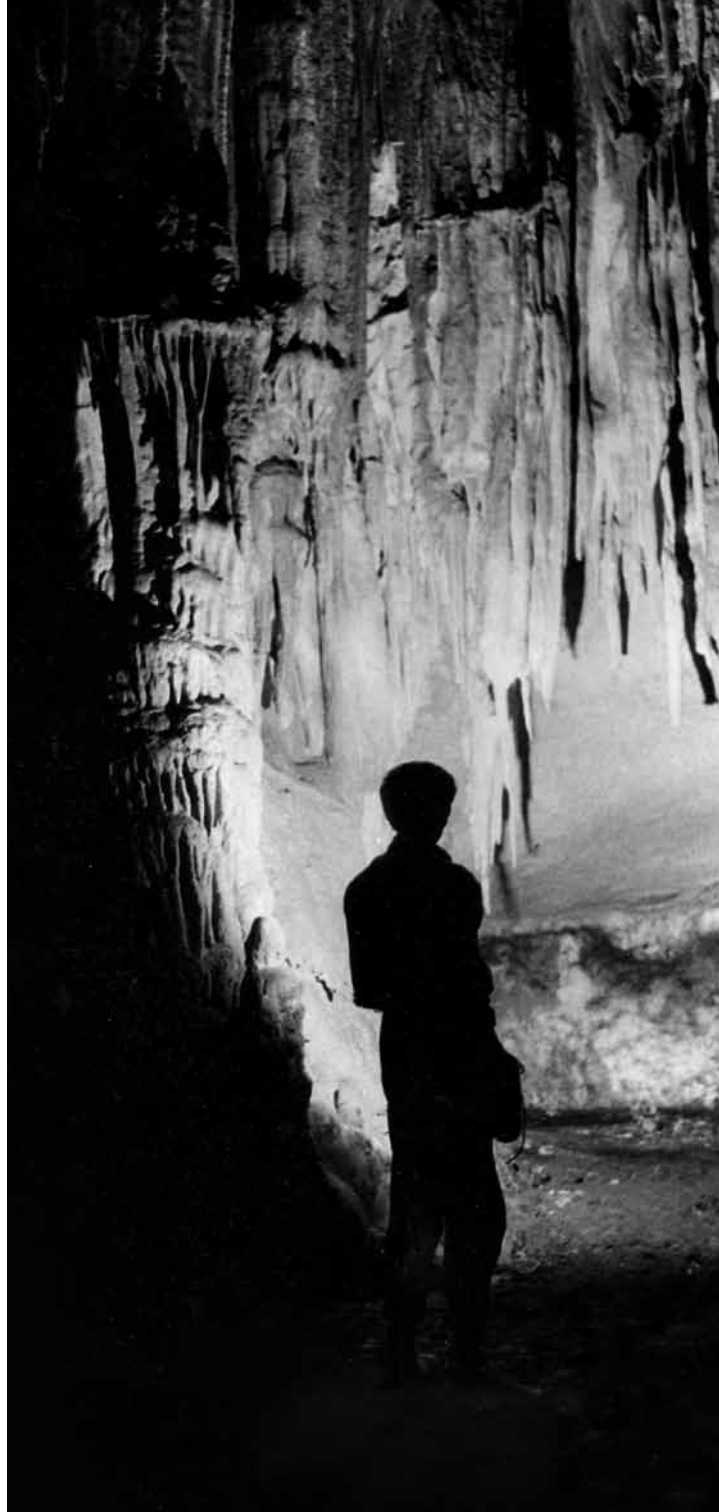
1. ДОРОГИ, КОТОРЫЕ ВЫБИРАЮТ НАС.	3
Начало пути. (Вместо предисловия).....	3
Ялтинский гидротоннель.	7
Биюк-Узен-Баш.....	8
Остановленные мгновения.....	11
2. ЭТИ ДЛИННЫЕ, ДЛИННЫЕ КИЛОМЕТРЫ.....	18
Как раскрываются тайны? (Немного истории).....	18
Куда уходят радиоволны?.....	20
Кизил-Коба – 62 (Контрольный срок).....	24
Кизил-Коба.....	66
(Ночи без звезд).....	29
Под каменным небом.....	36
Пятый сифон.....	36
На этот раз – осечка... ..	37
Возвращение на родную Землю.....	37
Какого цвета Красные пещеры?.....	39
3. ВЕРТИКАЛИ-ВЕРТИКАЛИ.....	42
Не ВНИЗ, а ВГЛУБЬ!.....	42
Караби – 63.....	47
А перед этим была Джаз-Коба.....	56
Несравненная Шахта Кастере.....	58
Молодые устанавливают рекорд.....	60
Vive la Paix!.....	62
Вы снова здесь, изменчивые тени!.....	67
Большой Бузлук – апофеоз крымских пещер.....	73
4. ЧАТЫР-ДАГ ВИДЕН ОТОВСЮДУ.....	76
Воспетый Адамом Мицкевичем.....	76
Окрестности Аянского источника.....	79
Пещеры Чатыр-Дага – вчера и сегодня.....	83
С аквалангом – под землю.....	86
Рядом с мечтой. Сокровища Эминэ-Баир-Хосар.....	88
«Ход конем». Размышления по поводу находки кристалла исландского шпата (Крым, Чатыр-Даг, 1964 год).....	94
А по каким законам?.....	96

5. В МИРЕ КАМНЯ И ЛЬДА	102
Экспедиция «Кунгур-1964»	102
На первое свидание	104
Какая ты, Кунгурская Ледяная?	105
Геофизический комплекс	107
Хранители Кунгурской Ледяной пещеры	109
Что скрывал «Рог изобилия»	110
Ледяной Горы Хозяйка	113
Кунгур – Пуп Земли	114
6. И ПОЕХАЛ НА КАВКАЗ	115
Кавказский пленник	115
Уроки Нового Афона	116
Издержки «шоу-бизнеса»	120
7. ТУРКМЕНИИЯ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ПЕСКИ И ДЖЕЙРАНЫ	123
Ков-Ата – Отец пещер	123
Бахарден – дитя термальных вод	126
Прототипы современного георадара	128
Птицы с плачущими голосами	129
«Тайны» Кугитанга	131
8. ПЕЩЕРЫ ИЛИ КАТАКОМБЫ?	133
Подмосковные лабиринты	133
Пещера Улая – странное название	136
Как нас теперь называть?	140
О чем не догадывался Тезей (Основы лабиринтоведения)	142
9. ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ	146
Страхи мнимые и действительные	146
Творение рук человеческих не может быть примитивным	148
«Спящая красавица»	150
Grotta Azzurra (Подводные пещеры)	151
Пещеры Полярного Урала	154
У входа в Капову пещеру	155
Ледяные пещеры Антарктиды	156
Рукотворный лабиринт за Полярным кругом	157
Пещеры и архитектура	160
Пещерные жилища	161
Пещера Марка Твена	162
Пещера Чирак-Таш	164

Зоопарк под землей	165
Молнии и пещеры	165
Характеры пещер	165
10. НА ЗОВ БЕЗДНЫ.....	167
Дорога в ближний геокосмос.....	167
Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери	170
Жак-Ив Кустó	171
Ален Бомбар	173
Гарун Тазиев.....	174
Норбер Кастере (1897-1987).....	175
Чему нас научил Норбер Кастере.....	176
11. ВЕЛИКАЯ ТРИАДА ПОДЗЕМЕЛЬЯ:	
ТЪМА – ТИШИНА – ОДИНОЧЕСТВО.....	180
ТЕМНОТА – классический и важнейший из факторов, определяющих наше поведение под землёй	182
ТИШИНА является вторым основным фактором подземного пространства.....	183
Теперь – об ОДИНОЧЕСТВЕ в пещерах.....	186
Время, какое ты в подземном мире?	188
12. ОДУХОТВОРЕННОСТЬ ПЕЩЕР.....	192
Ищите редактора.....	192
Spiritualite des Cavernes Духовное притяжение пещер. Норбер Кастере.....	194
13. РОССИЙСКОЙ СПЕЛЕОЛОГИИ ПОЛВЕКА.....	205
14. ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА	210
15. БИБЛИОГРАФИЯ	212
16. Тропой подземной ночи... (фотоальбом)	217

Тропой подземной ночи...

фото Ю. И. Баулина

Что там скрывает темнота?

У входа в Кизил-Кобу.
Справа – Археологическое кольцо. 1962 год.

Юрий Иванович Шутов в родной стихии.
Биюк-Узенбаш, 1962 год

Индийский храм в Зале Сказок.
Кизил-Коба, 1962 год.

Китайские пагоды. Кизил-Коба, 1962 год.

Не падший ангел здесь свои оставил крылья?
Кизил-Коба, 1962 год.

Раздвигающий скалы. Кизил-Коба, 1966 год

А это то же самое место, снятое в 2008 году

Первым всегда идет психрометрист.
Кизил-Коба, 1966 год.

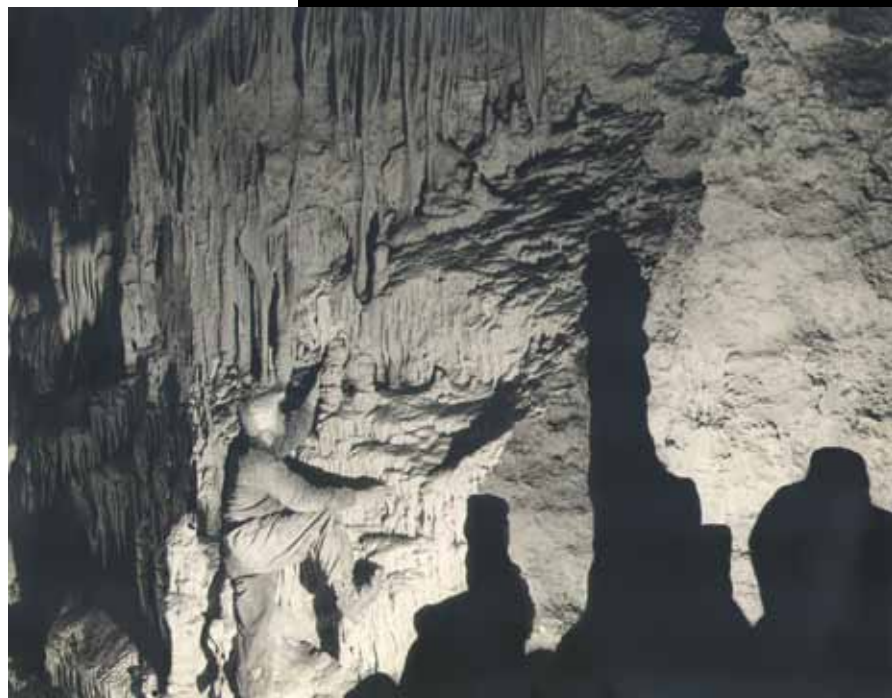
Рискованный маневр. Кизил-Коба, 1966 год.

Гидрокостюмы тоже
нуждаются в отдыхе...
Кизил-Коба, 1966 год.

Возвращение в Северную гавань.
Кизил-Коба, 1966 год.

В засифонной части Кизил-Кобы. 1966 год.

Снова солнце! Кизил-Коба, 1962 год.

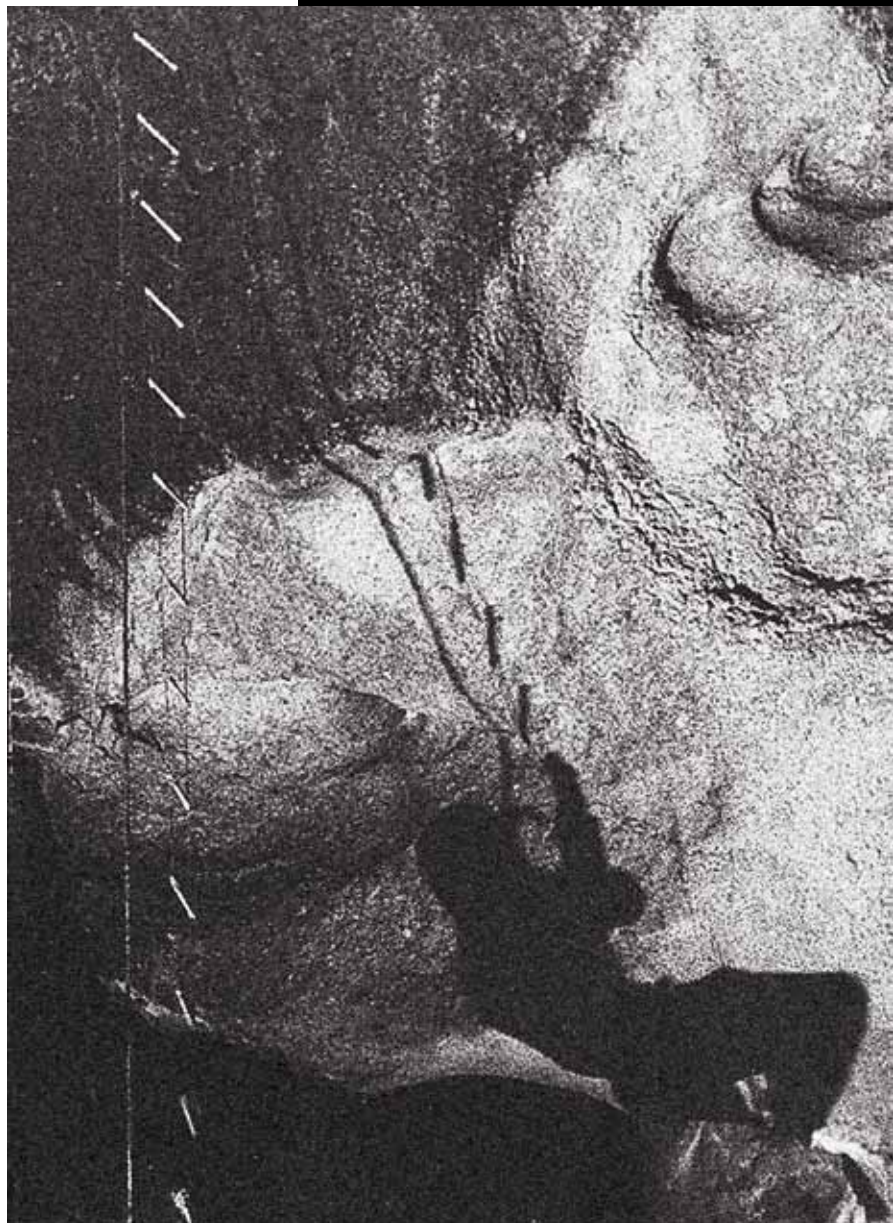
Уютно устроилась в пасти дракона...
Биюк-Узенбаш, 1962 год.

Хранитель шахты Мира

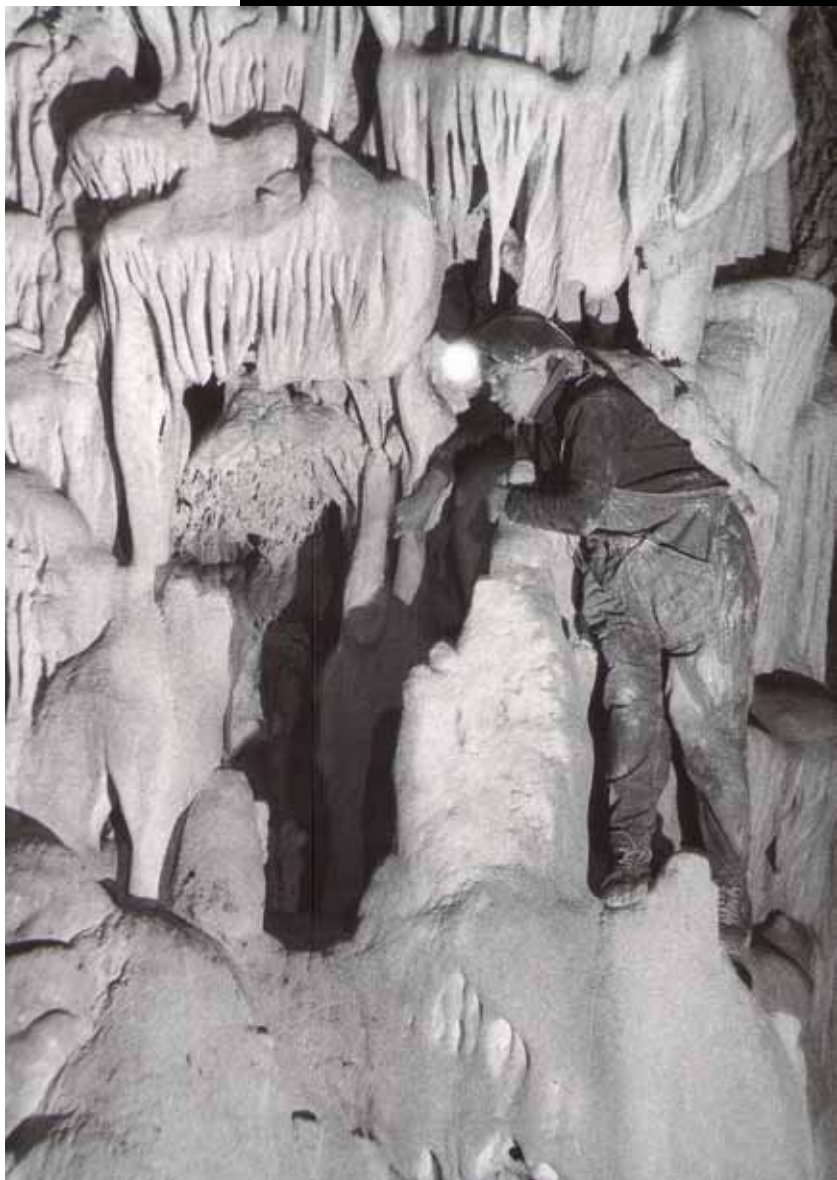
Главный зал Шахты Мира.
Караби, 1963 год.

«Черный Спелеолог»

А это – добрые духи-хранители пещеры.
Караби. Шахта Мира, 1963 год.

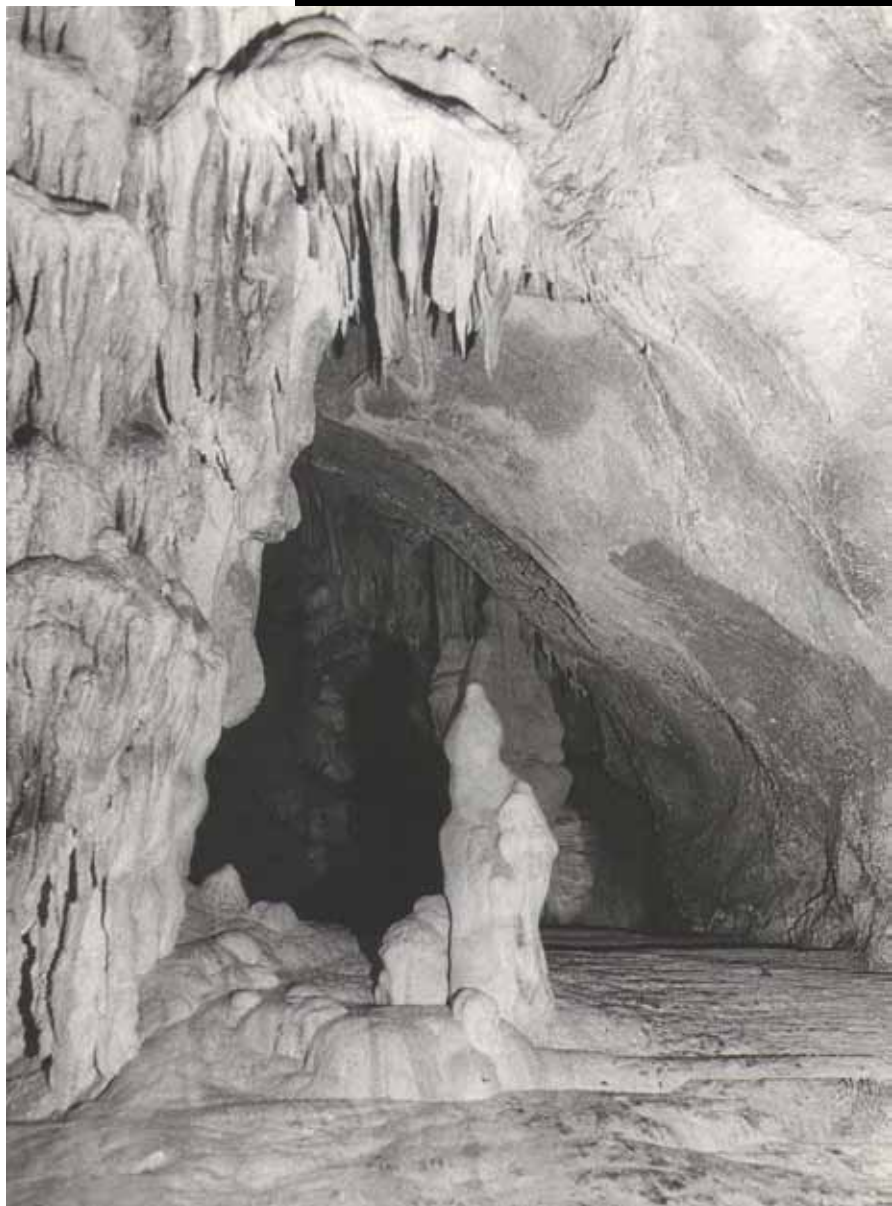
Фарфоровая беседка.
Шахта Мира, Караби. 1963 год.

Когда Земля и Небо меняются местами.
Спуск в грот Большой Бузлук.
Караби – 1963 год.

Тронный зал. Шахта Кастере.
Караби -1963 год

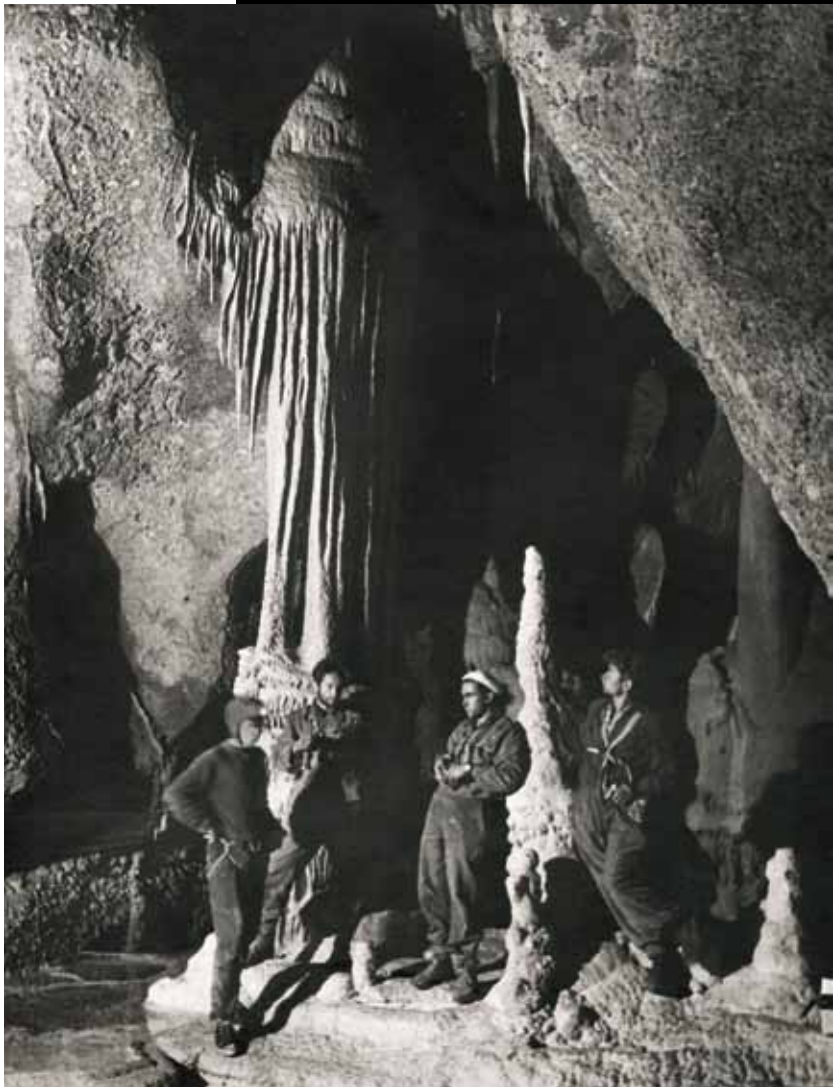
Пещерная Мадонна оберегает сокровища шахты Кастере. Караби, 1963 год.

Перед спуском в шахту
«Монастыр-Чокрак». Караби, 1963 год.

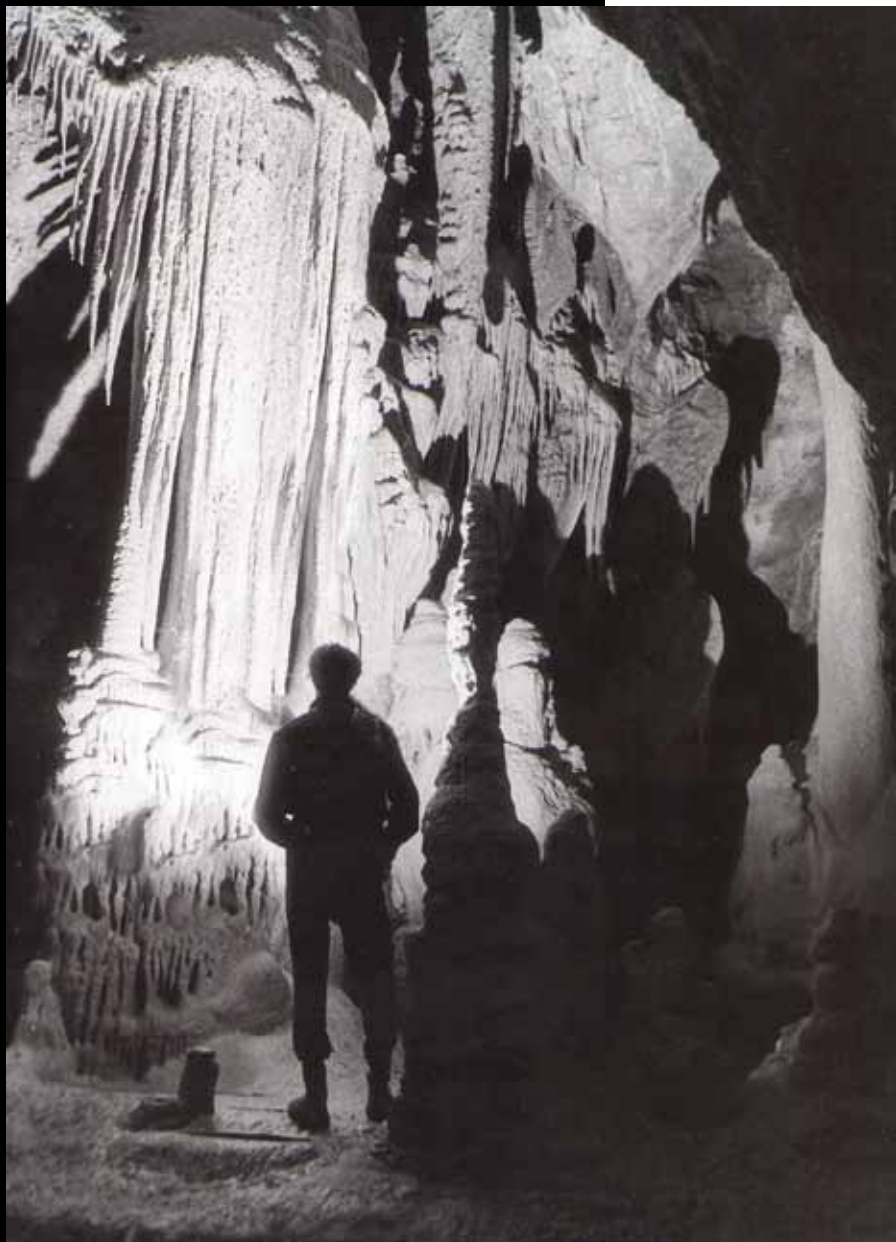

Монастыр-Чокрак. Вид изнутри.
Караби, 1963 год

Участники Первой Всесоюзной школы-семинара спелеологов в шахте Кастере.

Слева – направо:
Даниил Усиков, Николай Павлов,
Борис Коган, Юрий Шаповалов.
Караби, 1963 год.

«Борода Черномора». Шахта Кастере, 1963 год.

Уголок Центрального зала шахты Кастере.
Караби, 1963 год.

«Солнечные диски»
в шахте Кастере.
Караби, 1963 год.

«Пуп Земли», Кунгур, 1964 год.

Штурмуем недра Чатыр-Дага.
1982 год.

242

Спуск в шахту Эминэ-Баир-Хосар.
1982 год.

Эминэ-Баир-Хосар.
Спуск в новую систему.
Чатыр-Даг, 1982 год.

Здесь до меня уже кто-то побывал...
Эминэ-Баир-Хосар, 1964 год.

А дальше – стена...
Караби, система Эгиз-Тинах, 1963 год.

Такими мы входим в пещеру...

...и такими выходим...

Новофонская пещера.
Строительство пешеходной эстакады
в зале Спелеологов. 1973 год.

Кристаллиты. Новофонская пещера, 1973 год.

Спуск в Бахарденскую пещеру.

Вход в Одесские катакомбы.

А это не лед, но очень похоже...
Каменные джунгли. Эминэ-Баир-Хосар.
Чатыр-Даг, 1982 год.

Застрял в «шкуродере». Кунгур, 1964 год.

Такие снежинки растут в Кунгуре.

Ледяные изваяния. Кунгур, 1964 год.

Проект памятника космонавтам,
Кунгур, 1964 год.

Фантазия на тему... Кунгур, 1964 год

Доцент Фролов читает лекцию.
Кунгур, 1964 год.

Фотосъемка в пещерах – дело ответственное!
Кунгур, 1964 год.

Пронеси, Господи! Кунгур, 1964 год.

Пещерная глина – не грязь! Кунгур, 1964 год.

Страницы каменной летописи Кунгура,

Наедине с собственной тенью.
Кунгур, 1964 год.

Под каменным небом. Кунгур, 1964 год

256

Подземное озеро. Кунгур, 1964 год

Первооткрыватели

Спелеонавты.

Вода снаружи...

...и внутри.

У Пятого сифона. Кизил-Коба. 1966 год.

Кого только не встретишь под землей!..

Пещерные люди XX века.

Чатыр-Даг, 1982 год.

Баулин Ю. И.
Тропой подземной ночи...
(Записки спелеолога)

фотографии автора

Подписано в печать 15.03.2012.
Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ л. 16,25.
Тираж 1000 экз. Заказ № 30115

отпечатано в типографии “Onebook.ru”
ООО “Сам Полиграфист”
129090 г. Москва, Протопоповский переулок д.6
Тел. (495) 225-37-10
e-mail: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ONEBOOK.RU